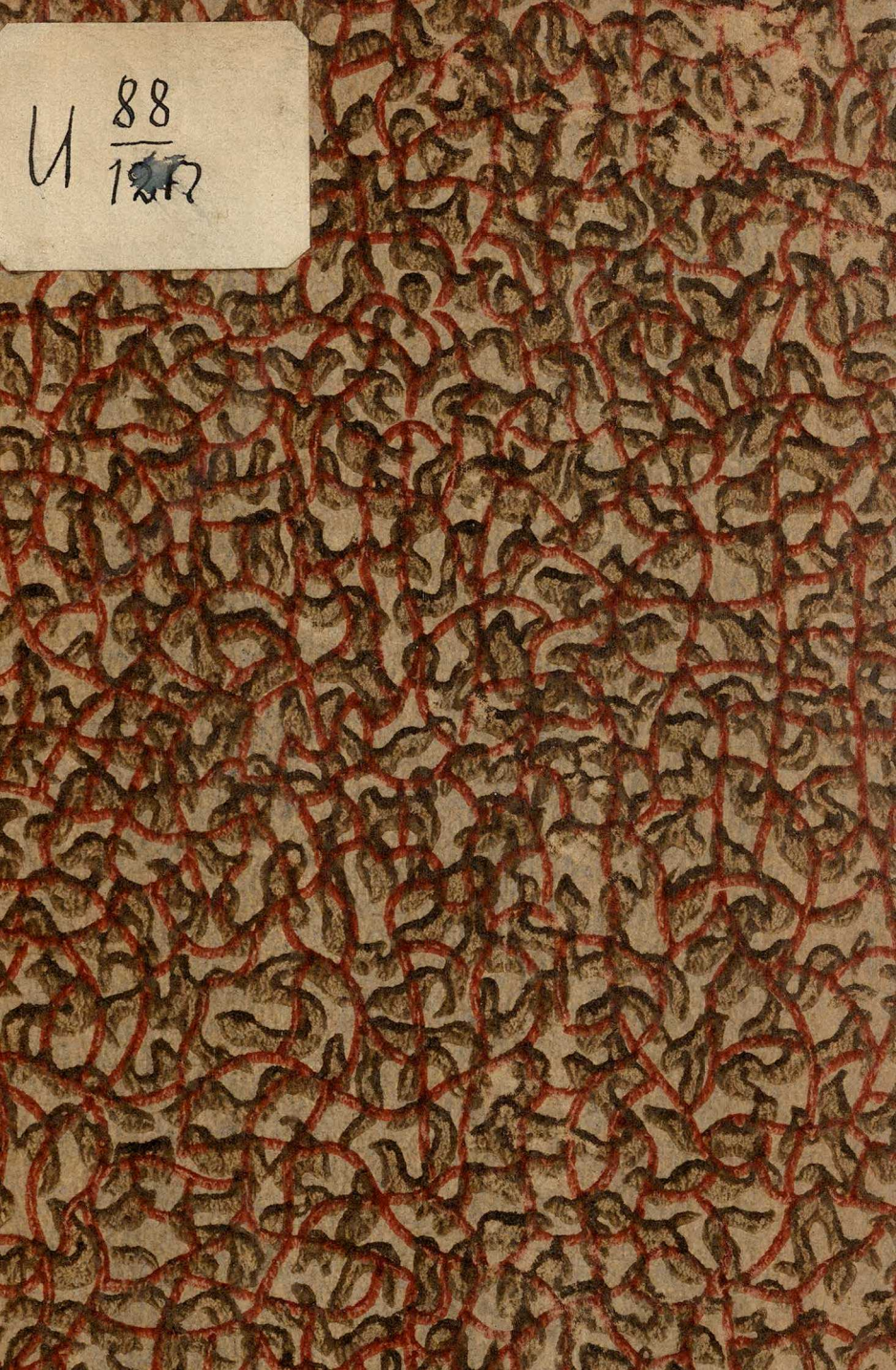
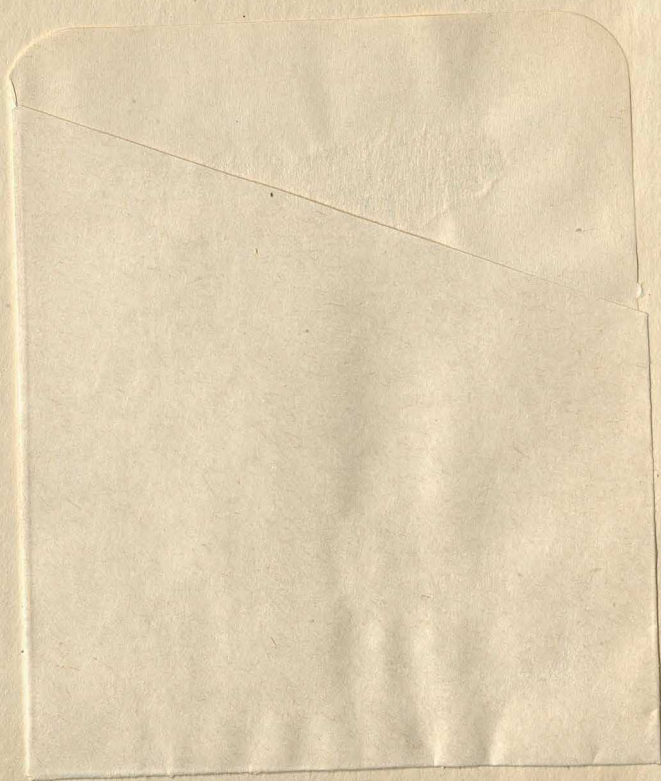

U $\frac{88}{1817}$

Михайль Петрович
Гросселичъ

МОСКВА.
Типографія Штаба Московскаго военнаго Округа.
Остоженка, д. военнаго вѣдомства.
1908.

100

100

100

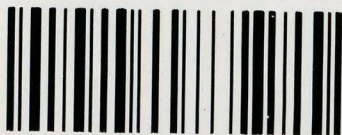
ЗАУРЯДЪ-ПРАПОРЩИКЪ
*Михаилъ Петровичъ
Троссевичъ.*

„Борьба съ лучами

Восходящаго солнца“.

Изъ боевыхъ воспоминаній
Русско - Японской войны.

МОСКВА.
Типографія Штаба Московскаго Военнаго Округа.
1908.

2014333968

ЗАУРЯДЪ-ПРАПОРЩИКЪ
Михаилъ Петровичъ
ГРОССЕВИЧЪ.

Мобилизація.

27 Января 1904 года.

Было 4 часа вечера; я сидѣлъ въ своей комнатѣ и старался углубиться въ чтеніе, но это мнѣ никакъ не удавалось,—я тотчасъ же терялъ нить прочитаннаго, и мысли мои неслись куда-то въ даль. Помню, что въ этотъ день съ самаго утра мнѣ было грустно, и я невольно ждалъ чего-то очень непріятнаго... Вдругъ въ комнату вошла сестра. Взглянувъ на нее, я понялъ, что ожиданья меня не обманули,—сестра была очень разстроена.

— Слыхалъ новость?—спросила она. Японцы объявили войну.

Теперь мнѣ припомнилось, что еще четыре дня тому назадъ, проходя по улицѣ г. Никольска, я встрѣчалъ массу извозчиковъ, которые везли на вокзалъ японскія семейства. Только теперь стало ясно это обстоятельство: японцы покидали русскіе города, такъ какъ уже имѣли свѣдѣнія, что будетъ война.

Я вспомнилъ также недавній еще разговоръ мой съ японскимъ фотографомъ Мори, съ которымъ я былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ, и мнѣ невольно стало жутко, когда я вспомнилъ, съ какой увѣренностью онъ говорилъ какъ-то разъ о могуществѣ Японіи.

Неужели, думалъ я тогда, эти тараканы такъ сильны?

Я былъ знакомъ съ японцами, я зналъ ихъ независимый гордый характеръ, и это обстоятельство меня главнымъ образомъ смущало. Я не разъ былъ свидѣтелемъ дракъ русскихъ съ японцами, но я не помнилъ, чтобы когда-нибудь въ такихъ случаяхъ японецъ струсилъ или отступилъ,—обыкновенно японцы дрались до тѣхъ поръ, пока не вступалась полиція и не утаскивала драчуновъ въ участокъ. Даже избитаго я помню его все-таки наступающимъ на противника: и подъ ударами японецъ не терялъ сознанья. Японецъ въ такихъ моментахъ упрямъ и настойчивъ до странности, онъ способенъ драться до самой смерти.

Все это вмѣстѣ взятое, очень краснорѣчиво говорило за японцевъ, и, признаться, я очень любилъ и уважалъ этотъ народъ; главнымъ же образомъ симпатія моя была подкуплена высшею степенью корректности.

Да, это не китайцы—думалъ я. Этотъ народъ постоятъ за себя.

Я въ волненіи смотрѣлъ на сестру и думалъ: что-то дать намъ эта, предстоящая война?

Сестра продолжала съ жаромъ разсуждать о случившемся.

— Успокойся, засмѣялся я, неужели ты думаешь, что эти клопы способны побѣдить такого гиганта, какъ Россія?...

Я вышелъ изъ дома съ головой, полной думъ и предположеній, грустно настроенный. Уже темнѣло. Тяжелые сумерки сгущались надъ Николь-

скомъ. Въ темнотѣ я отыскалъ на одномъ изъ заборовъ большое бѣлое объявленіе и при свѣтѣ спички сталъ читать Высочайшій манифестъ о призывѣ къ оружію для защиты родины запасныхъ нижнихъ чиновъ и офицеровъ. Мнѣ почему-то вспомнился такой же моментъ, когда я читалъ призывъ къ китайской войнѣ. Я сравнилъ оба впечатлѣнія — прошлое и настоящее: какая громадная разница была въ нихъ! Въ китайскую кампанію я ощущалъ чуть ли не удовольствіе, а теперь, наоборотъ, я чувствовалъ какую-то сердечную грусть, какой-то гнетъ...

— Побьемъ мы ихъ, это несомнѣнно, думалъ я, но сколько крови и горя предстоитъ пережить Россіи?

Подъ впечатлѣніемъ этихъ мыслей я ходилъ по улицѣ Никольска со страннымъ желаніемъ вслушиваться въ слова и разговоры проходящихъ: я зналъ заранѣе, что все, чтобы я ни услышалъ сегодня, будетъ относиться къ этой войнѣ, и мнѣ хотѣлось вынести общее впечатлѣніе. И вотъ, сколько я ни ходилъ, всюду я слышалъ одно и тоже—«пообѣдимъ», «расшибемъ въ дребезги этихъ макаковъ», «мы имъ покажемъ» и т. п.

Вотъ идутъ два господина, я слышу отрывокъ ихъ разговора.

— Русскій солдатъ—это великанъ, гигантъ, вылитый изъ стали...

— Да, но нужно ими умѣть руководить: Суворовыхъ да Скобелевыхъ теперь едва ли найти, отвѣчаетъ другой.

— Э, да что вы говорите? Развѣ мало въ Россіи даровитыхъ людей?

— Но вѣдь они всѣ останутся тамъ—дома, не у дѣлѣ, а управлять то вѣдь будутъ маменькины сынки...

— Вотъ, напимѣрь, возьмите господина А—ва, —вѣдь онъ... Я не слыхалъ дальше. Собесѣдники свернули въ улицу, а сужденіе объ А — въ подхватилъ сильный порывъ холоднаго зимняго вѣтра и унесъ отъ моего уха куда-то въ пространство.

— Тебѣ что, паря! всталъ, пошелъ и все готово! а вотъ каково мнѣ то;—вѣдь 5 дѣтишекъ остаются, слышу я уже отъ двухъ мужиковъ, проходящихъ мимо; и эти слова, мѣшаясь со свистомъ вѣтра, летятъ въ холодное безграничное пространство, а силуэты мужиковъ тонутъ въ темнотѣ Никольской улицы.

Прохожу мимо какого-то трактира. Онъ освѣщенъ болѣе, чѣмъ обыкновенно, слышится шумъ, пѣніе... Отворяется дверь, изъ которой стремительно вылетаетъ какой-то субъектъ.

— Эй, ты, подлецъ! — кричитъ онъ покачиваясь въ затворившуюся дверь.

— Вѣдь ты хулиганъ, а я запасной солдатъ. Я кровь свою пойду проливать, япошекъ буду бить, а ты што?

— Расшибу несчастную макаку *), — кричалъ запасной... Потомъ онъ запѣлъ какую-то пѣсню, которая изрѣдка прерывалась громогласнымъ — «расшибу».

Когда я подходилъ къ своему дому, то былъ озадаченъ страннымъ небеснымъ явленіемъ.

*) Обезьяну.

Вдругъ стало совершенно свѣтло, по небу катился яркій громадный метеоръ; онъ появился съ одного конца небеснаго свода и скрылся въ противоположной сторонѣ его, раздѣляя собой пополамъ глубокое звѣздное небо. Свѣтъ отъ этого метеора былъ настолько яркъ, что около минуты было свѣтло, какъ днемъ. (Этотъ метеоръ былъ виденъ такъ же во Владивостокѣ, Хабаровскѣ и въ Портъ-Артурѣ, какъ я узналъ потомъ). Мнѣ невольно вспомнилось повѣрье, что передъ кровавой и тяжелой войной бываютъ всегда небесныя явленія.

Потомъ вдругъ наступила страшная темнота. Только въ глубинѣ неба, чернаго какъ уголь, мерцали далекія разбросанныя, какъ огненные зерна, лучистыя звѣзды, и свѣтъ ихъ былъ, какъ мнѣ показалось, не голубоватымъ, а ярко краснымъ.

Вернулся я домой съ какой-то пустотой въ душѣ. Цѣлую ночь мысли о предстоящемъ народномъ горѣ волновали меня и не давали спать. Утромъ въ полку (я былъ вольноопредѣляющимся 3 Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка) я встрѣтилъ обычную картину, т. е. ученье.

— Что это насъ этой шагистикой морять?!— говорили между собой солдаты,—ученья то, поди, можно бы было и прекратить: все равно въ два дня ничему не научишься...

Вскорѣ явился командиръ роты, капитанъ Раздеришинъ, и приказалъ кончить ученье. Затѣмъ, окруженный солдатами, онъ началъ рѣчь: «Ребята! поздравляю васъ съ войной; помните, ребята, что теперь пришла очередь порабо-

тать за дорогую намъ Россію, она наша мать, а мы у нее въ долгу и т. д...» Онъ говорилъ долго и краснорѣчиво... Вся рота была взволнована его рѣчью.

— И такъ, ребята, не посраимъ родной земли... Побѣдимъ врага, что-ли?...

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе!—кричали солдаты.

— Только вотъ еще что? Пока мы врага еще не побѣдили, а потому и радоваться намъ рано,—чтобы пьянства этого не было; когда побьемъ японцевъ, тогда я и самъ съ вами выпью.

Съ этого часу былъ прекращенъ обычный характеръ роты: началась прежде всего уборка ротнаго имущества, снимали картины, иконы, расписанія, утаскивались въ ротный цейхгаузъ стулья, табуретки, кровати и вообще все, что не требовалось брать съ собою въ походъ. Къ вечеру этого же дня всѣ казармы нашего полка были положительно опустошены; онѣ казались теперь несравненно больше и производили непріятное впечатлѣніе, подобное тому, какое насъ охватываетъ, когда мы видимъ обгорѣлый скелетъ дома, послѣ внезапнаго пожара. Вся уютность исчезла вмѣстѣ съ вещами, взамѣнъ коихъ несли въ роты, такъ долго ожидавшіе своей очереди и еще никогда не бывшіе въ употребленіи, вороха полной боевой солдатской амуниціи, которую спѣшно принимали взводные унтеръ-офицеры въ громадномъ количествѣ.

Не смотря на приказаніе ротнаго командира, въ ротѣ появлялось большое количество пьяныхъ, пѣсни, звуки гармошки и разговоры о предстоящемъ...

Между солдатами стали появляться постороннія лица и солдатки изъ слободокъ. По угламъ комнатъ роты размѣщались группами и гости и хозяева-солдаты, прямо на полу, съ чайниками, закусками и водкой. Идя домой, я едва пробрался сквозь толпу народа, стоявшую около управленія Никольскаго воинскаго начальника: эта толпа загроздила собой почти всю улицу.

— Какая смѣсь одеждъ и лицъ, невольно подумалось мнѣ. Дѣйствительно, разнообразіе этой толпы трудно было что-нибудь выдумать; тутъ были офицеры и солдаты, мужики съ длинными бородами, безусые еще подростки и въ высшей степени корректно одѣтые люди разныхъ возрастовъ. Всѣ эти люди рвались на войну и теперь зачислялись въ списки дѣйствующихъ войскъ.

Вотъ вижу стоитъ, съ иголки одѣтый офицеръ; черты лица мнѣ очень знакомы, но военная форма измѣнила общее впечатлѣніе; я всматриваюсь внимательнѣе и стараюсь припомнить, гдѣ и когда я видѣлъ этого офицера; наконецъ узнаю—это мой знакомый фотографъ изъ Владивостока.

А вотъ и еще лицо, тоже очень знакомое, солидное и важное, но въ солдатской формѣ, и форма эта какъ-то не гармонируетъ съ наружностью; такая наружность, какъ эта, какъ-то неотъемлемо требуетъ въ высшей степени изящнаго цилиндра, а не солдатской безкозырки; не сѣрой грубой солдатской шинели, а роскошнаго пальто съ бобровымъ воротникомъ; — узнаю въ этомъ солдатѣ—извѣстнаго богача Сибири К—ва.

А вотъ—совсѣмъ еще мальчуганъ, даже и фуражка съ гимназическимъ гербомъ,—онъ тоже за-

писывается добровольцемъ въ дѣйствующую армію.

Тутъ же стоялъ сгорбленный сѣдобородый субъектъ съ медалями и крестами на груди,—это Николаевскій служака, вспомнилъ старину и такъ же предлагаетъ услуги бить япошекъ, какъ билъ онъ когда то, уже давно—давно, враговъ Россіи. Ему уже 62 года, но онъ все еще бодръ и крѣпокъ (онъ зачислился въ нашъ полкъ, въ 4 роту и впослѣдствіи—въ бою подъ Ляояномъ—былъ убитъ).

А вотъ и еще въ высшей степени странная личность,—это дочь Никольскаго купца С—ко, еврейка лѣтъ 28; она такъ же хлопочетъ о зачисленіи въ ряды дѣйствующей арміи (совершенно случайно я узналъ, что эта особа несчастливо и неудачно влюбилась и, чтобы хоть чѣмъ-нибудь заглушить свою тоску, бросилась хлопотать о поступленіи въ дѣйствующую армію; и, не смотря на комизмъ этого желанія, она все же достигла своей цѣли. Я встрѣчалъ ее раза два потомъ на войнѣ въ мужскомъ костюмѣ: она была зачислена въ списки развѣдчиковъ, была даже ранена. Впослѣдствіи я видѣлъ ее съ двумя георгіевскими медалями—именовала она себя во время кампаніи не Еленой Михайловной С—ко, какой была на самомъ дѣлѣ, а Михайломъ Николаевичемъ С—о.

— Позвольте представиться, вольноопредѣляющійся Шуньковъ,—съ такими словами подошелъ ко мнѣ очень прилично одѣтый господинъ.

— Очень пріятно,—назвалъ я свою фамилію.

— Будьте добры, скажите, вы вѣдь знаете здѣшніе полки, въ какой мнѣ совѣтуете протиснуться?

Я порекомендовалъ ему свой полкъ.

На другой же день я его встрѣтилъ въ погоняхъ 3 Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка.

На площади противъ казармъ нашего полка съ ранняго утра и до поздняго вечера совершался пріемъ на военную службу лошадей, которыхъ было громадное количество; они приводились изъ разныхъ концовъ города и изъ сосѣднихъ деревень; въ Никольскѣ сразу, замѣтно уменьшилось число извозчиковъ: кучера пошли въ ряды войскъ, а ихъ кони были такъ же готовы къ услугамъ арміи. Миѣ не разъ приходилось видѣть на козлахъ извозничьихъ санокъ женщинъ, которыя занимали мѣста мужей, теперь призванныхъ подъ знамена.

Весь Никольскъ замѣтно измѣнился; по его улицамъ ходило множество только что преобразившихся военныхъ. Даже и на Никольскомъ базарѣ была видна мобилизація: базаръ былъ теперь заваленъ громаднымъ количествомъ статскаго платья всевозможныхъ сортовъ, которое продавалось запасными за безцѣнокъ.

Роту же свою я положительно не узнавалъ. Солдаты дѣйствительной службы смѣшались съ бородатыми запасными, многіе изъ которыхъ были уже стариками, иные ходили еще въ вольномъ платьѣ, другіе уже обмундированные по военному. Обнаженные казармы нашего полка были биткомъ набиты людьми разнаго типа. Въ своей казармѣ я встрѣтилъ даже одну очень элегантно одѣтую даму съ дочерью гимназисткой, — онѣ пришли навѣстить сына—добровольца, молодого и красиваго юношу, ученика 7 класса реального училища—Славина.

Въ такихъ лихорадочныхъ сборахъ прошло болѣе недѣли. Наконецъ 2 февраля командиръ нашего полка донесъ по начальству, что 3 Восточно-Сибирскій стрѣлковый полкъ готовъ къ выступленію въ походъ.

Еще 1-го утромъ наша рота была выстроена въ полной боевой аммуниціи, для осмотра ротнымъ командиромъ. Теперь солдаты совершенно преобразились, шинели замѣнились недублеными овчинными бѣлыми полушубками. До сихъ поръ, когда я вспоминаю эти полушубки, мнѣ становится не по себѣ. Полушубки эти были всѣ на одинъ ладъ, а потому я попробую описать только свой.

Прежде всего онъ былъ у меня разноцвѣтный, т. е. спина и передъ были пыльнаго цвѣта, а рукава приблизительно кирпичнаго. Воротникъ моего полушубка не сходилъ на шеѣ минимумъ вершка на 3, а, главное, уходилъ весь куда-то на спину, ремешки же, замѣняющіе обязанности крючковъ, торчали выше ушей насящаго этотъ сверхъестественный нарядъ. Полы полушубковъ отвисали по колѣна, въ видѣ собачьихъ ушей, и глядѣли въ разныя стороны. Борты не сходились, и хозяинъ этого полушубка былъ обреченъ ходить съ незакрытой грудью и животомъ. А рукава! Боже, что это были за рукава. Откуда былъ взять этотъ фасонъ? Должно быть изъ дома умалишенныхъ. Они были узки настолько, что въ нихъ съ трудомъ пролѣзали руки, но за то въ длину портной не поскупился и пустилъ ихъ чуть ли не въ 1½ аршина, такъ что пальцевъ рукъ изъ этихъ рукавовъ увидать бы

ло никакъ невозможно; меня до сихъ поръ страшно интересуе́тъ, кто и по какой мѣркѣ шилъ эти полушубки. Мнѣ, сознаюсь, кажется, что портной, прямо таки, глумился.

Ко всему этому этотъ костюмъ издавалъ такой отвратительный запахъ, что чуть не вызывалъ тошноты.

Одѣтый въ этотъ полушубокъ былъ положительно связанъ; ко всему этому, на немъ висѣла вся боевая аммуниція, т. е. вещевой мѣшокъ съ полной выкладкой, который оттопыривался болѣе чѣмъ на полъ-аршина въ сторону отъ лѣваго бока.

На боевомъ ремнѣ висѣли два полныхъ подсумка патронъ (60 штукъ), на груди патронташъ съ 60 патронами, черезъ правое плечо запасная патронная сумка (30 патроновъ). Черезъ плечо новая скатанная шинель, обвернутая полотнищемъ палатки, въ видѣ хомута; къ ней же на спинѣ былъ прикрѣпленъ котелокъ и мѣшокъ со второй парой сапогъ; къ мѣшку были привязаны двѣ палки для палатки, а на лѣвомъ боку шанцевая лопата, которая при каждомъ шагѣ попадаетъ между ногъ и заставляетъ запинаться. Въ довершеніе всего—винтовка. Всего аммуниціи больше двухъ пудовъ. Простоявъ въ строю болѣе часу я чувствовалъ страшную усталость.

— Что будетъ съ этими несчастными, если ихъ заставятъ въ этой аммуниціи идти въ атаку?—съ ужасомъ думалъ я. Я готовъ былъ дать голову на отсѣченіе, что ни одинъ изъ солдатъ, навьюченный вышеописаннымъ образомъ, не справится со своей ношей и въ заключеніе разбросаетъ все. Оказалось, что я былъ правъ. Впо-

слѣдствіи сама война показала, что подобная тяжесть выше человѣческихъ силъ, и все дѣйствительно было разбросано.

— 2-го февраля вся наша и 9 Восточно-Сибирская стрѣлковая дивизіи были выстроены на площади, ожидая молебна; несмотря на то, что роты были выведены къ 8 часамъ утра, молебенъ начался только въ 10 часовъ. Былъ сильный морозъ, вѣтеръ не привѣтно рвался между шеренгъ солдатъ.

Всѣ мы, т. е. нижніе чины, были въ полушубкахъ, а потому и стояли на открытомъ вѣтрѣ, какъ бы совершенно гарантированные, что не замерзнемъ; однако на дѣлѣ было совсѣмъ не то, и я бы съ большимъ удовольствіемъ, если бы это было разрѣшено, замѣнилъ свой теплый полушубокъ шинелью,—въ ней все-таки была защита отъ вѣтра и холода для груди и горла.

Наконецъ, пріѣхалъ командиръ бригады, генералъ Генгроссъ. Я до сихъ поръ помню пріятное впечатлѣніе, которое охватило меня при видѣ его. Онъ былъ въ высшей степени веселъ; какъ сейчасъ я помню выраженіе его лица, и оно оставило въ моей душѣ пріятное впечатлѣніе; онъ смѣялся, острилъ... Мнѣ вспомнился онъ же въ Китайскую кампанію. Я невольно нарисовалъ его въ своемъ воображеніи такимъ же, какимъ онъ былъ во время защиты Харбина въ Китайскую войну. Я былъ въ то время въ отрядѣ генерала Сахарова. Мы двигались по Сунгари до г. Харбина совершенно не зная, живы ли наши, такъ какъ сообщеніе было порвано. Отрядъ

нашъ состоялъ приблизительно изъ 4-хъ тысячъ человѣкъ. Онъ былъ размѣщенъ на 25-ти пароходахъ. Чуть ли не каждый пароходъ былъ съ 2 или одной баржей. Только, разгромивъ нѣсколько китайскихъ крѣпостей, въ томъ числѣ Баян-ту, Сан-синъ и другія, мы, наконецъ, стали приближаться къ Харбину. Первыхъ русскихъ мы увидѣли верстъ за пять до Харбина,—это были сторожевые посты пограничной стражи, ограждающіе Харбинъ, въ которомъ находилась сравнительно небольшая горсть людей, подъ командою Генгросса. Помню, какъ сейчасъ, этотъ торжественный день. Да, это былъ дѣйствительно торжественный для харбинцевъ день. Сторожевой постъ, увидѣвшій пароходы съ русскими войсками, былъ обрадованъ въ высшей степени; казаки кричали ура и бросали вверхъ свои большія лохматые папахи, ѣхали вдоль берега, не — умолкаемо крича громкое ура и не отставая отъ парохода. Наконецъ, въ дали показался Харбинъ. Въ распоряженіи Харбина былъ только одинъ пароходъ китайской желѣзной дороги № 3; онъ былъ посланъ на встрѣчу намъ. Онъ бѣжалъ по глади Сунгари полнымъ ходомъ и не умолкая свистѣлъ, и въ этомъ звукѣ свистка были слышны какія-то радостныя нотки; салютуя нашимъ пароходамъ, онъ обѣгалъ кругомъ cadaго изъ нихъ; палуба на немъ была защищена толстыми листами желѣза, изъ - за которыхъ выглядывали веселыя лица охранныхъ казаковъ, кричавшихъ ура и бросавшихъ папахи, изъ которыхъ многія, неудачно и слишкомъ усердно брошенные, плыли внизъ по теченію Сунгари.

Съ берега отъ Харбина несло еще издали ура и звуки музыки. Нѣсколько нашихъ оркестровъ отвѣчали привѣтствію Харбина тѣмъ же.

Было уже совсѣмъ темно, когда нашъ первый пароходъ подошелъ къ берегу. На берегу толпился плотной массой осажденный Харбинскій гарнизонъ, состоящій по большей части изъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, одѣтыхъ теперь въ мундиры охранниковъ. По всѣму берегу пылали костры, факелы и фонари—электрическіе и обыкновенные,—весь Харбинъ былъ иллюминированъ. Музыка и крики ура продолжались до самаго утра, и въ эту ночь никто изъ русскихъ, находившихся въ Харбинѣ, не спалъ ни минуты. Утромъ былъ парадъ въ честь прибытія подкрѣпленія; парадомъ командовалъ генералъ Гернгроссъ, котораго я и увидѣлъ тогда въ первый разъ, и еще тогда онъ произвелъ на меня самое выгодное впечатлѣніе, усиленное впоследствии еще больше за всю китайскую кампанію его боевой богатырской натурой. И вотъ теперь, спустя четыре года, стоя на площади Никольска, въ ожиданіи передъ-походнаго молебна предъ японской войной, я все время вспоминалъ описанное выше, а попутно и другія событія китайской кампаніи. Наконецъ послышалась команда: «Смирно... На молитву... шапки долой». Начался молебенъ. Слова священника и пѣніе хора едва доносились до моего слуха, заглушаемые сильными порывами вѣтра. Благоговѣнно молились солдаты, кланяясь своими короткоостриженными разноцвѣтными головами, которыя виднѣлись рядами почти по всей площади. Благоговѣнно мо-

лились частныя лица, окружавшія нашу бригаду. Тутъ были старики, дѣти, женщины разныхъ слоевъ общества. Горячо молились они о дорогихъ своихъ близкихъ, идущихъ животъ свой положить на полѣ брани, горячо молились они о дарованіи побѣды и славы дорогому отечеству. Какая то общая грусть была запечатлѣна на всѣхъ этихъ лицахъ, окружавшихъ насъ. Всѣхъ ихъ тяготила одна и таже мысль: что то пошлетъ Богъ? Кого осудить своимъ тайнымъ и непреклоннымъ судомъ на смерть, кого помилуетъ и вернетъ къ родному очагу, по окончаніи предстоящаго кроваваго пира? Что то дастъ Онъ—славу или позоръ? и еще много много вопросовъ роилось въ головахъ молящихся, но, вотъ, послышался звукъ рожка, играющаго отбой, а затѣмъ и команда:

— На...кройся!... Обнаженные короткоостриженные головы солдатъ мгновенно скрылись въ черныхъ огромныхъ и лохматыхъ папахъ. Потомъ, помню, выѣхаль передъ фронтомъ генераль Гернгроссъ и что-то началъ говорить; только нѣкоторые слова могло улавливать мое ухо, большая же часть его рѣчи была съ азартомъ проглочена вѣтромъ. Онъ говорилъ не долго, но, видимо, съ оживленіемъ, и это оживленіе невольно передавалось окружающимъ его войскамъ. Наконецъ рѣчь смѣнилась громкимъ ура!...

Вскорѣ насъ распустили по ротамъ, объявивъ, что въ четыре часа дня отправляется въ походъ первый эшелонъ, а въ 2 часа ночи второй, въ который входила такъ же и наша рота. Насъ отпустили до 8 часовъ вечера, чтобы проститься съ родными, остающимися въ Никольскѣ.

Въ походѣ.

Въ 8 часовъ вечера третьяго февраля наша рота была построена въ казармѣ, уже совсѣмъ готовая къ выступленію. Длинной казармы теперь не хватало, что бы помѣстить роту, а потому лѣвый флангъ былъ загнутъ и стоялъ подъ прямымъ угломъ, тогда какъ прежде, при общемъ строѣ роты, мѣста въ казармѣ оставалось съ избыткомъ; но теперь рота, пополненная запасными, была почти вдвое больше, чѣмъ прежде.

Пришелъ ротный командиръ, капитанъ Раздеришинъ. Поздоровавшись съ ротой, онъ спросилъ у фельдфебеля, всѣ ли на лицо? оказалось, что въ ротѣ не было унтеръ-офицера Вторушина и стрѣлка Черникова; ротный командиръ послалъ немедленно отыскать неявившихся, но едва ушли посланные, какъ въ двери ввалился унтеръ-офицеръ Вторушинъ и преспокойно отправился въ строй.

— Ты почему опоздалъ? — спросилъ строго Раздеришинъ.

— Такъ что, Ваше Высокоблагородіе, съ земляками прощался.

— Я отпустилъ только до 8 часовъ.

— Такъ точно, Ваше Высокоблагородіе, я имъ сказывалъ, а они во вниманіе не берутъ, сказываютъ, что въ ротѣ и безъ меня обойдется — докладывалъ, основательно подвыпившій, Вторушинъ. И, такъ что, они папаху мою спрятали, что-бъ я не ушелъ отъ нихъ.

— Да какъ ты смѣешь мнѣ говорить подобныя глупости? У солдата какіе-то тамъ земляки папаху спрятали; да ты что, ребенокъ что-ли?

— Виновать, Ваше Высокоблагородіе! Прозѣвалъ какъ-то, а они и спрятали; я ихъ, Ваше Высокоблагородіе, прошу,—отдайте, землячки, папаху, а они хоть бы что, только зубы скалятъ, ну, а какъ я имъ повыщелкалъ зубы-то, ну, тогда отдали.

— На 5 нарядовъ на дежурство. Становись въ строй, дубина!

Немного погодя явился и Черниковъ; его вели подъ руки двое солдатъ: онъ былъ безпоротно пьянъ, онъ едва передвигалъ ноги и что-то, со всхлипываніемъ, бормоталъ.

— Положить на двуколку эту скотину и отвезти на вокзалъ — распорядился ротный; на дневальство его, негодяя, до тѣхъ поръ, пока не скажу «довольно».

— Слушаюсь, Ваше Высокоблагородіе.

— Ваше Высокоблагородіе — промычалъ Черниковъ—простите: выпилъ! Потому, Ваше Высокоблагородіе, какъ же не выпить? жену вѣдь оставляю, я ее страсть какъ люблю. И Черниковъ заплакалъ навзрыдь, хотя и ясно было, что плачетъ онъ спьяна; тѣмъ не менѣе, я помню, эти слезы взрослого человѣка, покидающаго свою любимую жену, произвели на меня тяжелое впечатлѣніе.

Наконецъ, было отдано приказаніе вести роту на желѣзнодорожный вокзалъ, тамъ погрузить на вагоны ротное имущество, которое должно было слѣдовать съ нами въ походъ; а въ 2 часа

ночи мы должны были покинуть городъ Никольскъ-Уссурійскій.

Мы вышли изъ казармъ въ темноту Никольской улицы. До вокзала было около трехъ верстъ, было темно и вѣтрено; рота шла какъ-то молчаливо, — не было слышно обычныхъ веселыхъ остротъ и шутокъ, почти все молчали, погруженные въ свои не веселыя сокровенныя мысли. Только шагавшій черезъ два человѣка отъ меня пьяный запасной ефрейторъ Чуйкинъ былъ въ высшей степени разговорчивъ и безпечно весель; онъ даже порывался нѣсколько разъ зашѣть, но присутствіе офицеровъ при ротѣ сдерживало его порывъ веселья; по мѣрѣ же приближенія къ вокзалу, смолкъ и онъ. Рядомъ со мной шелъ доброволецъ Славинъ; онъ мнѣ рассказывалъ о своей жизни, о своихъ молодыхъ мечтахъ, о своихъ разочарованіяхъ и о желаніи идти на войну, чтобы умереть. Не смотря на свои лѣта, мой юный пріятель былъ разочарованъ въ жизни...

Но вотъ длинная цѣпь огней желѣзнодорожныхъ фонарей, какъ-то скучно и тускло свѣтившихъ въ холодной зимней мглѣ, уже была передъ нами. Тотчасъ же по прибытіи нашемъ на вокзалъ, началась энергичная нагрузка на желѣзнодорожныя платформы; сначала начали грузить дивизионный обозъ. Къ высокимъ платформамъ подставляли доски и по нимъ закатывали двуколки съ патронами, съ медикаментами и съ прочимъ грузомъ, а такъ же тяжелыя желѣзныя походныя кухни. Солдаты работали, какъ и всегда, довольно быстро, но и работа ихъ носила какой-то необычный характеръ. Въ темнотѣ, на вѣтрѣ и

морозѣ, нѣсколько сотъ силуэтовъ таскали, тянули, везли и вязали, а между тѣмъ, какъ это дѣлалось тихо и безшумно, и только изрѣдка среди вѣтра зазвенить чей-нибудь свирѣпый начальнический окликъ: куда прешь, чертъ? или что-нибудь въ этомъ родѣ. Но темнота страшно препятствовала нагрузкѣ, а потому было приказано разложить костры, которые скоро и засіяли, борясь съ мглою ночи на далекое разстояніе по линіи желѣзной дороги. Багровое пламя костровъ освѣщало лица работавшихъ, придавая имъ странный видъ, тѣмъ болѣе, что лица эти отъ сильнаго мороза покрылись бѣлымъ инеемъ, который серебрилъ бороды и усы. Вокругъ костровъ собирались промерзшіе солдаты, отогрѣвая себѣ руки и лица. Я всегда замѣчалъ, что около костра человѣкъ чувствуетъ себя хорошо и тотчасъ мѣняетъ свое душевное настроеніе,—такъ же было и теперь.

Отъ костровъ слышался веселый смѣхъ и шутки; какъ будто теплота костра родила сама этотъ смѣхъ и это воодушевленіе. Но вотъ издалека, изъ города, послышалось 2 протяжныхъ удара колокола—2 часа, а между тѣмъ груза оставалось еще довольно много, почему отправленіе нашего эшелона быть отложено до утра.

Такъ работала рота цѣлую ночь, и когда настало холодное, невеселое пасмурное утро, всѣ желѣзнодорожныя платформы все-таки были полны воинскаго груза. Скоро подали теплушки и для насъ самихъ; хотя и можно было бы сложить въ нихъ висѣвшую на насъ въ продолженіе цѣлой ночи аммуницію, но распоряженія такого не было; должно быть насъ съ мѣста въ карьеръ хотѣли приучить къ тяжести этой аммуниціи.

Съ наступленіемъ утра желѣзнодорожный вокзалъ началъ все болѣе и болѣе оживляться: изъ города тянулись толпы народа провожать нашъ эшелонъ. И опять таки на лицахъ этихъ людей я видѣлъ отпечатокъ душевнаго горя, на многихъ же слѣды только что пролитыхъ неутѣшныхъ слезъ. Около десяти часовъ утра приказано было помѣститься въ теплушки, но тѣмъ, кого пришелъ кто-нибудь провожать, было разрѣшено оставаться на платформѣ, а потому и платформа эта была переполнена людьми разныхъ типовъ. Они размѣщались отдѣльными группами, и въ каждой изъ группъ былъ виденъ или пыльнаго цвѣта полушубокъ или свѣтло-сѣрое пальто офицера.

Меня пришли такъ же провожать: сестра, два брата, зять и золовка; стоя въ ихъ группѣ, я чувствовалъ себя въ высшей степени неловко,—они были прилично одѣты, я же среди нихъ былъ какъ-бы ошельмованнымъ въ своемъ безобразномъ полушубкѣ, и хотя не я одинъ былъ одѣтъ подобнымъ образомъ, но мнѣ, какъ-то невольно, казалось, что вниманіе всѣхъ присутствующихъ было обращено исключительно на мой полушубокъ, къ которому я и самъ чувствовалъ брезгливость и безконечную ненависть: этотъ полушубокъ былъ моею болѣзнью. Не далеко отъ насъ виднѣлся, въ противоположность моему, кирпичнаго цвѣта полушубокъ, но съ рукавами неимовѣрно узкими и пыльнаго цвѣта. Я смотрѣлъ на этотъ полушубокъ съ ненавистью и мнѣ невольно было досадно на портного. — «Вотъ вѣдь, подлецъ, думалъ я, ужели онъ не могъ моихъ рукавовъ придѣлать, напимѣръ, къ этому полушубку, а съ этого по-

лушубка къ моему, все бы приличнѣе было,—хотя и не къ черту негодный нарядъ, но за то хоть одного цвѣта. Хозяинъ сосѣдняго полушубка былъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ, наружность имѣлъ довольно красивую и интеллигентную, а рядомъ съ нимъ стояла молодая, хорошенькая, заплаканная дамочка, одѣтая въ высшей степени изящно.

— Милый, милый!—шептала она кирпичному полушубку съ пыльными рукавами,—какъ тебя бѣдняжку обезобразили, — вѣдь изъ тебя, моего красавца, воронье пугало сдѣлали.

Кирпичный полушубокъ смѣлся, хотя и видно было, что ему не до смѣха.

— Да, мнѣ и въ голову никогда не пришло бы, что мнѣ придется щеголять въ подобномъ костюмѣ. И онъ обнялъ свою заплаканную жену.

Мимо меня прошелъ мой новый пріятель Шуньковъ, одѣтый приблизительно такъ же прилично, какъ я, но измѣнившій фасонъ своего полушубка по собственному произволу, выведенный изъ терпѣнія длиною рукавовъ: онъ ихъ откромсалъ безчеловѣчно, чуть-ли не по локоть.

— Смотри, какой мрачный убивецъ идетъ!—засмѣялся онъ мнѣ. Дѣйствительно, онъ походилъ на разбойника съ большой дороги, и названіе «мрачный убивецъ», какъ нельзя больше, шло къ нему.

Вдругъ всѣ сразу засуетились и бросились къ своимъ вагонамъ. Это были обыкновенные товарные вагоны, внутри которыхъ были устроены нары, а посрединѣ стоялъ каминъ. Въ каждомъ такомъ ящикѣ должны были помѣститься по 40

человѣкъ, а потому была страшная давка, духота и тѣснота. При этомъ, во время хода поѣзда, двери нашихъ теплушекъ были загорожены поперечной доской.

Минуть черезъ пять весь эшелонъ былъ готовъ и изъ вагоновъ, какъ изъ дверей, такъ и изъ верхнихъ оконъ, выглядывали солдаты. Я стоялъ въ дверяхъ, облокотясь о поперечную доску, солдаты толпились такъ же въ дверяхъ настолько плотно, что я былъ положительно прижатъ къ доскѣ; настолько, что, если бы я вздумалъ сдѣлать хоть полъ-шага назадъ или въ сторону, я не справился бы съ насѣвшею на меня плотной массой.

На платформѣ остались только провожавшіе; теперь они были еще грустнѣе, и не смотря на то, что много людей переживало одно и тоже, т. е. разлуку, все-таки каждый страдалъ самъ по себѣ...

Мнѣ рѣзко запечатлѣлась въ памяти одна дѣвушка: она стояла на платформѣ, облокотясь локтемъ на барьеръ, грустно устремивъ свой, затуманенный слезами, взоръ. Она была блѣдна, какъ мертвая, и только подъ глазами отъ пролитыхъ слезъ были видны темные круги, а все лицо ея, молодое и красивое, выражало непосильную душевную боль. Она плакала беззвучно и неутѣшно. Противъ нея, въ дверяхъ теплушки, стиснутый массой солдатъ, стоялъ совсѣмъ молодой человѣкъ, почти мальчикъ, и на глазахъ его такъ же блестѣли слезы.

— Батюшки, родименькіе, пустите!—кричала обезумѣвшая отъ горя молодая баба, стараясь

уцѣпиться за вагонъ. Ее грубо оттащили станціонный жандармъ.

— Ваничка, миленькій, на кого ты меня, горемычную, покидаешь—кричала она.

Вотъ противъ дверей одной изъ теплушекъ толпится кучка заплаканныхъ дѣтей (ихъ 6) во главѣ съ блѣдной худой ихъ матерью, тоже заплаканой и грустной.

— Прощай! тятенька, лепечутъ сквозь слезы ребятишки, скорѣй... назадъ приѣзжай...

— Прощайте, дѣтки!—отвѣчаетъ имъ старый солдатъ съ бородой и видомъ патріарха, — Богу молитесь, мать слушайте, не шалите,—и онъ крестилъ воздухъ, благословляя ихъ. Въ наблюденіи за окружающимъ я не замѣтилъ, какъ паровозъ далъ послѣдній свистокъ, и поѣздъ вдругъ сильно рвануль впередъ; отъ этого толчка все по инерціи качнулось въ сторону, едва удержавшись на ногахъ.

— До свиданья! Прощай! — слышалось кругомъ...

— Я буду молиться за тебя—кричить со страданіемъ на лицѣ дѣвушка у перилъ, но ея слова заглушаются вдругъ грянувшимъ хоромъ музыки.

Вокзалъ сталъ быстро удаляться отъ насъ; на немъ толпился шумящій народъ и мелькали бѣлые платки; изъ оконъ и дверей вагоновъ появились такъ же платки, которыми солдаты неистово размахивали въ воздухъ. Поѣздъ мчался все быстрѣй и быстрѣй.

Прощай, Россія, прощай, Никольскъ!

Вокзалъ становился все миниатюрнѣе и миниатюрнѣе. Бѣлые болтающіеся платки обратились

въ точки. Наконецъ и многолюдный Никольскъ скрылся изъ глазъ.

Мы мчались въ сторону крови и страданій. Мы мчались въ роковую Манджурію. И многіе, многіе изъ насъ, уже безвозвратно: они должны были лечь на ея кровавыхъ поляхъ. Въ нашемъ тѣсномъ и дымномъ вагонѣ, какъ будто пролетѣлъ ангелъ печали.

— Ну, а теперь выпить пора, заявилъ басомъ одинъ изъ запасныхъ, вынимая изъ подъ наръ жестяную четверть съ водкой. На нарахъ была раскинута шинель, на ней поставленъ сосудъ съ зельемъ забвенья всѣхъ бѣдъ и печалей, вокругъ расположились солдаты, и походный пиръ начался. Сначала всѣ были мало разговорчивы и пили водку, чуть-ли не молча, но мало-по-малу стали оживляться. Вотъ послышался веселый смѣхъ, за нимъ снова слышались обычные шутки, и печаль была забыта. Скоро четверть смѣнилась новой, а съ ней уже окончательно явилось дикое веселье, хотя, впрочемъ, не смотря на выпивку, все же можно было замѣтить на многихъ лицахъ грустное выраженіе.

Смѣхъ и говоръ принимали все большіе и большіе размѣры, а въ заключеніе послышался уже крикъ.

Вотъ, вижу, ефрейторъ Брыленко, порядочно подвыпившій, облокотился спиной о стѣнку вагона и, наклонивъ на грудь голову, грустно запѣлъ:

«Ей, спали, спали съ рукъ перча-а-тки,
Ой, да полилися слезы съ глазъ,

Ой, да почувствовало мое се-е-е-рце
Вѣ-къ солда-а-тикомъ слу-у-жить».

Кто-то подхватилъ, и въ дымномъ вагонѣ зазвенѣла пѣсня, хотя и вполнѣ бессмысленная и дикая, но тѣмъ не менѣе пропѣтая съ большимъ стараніемъ и чувствомъ. Голоса были хриплые и крикливые, но изъ глазъ Брыленко катились слезы.

— Эхъ, расшибу я всякую япошку, большую и маленькую, обливаясь пьяными слезами, кричалъ онъ.

Къ вечеру поѣздъ остановился на одной изъ станцій, гдѣ въ казармѣ охранной стражи былъ приготовленъ обѣдъ. Рота выстроилась съ котелками, и насъ повели въ казарму. Помню, обѣдъ состоялъ изъ порціи мяса, щей и рисовой каши. Я обѣдалъ рядомъ съ однимъ изъ запасныхъ, извѣстнымъ весельчакомъ и балагуромъ Чуйкинымъ. Онъ уплеталъ за обѣ щеки и не умолкаемо балагурилъ; въ особенности ему пришлась по вкусу рисовая каша; онъ съѣлъ порцію и отправился за новой.

— Землячекъ! Дай-ка, братъ, еще немного панафида, просилъ онъ у повара. Ему положили новую порцію.

— Славная панафида! Первый сортъ панафида!—хвалилъ онъ, истребляя кашу. Обѣдъ былъ конченъ, и мы отправились въ свои теплушки; въ нашей теплушкѣ мы встрѣтили цѣлое приключеніе. Оказалось, что не оставивъ никого въ ней, мы ушли обѣдать, когда каминъ былъ полонъ горящихъ дровъ. Благодаря сильной температурѣ, затлѣлся войлокъ на крышѣ, у трубы камина, а

потому въ теплушкѣ набралось дыму и стоялъ удушливый воздухъ; на мѣсто происшествія прибылъ поѣздной кондукторъ; противъ пожара были приняты мѣры, но въ теплушкѣ все же было удушливо.

Солдаты стали жаловаться кондуктору на то, что отпускается мало дровъ, что очень тѣсно, что дымить каминъ и проч.

— А мнѣ то што?—отвѣчалъ кондукторъ.—Я не печникъ, а кондукторъ, мнѣ какое дѣло, что каминъ дымить? Дровъ тоже не по моему распоряженію отпускаютъ: на то есть высшее распоряженіе. А что касается того, что тѣсно, такъ эвто тоже закономъ предусмотрѣно: 40 человѣкъ на вагонъ; а если много разсуждать будете, такъ и еще 8 лошадей къ вамъ сюда поставимъ. Глядите, на вагонѣ написано: 40 человѣкъ и 8 лошадей.

— Да тебѣ то тамъ толстопузому въ отдѣльномъ купѣ хорошо ѣхать, а тебя бы съ нами посадить, такъ узналъ бы.

— Зачѣмъ мнѣ съ вами ѣхать, мнѣ и въ купѣ хорошо; я вѣдь не пушечное мясо, — важно проговорилъ кондукторъ и съ гордымъ видомъ вышелъ изъ вагона, брезгливо поморщившись.

— Штыкъ бы тебѣ въ пузо, подлецу, полетѣло изъ вагона по адресу кондуктора.

Сумерки быстро сгущались, въ нашемъ вагонѣ становилось все темнѣй и темнѣй и, наконецъ, воцарилась полная тьма, — окна и двери были плотно закрыты, изъ нихъ не было видно ни проблеска свѣта, только изъ дверки камина виднѣлась полоска и пламени ярко свѣтились пять ды-

рочекъ въ той же дверки, да на верху часть трубы была накалена до красна; весь же вагонъ былъ погруженъ во тьму, гдѣ изрѣдка вспыхивали зажигаемыя спички и свѣтились точки папиросъ. Изъ тьмы слышался голосъ Чуйкина, рассказывающаго безконечную сказку про попа. Его слушали со вниманіемъ, а нѣкоторые аккомпанировали аппетитнымъ храпомъ.

Но вотъ сказкѣ былъ конецъ. А съ нимъ и въ вагонѣ воцарилась полная тишина. Только и слышался храпъ да дыханіе спящихъ и рѣзкій металлическій стукъ колесъ мчавшагося во тьму нашего поѣзда.

Мнѣ не спалось, и мысли невеселыя и назойливыя лѣзли въ голову. Съ этими мыслями я встрѣтилъ утро.

Такимъ образомъ мы ѣхали двое сутокъ и, наконецъ, нашъ поѣздъ остановился въ Харбинѣ, гдѣ долженъ былъ простоять сутки, и только потомъ уже двигаться къ Ляояну, т. е. къ пункту нашего похода.

Въ Харбинѣ, пользуясь суточной стоянкой, я попросилъ разрѣшеніе сходить въ городъ; тамъ мнѣ хотѣлось отыскать своихъ знакомыхъ. Мнѣ былъ хорошо знакомъ этотъ городъ, этотъ «Новый Вавилонъ», какъ его многіе называли.

Я помню Харбинъ, когда онъ былъ еще китайскимъ селеніемъ. Я былъ піонеромъ Харбина, служу на желѣзной дорогѣ еще въ 1897 году, когда Харбинъ началъ только что строиться. Въ то время, какъ я уже сказалъ, Харбинъ былъ китайскимъ селеніемъ, фанзы котораго были передѣ-

ланы на русскій ладъ. Въ то время это мѣстечко раздѣлялось на двѣ части: на Старый Харбинъ и Харбинъ—пристань. Старый Харбинъ былъ болѣе населенъ и состоялъ изъ нѣсколькихъ улицъ, имѣя видъ маленькаго городка. Харбинъ — пристань находился въ 8 верстахъ отъ стараго, на берегу Сунгари; онъ состоялъ изъ желѣзнодорожной, только что отстроенной, лѣсопилки, изъ двухъ механическихъ мастерскихъ и 8 бараковъ, устроенныхъ изъ циновокъ для служащихъ; и вотъ все это, вмѣстѣ взятое, называлось Харбиномъ - пристанью.

При мнѣ же, т. е. при моемъ отъѣздѣ (1899 г.) Харбинъ—пристань уже былъ неузнаваемымъ, а берегъ Сунгари былъ застроенъ мастерскими, конторами, складами, кладовыми и разными постройками, занимая площадь не менѣе квадратной версты.

Затѣмъ я помню Харбинъ уже въ 1900 и 1901 г., т. е. во время китайскаго возстанія; тогда онъ меня поразилъ еще больше своими постройками,—на мѣстѣ 8 циночныхъ бараковъ уже городъ, полный народу и полный жизни. Послѣ китайской войны появились первыя постройки Новаго города, находящагося между Старымъ и пристанью.

Теперь же Харбинъ разрослся, какъ растутъ великаны въ сказкахъ, не по днямъ, а по часамъ; я положительно не узнавалъ его. Пристань расплзлась до размѣровъ большаго города и соединилась съ Новымъ Харбиномъ, который въ свою очередь былъ такъ же большимъ городомъ,

и, соединяясь съ нѣсколькими, вновь выстроеными, слободками, уже доползалъ до Старого.

Обойдя почти весь Харбинъ и побывавъ во всѣхъ домахъ, гдѣ я могъ бы встрѣтить знакомыхъ, я не нашелъ ни одного изъ нихъ. Вездѣ мнѣ сообщали, что «такой-то» уѣхалъ на этихъ дняхъ въ Россію; оказалось, что война очень не по вкусу пришлась харбинцамъ, которые и спѣшили увезти свои шкуры подальше отъ боевого огня.

Часъ обѣда между тѣмъ уже пришелъ, и я почувствовалъ голодъ, а потому зашелъ въ одинъ изъ многочисленныхъ ресторановъ Харбина; но въ дверяхъ меня встрѣтилъ лакей и довольно грубо заявилъ, что нижнимъ чинамъ въ ресторанъ входъ запрещенъ. Я сунулся еще въ два—три ресторана, но и тамъ потерпѣлъ фіаско.

Оказывалось, что нижнимъ чинамъ входъ запрещенъ вездѣ, и только остались открытыми двери на театръ военныхъ дѣйствій. Наконецъ, послѣ долгихъ странствованій, я былъ допущенъ въ какой—то грязный трактиръ, носящій громкое названіе «Слава Россіи»; но и въ этомъ трактирѣ я не имѣлъ права оставаться въ залѣ, чтобы своей персоной не нарушить общее благочиніе и не оскорбить пьяныхъ харбинскихъ приказчиковъ; меня посадили въ отдѣльную комнату, и послѣ часу ожиданія я, наконецъ, получилъ порцію жареной утки, которая оказалась стоимостью въ 1½ рубля.

Хозяинъ трактира, ожирѣвшій на русскія деньги, армянинъ, погнушался пустить русскаго нижняго чина въ залу своего трактира, но не

нашелъ нужнымъ церемониться съ карманомъ этого солдата и содралъ съ него на равномъ со всѣми основаніи. Впрочемъ, не одинъ трактиръ «Слава Россіи» занимался живодерствомъ; этимъ дѣломъ, въ тѣ славные дни, былъ занятъ весь Харбинъ поголовно. Слово «рубль» въ Харбинѣ было пустымъ, ничего не значущимъ звукомъ; къ нему относились съ такимъ же уваженіемъ, какъ въ Россіи относятся къ копейкѣ, а между тѣмъ я помню этотъ же Харбинъ, когда въ немъ царствовала дешевизна (впрочемъ, тогда это былъ вовсе еще не Харбинъ, а, какъ я уже сказалъ выше, только 8 циновочныхъ баражовъ). Напримѣръ: утка и курица стоили тогда отъ 8 до 10 копѣекъ, ихъ съ удовольствіемъ мѣняли китайцы на пустыя бутылки. Громаднѣйшій гусь стоилъ отъ 40 до 50 к. Сотня яицъ отъ 15 до 20 копѣекъ. Если бы современнымъ харбинцамъ сказали эти цѣны, они навѣрное не повѣрили бы и даже посчитали бы тебя за сумасшедшаго. Въ Харбинѣ, если что и цѣнилось тогда, такъ это пустыя бутылки. Я помню любимую забаву охранниковъ (казаки, нанятые для охраны желѣзной дороги). Они собирали толпу китайцевъ на берегъ Сунгари и бросали въ воду пустыя бутылки; китайцы, давя другъ друга, бросались за бутылкой и плыли за ней, стараясь обогнать другъ друга и схватить эту драгоцѣнность; они поднимали отчаянные драки и, даже плывя, старались захлестать другъ друга водой или схватить за косу и окунуть въ воду противника, чтобы воспрепятствовать ему овладѣть бутылкой; неоднократно китайцы тонули изъ-за бутылокъ, и тогда охранники

выплывали въ лодкѣ и вытаскивали со смѣхомъ утопающаго за косу.

Китайскій Харбинъ за эти послѣдніе годы вполне обрусѣлъ, а вмѣстѣ съ нимъ обрусѣли и китайцы или, вѣрнѣе, научились драть съ русскихъ деньги; теперь уже не найдешь такого наивнаго китайца, который бы согласился работать съ утра до вечера за 15 коп., какъ это было, напримѣръ, въ 1897 году: теперь поденщику китайцу подавай рубль или даже всѣ два.

Харбинъ со своей дороговизной, со своей суетою, опротивѣлъ мнѣ за этотъ день, и я даже съ облегченіемъ вздохнулъ, когда снова очутился между своихъ солдатъ.

Въ 12 часовъ ночи нашъ поѣздъ, свернувъ на Артурскую вѣтку, двинулся дальше

— Прощай живодеръ Харбинъ!—крикнулъ изъ окошка свое привѣтствіе Шуньковъ.

Не буду описывать дорогу между Харбиномъ и Ляояномъ, потому что она, какъ двѣ капли воды, походила на дорогу между Никольскомъ и Харбиномъ, т. е. была такъ же неудобна, однообразна, скучна, и единственнымъ нашимъ развлеченіемъ было то, что насъ разъ въ сутки водили обѣдать на станціяхъ въ казармы пограничниковъ. Такъ мы ѣхали 7 дней и, наконецъ, въ 10 часовъ утра 10 февраля прибыли въ Ляоянъ. Въ Ляоянѣ первымъ долгомъ началась разгрузка, которая продолжалась чуть-ли не до вечера. Во время нашей разгрузки пришло еще два эшелона; въ одинъ изъ нихъ входила артиллерія и нѣсколько платформъ были загружены пушками.

— Глянъ-ка, ребята, сколько опию для япошек привезли.

— Какого такого опию?—спрашивали съ удивленіемъ солдаты.

— А вотъ, что китайцы очинно обожаютъ; который, значить, замѣсто табаку курятъ и отъ котораго круженія въ мозгахъ происходитъ. Такъ вотъ, значить, эвти трубочки-то для опиѣ и есть, а самъ-то опиѣ вотъ въ этихъ коробочкахъ, указаль солдатъ на пушки и зарядные ящики.

— Отъ такого опиѣ не только что голова закружится, а пожалуй безъ привычки то и на ногахъ не устоишь.

— Вотъ, земляки, сказываютъ, что въ китайскую войну, кто опию эвтого накурится, такъ больше уже ни пить ни ѣсть не захочетъ и въ безчувственности валяется.

Разгрузка была кончена, и мы расположились на площади около вокзала въ ожиданіи, что намъ отведутъ какое-нибудь помѣщеніе; но проходили часъ за часомъ, а мы все еще находились на холодѣ. Сначала приходилось стоять въ строю подъ винтовкой около двухъ часовъ, пока кто-то изъ начальствующихъ лицъ приказаль составить ружья въ козлы и снять аммуницію, но съ запрещеніемъ отходить отъ расположенія роты дальше, какъ на двадцать шаговъ. Кругомъ роты появились торгаши китайцы, предлагавшіе свои товары; они приносили всякую дрянъ, какъ-то: орѣхи разныхъ сортовъ, мороженныя яблоки, такъ называемыя липучки (можно встрѣтить только у китайцевъ), рябину, облитую леденцомъ, табакъ, папиросы, вареныя яйца, печеные каштаны

на постномъ бобовомъ маслѣ, жаренныя лепешки и еще много разной дряни, которую раскупали солдаты и истребляли отъ скуки ожиданія,—мы все еще продолжали стоять на отведенной намъ площади на морозѣ, который къ вечеру сталъ крѣпнуть. Наконецъ, надъ Ляояномъ сгустились уже сумерки, а скоро и подкралась холодная зимняя ночь. Становилось все холоднѣе и холоднѣе. Солдаты, чтобы согрѣться, раскатывали свои шинели и полотнища, укрывались ими и лежали на землѣ, свернувшись калачемъ. Тоже сдѣлалъ и я, но заснуть не могъ, такъ какъ у меня сильно мерзли ноги, а зубы выколачивали барабанную дробь; я неоднократно поднимался и принимался скорыми шагами ходить вокругъ нашего бивуака, но, не смотря на это, согрѣться все же не могъ. Наконецъ, я рѣшилъ испробовать послѣднее средство: я отправился на вокзалъ, съ цѣлью тамъ выпить стаканъ чаю. Вокзалъ былъ ярко освѣщенъ; изъ его зала неслся шумъ; онъ былъ полонъ набитъ офицерами; я простоялъ въ нерѣшимости нѣсколько минутъ, пока рискнулъ, наконецъ, и зашелъ въ залъ. Почти все мѣста были заняты. Въ залѣ было такъ шумно, что трудно было разговаривать. На одномъ изъ столовъ сидѣла группа офицеровъ; на столѣ этомъ, какъ говорится, было разливное море, слышался смѣхъ и крики. Одинъ изъ офицеровъ съ грузинскимъ типомъ лица напѣвалъ:

«Пой, ласточка, пой, сердце успокой,
 Фигили-мигили мнѣ не строй:
 Я не поѣду съ тобой».

Отыскавъ глазами старшаго по чину, каковымъ оказался полковникъ генеральнаго штаба (онъ сидѣлъ съ двумя пограничниками капитанами; передъ ними на столѣ стоялъ кофейникъ съ кофе, бутылка ликеру и бутылка коньяку). Я подошелъ къ полковнику.

— Ваше Высокоблагородіе, разрѣшите мнѣ выпить стаканъ чаю, попросилъ я. Полковникъ разрѣшилъ, но ко мнѣ подошелъ буфетчикъ и заявилъ, что «нижнимъ чинамъ входъ воспрещенъ», и предложилъ мнѣ уйти вонъ...

Меня первоначально въ высшей степени удивило грубое обращеніе,—я хотѣлъ его выругать, но постѣснялся общества; состоя на военной службѣ, я въ первый разъ испытывалъ такое обращеніе; но вдругъ я вспомнилъ, что находилъ въ своемъ отвратительномъ полушубкѣ, на которомъ не было даже и погонъ, которые бы говорили, что я — вольноопредѣляющійся. Я вышелъ изъ зала съ окончательно испорченнымъ состояніемъ духа, но отъ этого мнѣ было ни чуть не теплѣе,—напротивъ, я чувствовалъ, что холодъ пронизываетъ меня до костей; тогда я рѣшилъ продолжать наступленіе на буфетъ. Убѣдившись, что эту неприступную крѣпость взять съ фронта нельзя, я началъ дѣйствовать обходомъ, т. е. зашелъ съ задняго крыльца, проникъ въ кухню и обратился къ лакею съ просьбой дать мнѣ чаю, или же рюмку водки; но лакей этотъ даже не удостоилъ меня отвѣтомъ, настолько ему показалось оскорбительной моя просьба. Заговорилъ со мной помощникъ повара.

— Проваливай, что ты здѣсь шляешься, много васъ тутъ такихъ фруктовъ. Я вышелъ уже окончательно взбѣшеннымъ: я готовъ былъ разбить весь вокзалъ, но такъ какъ это сдѣлать было невозможно, то пришлось сократить свой гнѣвъ и идти на свой бивуакъ несолоно хлѣбавши. Пришлось путешествовать до утра. Утромъ было разрѣшено сварить въ сосѣдней фанзѣ чай, который меня немного отогрѣлъ. Согрѣвшись чаемъ, я растянулся на грязныхъ канахъ фанзы и не замѣтно для себя крѣпко заснулъ. Черезъ два часа меня разбудилъ Славинъ, который сообщилъ, что давно ожидаемое помѣщеніе намъ, наконецъ, отведено, и что рота сейчасъ пойдетъ его занимать. Одѣвъ аммуницію, я сталъ въ строй и съ ротой двинулся къ Ляояну. Проходя по Ляояну, я слышалъ разные толки отъ солдатъ, изъ которыхъ большинство видѣло въ первый разъ китайскіе города. Они высказывали свое удивленіе видѣнному, они интересовались всѣмъ, что имъ попадалось на глаза, я же шелъ совершенно безучастно относясь къ окружающему. Я вспоминалъ китайскую кампанію, которая меня познакомила вполне съ китайскими городами; въ нихъ мнѣ было все знакомо, а потому они нисколько не занимали меня, хотя въ Ляоянѣ мнѣ и не приходилось бывать. Впрочемъ и въ немъ не было для меня ничего новаго, такъ какъ все то, что мнѣ приходилось видѣть въ Ляоянѣ, я уже видѣлъ въ Ажихѣ, Сансинѣ, Куанчензы, Хуланшинѣ, Гиринѣ и еще во многихъ городахъ.

Во всѣхъ этихъ городахъ на первомъ планѣ была грязь, неряшество, отвратительный запахъ,

узкія улицы и несчетное количество синихъ китайцевъ, а еще большее количество голодныхъ, худыхъ собакъ, бродившихъ по улицамъ съ поджатыми хвостами. Все это, вмѣстѣ взятое, мнѣ страшно надоѣло и даже опротивѣло еще за китайскую кампанію.

Мы поресѣкли весь Ляоянь, вышли изъ городскихъ воротъ, прошли почти всѣ предмѣстья города и, наконецъ, попали въ какіе-то дворы со складами бревенъ и разнаго рода лѣса; тамъ же были длинныя, напоминающія собою конюшни, фанзы. И вотъ эти-то фанзы и были отведены въ распоряженіе нашего полка.

Фанзы были грязныя и неудобныя; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ находились къ тому же склады гаоляна, а потому, прежде чѣмъ занять эти помѣщенія, нужно было приложить не мало труда, что бы очистить ихъ отъ китайскаго хлама и построить нары, такъ какъ на канахъ ¹⁾ не хватало мѣста. Къ тому же они были, по большей части, полуразрушены.

Рота приступила къ работѣ, и часа черезъ два эти сараи были приведены въ порядокъ; но какъ разъ къ окончанію работъ пришло распоряженіе свыше—перемѣнить фанзы, т. е. занять другія. Пришлось бросать только-что приведенныя въ порядокъ наши помѣщенія и маршировать еще около версты туда, гдѣ насъ ждали новыя помѣщенія, еще болѣе грязныя и заваленныя хламомъ.

¹⁾ Каны—родъ наръ, отапливаемыхъ особыми трубами.

Рота принялась снова за очистку и уборку и, наконецъ, только къ вечеру мы водрузились на новыя квартиры.

Однако, долго ли мы должны оставаться здѣсь, никто ничего не зналъ;— одни утверждали, что черезъ нѣсколько дней насъ двинуть снова въ походъ въ Корею, такъ какъ уже имѣлись свѣдѣнія, что японцы высаживаются въ Кореѣ, другіе говорили, что будемъ ждать японцевъ въ Ляоянѣ, что бы первый бой былъ непременно у этого города, но большинство было того мнѣнія, что мы отправимся въ Портъ-Артуръ.

Проходилъ день за днемъ, а объ японцахъ не было свѣдѣній, и они повидимому нисколько не стремились не только къ Ляояну, но даже и со-всѣмъ на Ляодунскій полуостровъ

Ясно было, что у нихъ былъ какой-то особый планъ, котораго, понятно, никто не зналъ, какъ равно никто и ничего абсолютно не зналъ о положеніи дѣлъ и, главное, о противникѣ...

Всѣ съ напряженіемъ ждали, что-то будетъ?

Назначенный командующимъ Манджурской арміей генераль Куропаткинъ ожидался всей арміей съ большимъ энтузіазмомъ; но проходили дни, ожиданіе расло и расло, а его все не было. Наконецъ, по Ляояну раздалась радостная восторженная вѣсть о томъ, что Куропаткинъ прибылъ въ Ляоянъ.

— Ну, теперь, поди, скоро и снова въ походъ подадимся, потому, говорятъ, Куропаткинъ имъ, япошкамъ, и опомниться не дастъ, говорили солдаты.

— Да! Куропаткинъ, кажись, шутить не любить.

— Да нешто даромъ онъ сказалъ, что въ самую Токию придетъ и тамъ только миръ заключить. Держись крѣпче японца поганая, мы тебѣ рога-то пообломаемъ.

Но не смотря на всѣ эти толки мы продолжали ждать и ждать. Настала уже 3 недѣля Великаго поста. Воспользовавшись свободнымъ временемъ, мы получили приказаніе говѣть.

— Ну, теперь, кажись, скоро и въ бой, потому Куропаткинъ человѣкъ набожный; поэтому и говѣть приказалъ, чтобъ, значитъ, передъ боемъ каждый могъ душу свою отъ грѣховъ очистить. Дѣйствительно, вскорѣ послѣ говѣнья былъ отданъ приказъ пѣ войскамъ Манджурской арміи—двинуться до станціи Дашицао, но передъ этимъ былъ отслуженъ молебенъ и былъ смотръ Командующаго 1-й Манджурской арміей.

На этомъ смотрѣ войска въ первый разъ увидели своего полководца—генерала Куропаткина, въ котораго вѣрили, на котораго надѣялись, какъ на каменную гору.

Смотръ этотъ ничѣмъ не отличался отъ обыкновенныхъ смотровъ, но только на этомъ смотрѣ въ свитѣ г. Куропаткина было много иностранцевъ—корреспондентовъ и военныхъ аташе. Черезъ нѣсколько дней мы пѣшимъ порядкомъ двинулись къ станціи Дашицао, на которую были черезъ 4 сутокъ.

Развѣдка города Сюяна.

Медленно и скучно тянулось время. Казалось, что ожиданіямъ нашимъ не будетъ конца...

Безконечные и разнорѣчивые толки уже давно надоѣли и даже начали уже раздражать, а объ японцахъ не было, какъ говорится, ни слуху ни духу, какъ будто бы они совсѣмъ не существовали на землѣ; и если бъ только не газеты, которыя напоминали о нихъ, то за это долгое время ожиданія можно бы было забыть о томъ, что мы находились на военномъ положеніи.

Мы какъ-то снова втянулись въ мирную обстановку: солдаты устраивались въ фанзахъ, какъ будто бы собирались жить въ нихъ еще нѣскольکو лѣтъ, а въ нѣкоторыхъ ротахъ даже приступили къ постройкѣ бань.

Начались обычные занятія мирнаго времени, но теперь только по части маневровъ; мы ежедневно атаковывали сосѣднія деревни и сопки, вытѣсняя оттуда воображаемаго врага. Громовое ура почти непрерывно раздавалось въ окрестностяхъ Дашицао, гдѣ происходили маневры.

Снѣгъ между тѣмъ стоялъ, съ горъ катились мутные ручейки.

Настала чудная ранняя весна, луга зазеленѣли, деревья опушились нѣжно-зелеными листьями и солнце ярче начало свѣтить на небѣ. Все оживало, звало къ жизни, а между тѣмъ что-то ужасное, невѣдомое, страшное висѣло надъ нами и волновало насъ...

Вотъ наступила и Пасха; скучно прошла она, это правда, но все же мы ее встрѣтили по-христіански, т. е. у насъ было все необходимое для разговѣнья и при этомъ нашлось даже по чаркѣ водки. Особенно оживленно было въ нашей охотничьей командѣ,—почти каждый вечеръ у насъ играла музыка, слышалось пѣніе. Къ шт.-капит. Горностаеву (нашъ командиръ) собирались офицеры съ женами, которыхъ удалось провезти контрабандой, подъ видомъ сестеръ-милосердія. Полковые дамы и офицеры устраивали танцы прямо подъ открытымъ небомъ—во дворѣ нашей команды.

Войска между тѣмъ прибывали и прибывали... Ляоянь кишѣлъ русскими; не мало ихъ было и въ Дашицао. Везлись медикаменты, пушки, ружья, снаряды, патроны. Все было готово, и не хватало только японцевъ, да боя съ ними...

— Для чего это войскъ такъ много везуть?—спрашивали наивные солдаты,—одни наши стрѣлки съ этой поганью справятся!

— Въ Маньджуріи то справятся, а вѣдь генераль Куропаткинъ въ самую, что ни на есть, Токию насъ поведетъ; а тамъ, братъ, народу то много нужно будетъ, что бы значить, ни одною япошкой цѣлой не оставить.

Но эшелоны все подходили и подходили, а до Токио оставалось такое же разстояніе, какое было еще въ февралѣ.

Все свое свободное отъ ученій время я посвящалъ исключительно своей лошади, которую получилъ, перейдя изъ роты въ охотничью команду; эту лошадь я полюбилъ, какъ самаго вѣрнаго,

искренняго друга, за что пользовался и ея благо-
склонностью. Единственный я, изъ всей команды,
могъ подойти къ ней безнаказанно, — умное жи-
вотное, казалось, понимало мою любовь. Не будь
у меня этого новаго безсловеснаго друга, скучаль
бы я нещадно.

Помню разъ какъ-то, это было числа 20 апрѣ-
ля, насъ построилъ начальникъ команды, шт.-кап.
Горностаевъ.

— Ребята! — началъ онъ взволнованно. — 17-го
апрѣля отрядъ генерала Засулича вступилъ въ
бой съ японцами на рѣкѣ Ялу...

Охотники безмолвно стояли, сосредоточившись
и вслушиваясь въ каждое слово своего команди-
ра, но онъ на минуту смолкъ и, казалось, напря-
галъ всѣ свои силы, чтобы быть спокойнѣе.

— Горе, ребята! Намъ не повезло... Японцы...
— Горностаевъ опять пріостановился, не будучи
въ состояніи говорить спокойно.

— Японцы разбили насъ, проговорилъ онъ
скороговоркой. Но на все воля Божія, не уны-
вайте, братцы, помните пословицу — «первый
блинъ — всегда бываетъ комомъ»; мы имъ еще
отомстимъ за это.

— Ваше Высокородіе! дозвольте узнать, не-
ужто такъ таки и разбили, неужто наши-то имъ
не насыпали?

Ваше Высокоблагородіе, а потерь то много?
позвольте узнать? сыпались кругомъ вопросы
солдатъ.

— Много, братцы! много — говорилъ грустно
Горностаевъ.

— Сколько же, Ваше Высокоблагородіе?

— Очень много, прямо подумать страшно.

— Неужто-жъ больше сотни будетъ?

— 3000 съ лишнимъ,—одной трети отряда не осталось. Охотничья команда 22-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка почти вся легла. Въ 11-мъ и 12-мъ стрѣлковыхъ полкахъ громаднѣйшія потери, почти всѣ офицера перебиты...

Солдаты были ошеломлены этой страшной цифрой, никто не могъ себѣ представить такую громадную потерю. Всѣмъ было непріятно и обидно, лица опечалились и нахмурились. Командиръ грустный и взволнованный ушелъ изъ команды, оставивъ въ ней свое настроеніе, которое давило теперь каждого изъ насъ.

Нѣсколько дней въ нашей командѣ слышались разговоры о боѣ на Ялу. Многіе негодовали, многіе жалѣли побѣжденныхъ товарищей. Вся наша команда была погружена въ печаль, какъ будто бы мы носили трауръ о только что умершемъ; въ сущности, оно и было такъ: мы носили трауръ по погибшимъ товарищамъ. Въ нашихъ сердцахъ росла злоба и чувство мести къ японцамъ, съ которыми еще до сихъ поръ не могли встрѣтиться; а какъ сильно мы желали этой встрѣчи, встрѣчи ужасной, беспощадной; но приходилось удовольствоваться только одними томительными ожиданіями...

Но вотъ, наконецъ, вскорѣ послѣ Пасхи, командиръ объявилъ намъ радостную вѣсть, что наша команда назначена въ развѣдку города Сяяна, гдѣ, по слухамъ, уже сосредоточивались японскія войска; эта вѣсть сразу возвратила нашей командѣ утраченную бодрость и веселье,— всѣ вострепнулись.

— Завтра въ 3 часа утра выступаемъ, ска-
заль намъ командиръ на вечерней перекличкѣ.

Команда начала приготовляться къ первому
опасному предпріятію: винтовки чистились, па-
троны тщательно протирались просалеными
тряпками, сѣдла, ремни уздечки были осмотре-
ны самымъ внимательнымъ образомъ... Instruc-
торъ раздавалъ лишніе патроны, и такъ какъ ни
въ сумкахъ, ни въ патронташахъ мѣста для нихъ
не было, то было приказано сшить особые мѣш-
ки, которые бы хранились въ переметныхъ су-
махъ. Въ эту ночь почти никто не спалъ изъ
нашей команды, предаваясь безконечнымъ раз-
говорамъ о предстоящей развѣдкѣ. Наконецъ то
мы дождались давно желанной встрѣчи съ япон-
цами.

Въ 2 часа утра команда уже была построена
и готова къ выступленію, ожидая лишь своего
командира.

— Здравствуйте, братцы! — крикнулъ онъ,
подъѣзжая къ командѣ. — Поздравляю съ похо-
домъ!

Здравія желаемъ! Покорнѣйше благодаримъ,
Ваше Высокоблагородіе, радостно и весело звуча-
ли голоса охотниковъ въ отвѣтъ.

На молитву... Шапки долой...—Командоваль
Горностаевъ.

Началась короткая, но горячая молитва!

— Справа по три... шагомъ. . маршъ. Коман-
да двинулась за своимъ командиромъ.

Было прохладно и тихо, чуть примѣтный бѣ-
лесоватый туманъ плавалъ надъ землею, мѣша-
ясь съ черной мглой ночи, которая часамъ къ 4

утра совсѣмъ поблѣднѣла, а на востокѣ зарумянилась заря. Мы шли по дорогѣ, покрытой замерзшей грязью, усѣянной глубокими слѣдами копытъ, людскихъ ногъ и выбоинами колесъ; иногда лошади спотыкались о замерзшія шишки грязи, но тѣмъ не мѣнѣе бѣжали весело и легко и изрѣдка всхрапывали и ржали, отъ нихъ вилась густой паръ, благодаря чему команда наша была какъ бы въ туманѣ.

Команда была оживлена. Лица охотниковъ веселы и беззаботны. Слышались смѣхъ и обычные шутки.

За нами бѣжала цѣлая стая китайскихъ собакъ, разныхъ величинъ, окраски и возрастовъ, которыя приобрѣли теперь названіе «ротныхъ», такъ какъ откармливались послѣ долгой голодовки при нашей командѣ; онѣ привыкли къ ней, и ихъ уже никакія силы не могли разлучить со своей кормилицей—командой. Собаки до того привыкли къ русскимъ, что даже возненавидѣли своихъ прежнихъ владѣтелей—китайцевъ и неоднократно бросались цѣлой стайей на какого-нибудь китайца, почему-либо не понравившагося хотя бы одной изъ нихъ,—въ такихъ случаяхъ китаецъ рисковалъ поплатиться не только своимъ платьемъ, но даже и жизнью, если бы не солдаты, которые всегда являлись спасителями несчастныхъ, отгоняя отъ нихъ разъяренныхъ ротныхъ нахлѣбниковъ.

У каждой собаки была своя кличка. Нѣкоторыя изъ нихъ были незамѣтны и мизерны, но нѣсколько было и авторитетныхъ, благодаря своимъ качествамъ и способностямъ.

Наибольшей авторитетностью пользовался громадный песъ рыжей шерсти, носящій кличку «забіяка» (или собачій полиціймейстеръ, какъ называли его солдаты, за водвореніе порядка въ собачьей командѣ). «Забіяка» былъ дѣйствительно страшнымъ забіякой, и не одна собачья да и китайская шкура была продырявлена его кривыми острыми зубами; а между тѣмъ, не взирая на всѣ его достоинства, его иногда нещадно колоутили охотники, и онъ никогда не отгрызался на нихъ, должно быть, изъ чувства благодарности за бесплатные хлѣба. Я останавливаю на немъ вниманіе читателя только потому, что онъ въ послѣдствіи сыгралъ нѣкоторую роль во время войны, о чемъ я расскажу послѣ.

Между тѣмъ день уже расцвѣлъ во всей своей весенней красѣ. Мы остановились на привалѣ, съ цѣлю покормить лошадей, а также подкрѣпить и себя. Расположились въ китайской деревнѣ. Часть охотниковъ пошла по деревнѣ отыскивать солому и ячмень, часть осталась на привалѣ варить чай. Я же съ однимъ изъ охотниковъ—Гололобовымъ и съ переводчикомъ Ванькой пошелъ осматривать деревню. Она была довольно обширна, а въ концѣ ея находилась каменная постройка, огороженная со всѣхъ сторонъ высокой каменной стѣной, напоминающей родъ крѣпостного вала.

Оказалось, что въ этой постройкѣ былъ не такъ давно ханшинный заводъ, но потомъ, по приказанію китайскихъ властей, его закрыли, а постройка обратилась въ жилище китайскихъ солдатъ, находившихся здѣсь подъ начальствомъ

двухъ китайскихъ офицеровъ, чинившихъ въ этомъ районѣ судъ и расправу.

Съ помощью переводчика мы проникли въ ограду. Насъ встрѣтили довольно дружелюбно и даже гостепріимно,—навстрѣчу намъ соблаговолили выйти одинъ изъ офицеровъ, не отличавшійся, впрочемъ, отъ остальныхъ китайцевъ ничѣмъ, за исключеніемъ только одной шишки на его шапкѣ и какого-то бѣличьяго хвоста; шишка была синяго цвѣта, а это указывало на второй офицерскій чинъ его. Офицеръ, такъ же какъ и другіе китайцы, низко кланялся и говорилъ, по видимому, любезности, но, въ чемъ онѣ заключались, разобрать было нельзя, такъ какъ мы не понимали его, а Ванька заговорился съ однимъ изъ китайцевъ и куда-то исчезъ. Впрочемъ, онъ скоро явился и позвалъ насъ смотрѣть китайскихъ арестантовъ, которые сидѣли въ особомъ дворѣ подъ открытымъ небомъ. Ихъ было человѣкъ до двадцати; на шеѣ каждого изъ нихъ была надѣта толстая доска, четырехугольной формы, толщиною, минимумъ, вершка въ три, такъ что шеи арестантовъ были вытянуты во всю длину, а обладатель такой доски принужденъ былъ все время смотрѣть въ небеса, лишенный возможности видѣть у себя подъ ногами. Въ общемъ арестанты имѣли очень комичный видъ большинство изъ нихъ сидѣло, и лишь немногіе прогуливались по двору; а такъ какъ они не видѣли земли, то инстинктивно, боясь споткнуться, неимовѣрно высоко поднимали свои ноги. Были между ними также соединенные такими колодками человѣка по два и по три, при чемъ груп-

пы подбирались такъ: брали одного высокаго и двухъ низенькихъ, и запрягали въ эту колодку — доску—въ середину высокаго, а по бокамъ низкихъ; поэтому, когда они хотѣли гулять, высокій принужденъ былъ все время ходить съ согнутыми колѣнами, или же низенькіе поднимались на носки,—иначе имъ приходилось безпомощно висѣть на своихъ злосчастныхъ колодкахъ. Одна тройка была впряжена въ обратномъ порядкѣ, т. е. въ серединѣ низенькій китаецъ, а по бокамъ его высокіе...

Ванька объяснилъ намъ, что китайцы эти арестованы, по большей части, за картежную игру. Оказывается, китайскіе законы караютъ за карты безпощадно: такъ, замѣченный въ первый разъ—арестовывается и заковывается въ колодку на срокъ отъ двухъ до шести мѣсяцевъ; замѣченные вторично въ карточной игрѣ—несутъ такое наказаніе отъ 6 мѣсяцевъ до года, причемъ ихъ порютъ каждый мѣсяцъ, «какъ Сидоровыхъ козъ»; замѣченныхъ же въ третій разъ, ждетъ «чики, чики», т. е. смертная казнь, отсѣченіемъ головы.

Вообще, китайскіе законы въ высшей степени строги и дики. Помню, мнѣ какъ-то разъ пришлось наблюдать слѣдующій случай: это было послѣ китайской войны—въ 1902 году; мнѣ пришлось быть въ китайскомъ городѣ Бодунэ; тамъ стоялъ китайскій баталіонъ; одинъ изъ солдатъ этого баталіона укралъ и съѣлъ у торгаша-китайца лепешку изъ маисовой муки, спеченную на постномъ бобовомъ маслѣ (эта лепешка стоитъ въ Китаѣ какихъ-нибудь 5 чихъ, т. е. $\frac{1}{2}$ коп.). Ки-

таецъ пришелъ жаловаться къ старшему офицеру. Офицеръ сталъ допрашивать обвиняемаго въ воровствѣ, тотъ отказывался и увѣрялъ, что торгашъ на него жалуется напрасно—по злобѣ. Снявъ показанія, офицеръ устроилъ что-то въ родѣ Соломонова суда: «ты утверждаешь, что солдатъ укралъ и съѣлъ твою лепешку», обратился онъ къ торговцу, «а онъ отказывается,—я не знаю, кто изъ васъ правъ, кто виноватъ, а потому прикажу распороть солдату животъ и, если въ немъ найдутся признаки присутствія твоей лепешки, тебѣ будетъ уплочена ея стоимость, если же нѣтъ, то тебя ждетъ таже участь. Согласенъ ты или нѣтъ?»

Торгашъ согласился.

Солдату распороли животъ и установили, что онъ на самомъ дѣлѣ укралъ лепешку и съѣлъ, при чемъ всѣ присутствовавшіе китайцы относились къ этому распарыванію человѣческаго желудка совершенно хладнокровно и просто, повидимому, находя подобную расправу естественной и вполне остроумной...

Торгашъ получилъ 5 чехъ и совершенно хладнокровно удалился.

Повторяю, что все это произошло на моихъ глазахъ, и во всей этой исторіи нѣтъ ни одного слова преувеличенія.

Отсюда—изъ мѣста самой дикой, отвратительной пытки, насъ пригласили въ китайскую кумирню, посмотрѣть китайскую богиню.

Кумирня представляла собою фанзу довольно красивой архитектуры. Въ ней находилось шесть китайскихъ истукановъ, выдѣленныхъ изъ гли-

ны и раскрашенныхъ пестрыми красками; особенно же много краски было положено на фізіономіи истукановъ,—они были раскрашены положительно всѣми цвѣтами радуги, а главный истуканъ, высотой сажени въ полторы, при этомъ былъ покрытъ золотой бронзой; передъ каждымъ богомъ стоялъ особый подсвѣчникъ, въ которомъ тлѣли тоненькія глинянаго цвѣта палочки (свѣчи).

Не далеко отъ кумирни стояла небольшая будка, устѣянная дырочками, изъ которыхъ торчали гвозди, а на каждомъ гвоздѣ висѣла особая дощечка съ какими-то китайскими буквами. Въ будкѣ было небольшое окошечко, сквозь которое можно было видѣть тщедушную китаянку, съ мертвенно-блѣднымъ лицомъ. Китаянка эта, по мнѣнію китайцевъ, была богиней.

Ванька намъ разсказалъ, что обыкновенно китайцы выбираютъ въ богини дѣвушку, которую и сажаютъ въ будку; въ этой будкѣ она должна просидѣть до тѣхъ поръ, пока изъ будки не будутъ куплены всѣ гвозди, которые имѣютъ разныя цѣны. Изъ состраданія къ богинѣ эти гвозди изрѣдка покупаются, какъ самими китайцами, такъ и путешественниками—иностранцами, но, не смотря на это, рассчитывать, что богиня превратится когда-нибудь въ свободную женщину, все-таки нельзя, такъ какъ гвоздей въ будкѣ несчетное количество, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ довольно драгоцѣнны.

По словамъ китайскаго бонзы, китаянка эта ничего не ѣстъ уже въ продолженіе одиннадцати лѣтъ и питается исключительно святостью

китайской религіи; однако Ванька не раздѣлялъ его увѣреній и разсказалъ мнѣ, что онъ достоверно знаетъ о подземномъ ходѣ, соединяющемъ будку китаянки съ фанзой бонзы, а также и то, и что этимъ ходомъ она каждую ночь ходитъ въ фанзу бонзы, забывая на это время обязанности богини...

За первой кумирней находилась другая кумирня, но немного поменьше. Мы пробрались и въ нее.

По срединѣ кумирни сидѣлъ громаднѣйшій истуканъ—женщина, что можно было опредѣлить по безусой фізіономіи, женской одеждѣ, прическѣ и миниатюрнымъ ножкамъ.

— Бравая баба, сказалъ Гололобовъ, прибавивъ нѣсколько словъ нелегальной литературы.

— Ходя! ругайся не надо,—шибко пу-хао. Бога—бабушка шибко сердись—остановилъ его бонза, понявшій смыслъ нелегальныхъ фразъ. Бога—мужика сердись мѣю, бога-бабушка шибко сердись (товарищъ, ругаться не надо, очень плохо, богиня очень сердится. Боги-мужчины не сердятся, богиня очень сердится).

— Ходя! чега фанза суте мужика е пу е (товарищъ, въ этой фанзѣ спать мужчинамъ можно или нѣтъ)?—освѣдомился Гололобовъ.

— Пу-е, пу-е (нельзя, нельзя)—какъ бы испугавшись богохульства Гололобова, прокричалъ бонза.

Бога-бабушка кантами чики ю. Бога-бабушка шибко стыдно. Фанза бога-мужика суте е (Богиня убьетъ, богинѣ очень стыдно, въ фанзѣ боговъ-мужчинѣ спать можно).

Послѣ осмотра кумирни, мы отправились на свой бивакъ. Накормивъ и напоивъ лошадей, охотники стали ихъ сѣдлатъ, что бы продолжать путь дальше. Скоро всѣ лошади были уже въ сѣдлахъ, но стрѣлокъ Григорьевъ никакъ не могъ справиться со своимъ жеребцомъ «Орломъ». Орелъ становился на дыбы, храпѣлъ, фыркалъ и билъ какъ передними, такъ и задними ногами. Охотники были заняты своими лошадьми, и Григорьевъ принужденъ былъ справляться со своимъ Орломъ безъ посторонней помощи, пока одинъ изъ охотниковъ не подошелъ помочь ему; но все это было безрезультатно. Вообще, не отличающійся спокойнымъ нравомъ Орелъ сегодня бѣсновался больше, чѣмъ когда-либо, но вотъ на выручку Григорьева явился татаринъ охотникъ Гамулинъ; въ одинъ моментъ онъ овладѣлъ Орломъ, схвативъ его какимъ-то особымъ способомъ за ноздри; потомъ наклонивъ голову, онъ схватилъ зубами за ухо Орла, послѣ чего Орелъ сталъ, какъ вкопанный. Все время, пока его сѣдлали, Гамулинъ продолжалъ держать ухо въ своихъ зубахъ.

Скоро всѣ были готовы, и мы двинулись дальше. До Сюяна намъ пришлось идти два съ половиною дня.

На второй день, не доѣзжая до Сюяна верстъ 25, Шт.-Кап. Горностаевъ, остановивъ команду на привалѣ, обратился къ охотникамъ съ слѣдующей инструкціей.

— Братцы, какъ сообщаютъ, въ Сюянѣ есть японцы, началъ Горностаевъ. До Сюяна остается уже немного, а потому мы каждый часъ можемъ встрѣтиться съ врагомъ и вступить съ нимъ въ

бой, почему я заранѣе хочу поговорить съ вами. Прежде всего, братцы, намъ нужно помнить, что все равно когда-нибудь придется умереть, не сегодня, такъ завтра, а потому мы должны смѣть въ глаза смерти смѣло, къ тому же и выхода намъ другого нѣтъ,—вѣдь мы клялись драться за батюшку Царя и за дорогую родину, какъ честные люди, а потому и должны исполнить свято свою клятву.

Но, впрочемъ, я надѣюсь на васъ и думаю, что не ошибся въ выборѣ команды; долженъ предупредить, что если я замѣчу кого-нибудь въ трусости, то тотъ потеряетъ въ моихъ глазахъ всякое значеніе и, конечно, немедленно будетъ изгнанъ изъ команды.

— Если у насъ будутъ, чего, понятно, не дай Господь, раненые и убитые, то каждый долженъ считать своей священной обязанностью — помочь раненому и всѣми силами стараться вывести его въ безопасное мѣсто, не обращая вниманія, что ему больно: пусть стонетъ, а ты все-таки бери его и вези, но отнюдь не бросать на произволъ судьбы или въ руки враговъ... «Помни, братцы, всѣ мы подъ Богомъ ходимъ», cadaго изъ насъ ранить могутъ. Не выручилъ товарища, такъ и тебя не выручатъ!..

У убитыхъ отбирать винтовки и снимать патроны, но во время боя убитыхъ не тревожить, а вывозить ихъ только тогда, если будетъ возможность, но отнюдь не рисковать изъ-за нихъ жизнью, такъ какъ убитому все равно, гдѣ лежать.

Если я буду убитъ, командованіе приметъ старшій, и онъ будетъ вашимъ командиромъ; вы должны подчиняться его приказаніямъ, все равно—какъ бы моимъ; если и онъ будетъ убитъ, его мѣсто замѣститъ слѣдующій унтеръ-офицеръ и т. д., пока не перебыютъ всѣхъ унтеръ-офицеровъ, чего, понятно, не случится, такъ какъ мы и сами съумѣемъ имъ насыпать...

Если я буду убитъ, мое тѣло можете бросить, разъ нельзя будетъ вывезти; но постарайтесь вынуть изъ бокового кармана сюртука деньги и отправьте по назначенію письма; а деньги, которыя въ бумажникѣ, казенныя и выданы для команды, а потому употребить ихъ для этой цѣли; въ случаѣ же, если будетъ остатокъ, сдать командиру полка; тѣ же деньги, которыя завернуты въ бумагу, мои собственные; вотъ ихъ, потому золотые часы и лошадь завѣщаю командѣ.

А теперь—ѣдемъ дальше, закончилъ онъ, садясь на своего красавца—коня!...

На другой день утромъ мы подъѣзжали къ Сюяну; присутствія японцевъ въ окрестностяхъ его еще не было замѣтно, но нашъ начальникъ команды все-таки принялъ всѣ мѣры предосторожности: впереди насъ шелъ дозоръ, состоявшій изъ трехъ человекъ; такіе же дозоры были посланы вправо и влево; дальше двигалось ядро нашего маленькаго отряда—команды.

Ванька предупредилъ насъ, что какъ только мы завернемъ за пригорокъ, который былъ уже недалеко, мы увидимъ Сюянь. Вотъ передній дозоръ скрылся за указаннымъ пригоркомъ; не прошло и минуты, какъ мы увидѣли, что одинъ

изъ охотниковъ карьеромъ летѣлъ намъ на встрѣчу. Замѣтивъ это, мы остановились.

— Ваше Высокоблагородіе! — докладывалъ взволнованно охотникъ — цѣлая сотня японцевъ ѣдетъ намъ на встрѣчу, ужъ совсѣмъ близко, — версты полторы не больше.

Горностаевъ минутку призадумался и внимательно осмотрѣлся кругомъ, что-то соображая.

— Въ карьеръ... маршъ!.. скамандовалъ онъ и пришпорилъ своего красавца; команда, какъ вихрь, летѣла за нимъ; черезъ моментъ мы были уже у пригорка, изъ-за котораго долженъ былъ показаться японскій эскадронъ.

— Стой!... Коноводы, возьми лошадей—быстро командовалъ Горностаевъ.

Команда быстро спѣшилась, а коноводы повели лошадей въ указанный самимъ командиромъ сосѣдній оврагъ.

Рота! по первому взводу въ цѣпь .. маршъ — командовалъ Горностаевъ.

Команда въ одинъ мигъ разсыпалась въ цѣпь.

За мной... бѣгомъ—маршъ, слышалась поспѣшная команда, и черезъ нѣсколько мгновеній мы уже лежали на пригоркѣ, съ котораго намъ открылась цѣлая понарама: впереди разстилалась зеленая долина, съ обѣихъ сторонъ которой громоздились гиганты-горы; по долинѣ темной лентой вилась дорога, ведущая къ Сюяну, который едва виднѣлся, утопая въ зелени только что распускавшихся зеленѣвшихъ деревьевъ. Картина была великолѣпна!

По дорогѣ на встрѣчу намъ, дѣйствительно, шелъ цѣлый эскадронъ. Костюмы всадниковъ

были совершенно зеленого цвѣта и сливались съ зеленѣющей долиной.

— Умный народъ, эти япошки, сказалъ одинъ изъ охотниковъ; гляди-ка, какія рубашки себѣ завели, что ихъ въ зелени-то и не видать совсѣмъ; кабы не лошади, такъ замѣтить не возможно.

Солдаты начали волноваться и суетиться.

Горностаевъ замѣтилъ это.

— Братцы, успокойтесь! Лежи смирно, не высовывай головъ, что бы ни одинъ дьяволъ васъ не увидѣлъ. Первый залпъ мы дадимъ въ тотъ моментъ, когда японцы покажутся вотъ на этомъ поворотѣ—указалъ онъ.

Дорога около самага пригорка поворачивала почти подъ прямымъ угломъ; этотъ поворотъ былъ не дальше, какъ на 300 или 350 шаговъ. Тѣмъ временемъ эскадронъ подвигался все ближе и ближе; Горностаевъ разсматривалъ его въ бинокль и, по мѣрѣ приближенія эскадрона, недоумѣніе на его лицѣ разрасталось все больше и больше.

«Что за чертъ! ничего не могу понять!» проговорилъ онъ.—Терещенко, посмотри-ка, братъ, въ бинокль, можетъ быть, у тебя глаза получше, —мнѣ кажется, что это вовсе не японцы.

Терещенко взялъ бинокль и направилъ его въ сторону приближавшихся всадниковъ.

— Никакъ нѣтъ, Ваше Высокоблагородіе, это—не японцы, это—русскіе! Потому физіи, значить, не японскія.

Дѣйствительно, скоро можно было различить даже невооруженнымъ глазомъ, что эскадронъ былъ не японскій, а нашъ.

Въ камандѣ почувствовалось какое-то разочарованіе.

Тѣмъ временемъ къ намъ подошелъ и зеленый эскадронъ, который оказался охотничьей командой 21 Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка. Впереди выдѣлялся молодой офицеръ.

— Смирно!.. Равненіе на право, скомандовать онъ, отдавая привѣтствіе нашей командѣ. Горностаевъ отвѣчалъ тѣмъ же. Потомъ начальники командъ приблизились другъ къ другу и познакомились.

— Ну, капитанъ, чуть было въ Васъ залпъ не влѣпили, проговорилъ Горностаевъ,—ужь очень насъ ваша зелень змутила; и откуда вы выкопали эту форму? Хотя, нужно сознаться, придумано остроумно, въ полѣ такъ совсѣмъ трудно различить.

— Третьяго дня у насъ по дивизіи былъ приказъ—замѣнить бѣлыя рубахи зелеными, что бы быть менѣе замѣтными.

Пока начальники перекидывались вопросами, ко мнѣ подѣхалъ одинъ изъ охотниковъ 21 полка.

— Вольноопредѣляющійся Пермяковъ, отрекомендовался онъ мнѣ.

— Мы съ нимъ тотчасъ же разговорились. Изъ его словъ я узналъ, что наша развѣдка безрезультатна, такъ какъ въ Сюянѣ нѣтъ японскихъ войскъ, и что они еще верстъ за 17 отъ этого города; но за то онъ сообщилъ мнѣ, что есть слухъ о присутствіи японцевъ въ окрестностяхъ Симучена, куда и направлялась теперь команда 21 полка.

Пермяковъ мнѣ понравился какъ-то сразу, и, когда онъ при разставаніи крикнулъ мнѣ «прощайте», я нечаяно замѣтилъ это слово и нарочно вмѣсто «прощайте» крикнулъ въ отвѣтъ—«до свиданья»! Совершенно безотчетно я мысленно нѣсколько разъ повторилъ—«вольноопредѣляющійся Пермяковъ», стараясь запомнить его фамилію.

Въ Сюянѣ мы заняли большую фанзу съ громаднымъ дворомъ, загроможденнымъ яслями; очевидно, это былъ китайскій постоянный дворъ. Хотя намъ и было извѣстно, что японцевъ въ Сюянѣ нѣтъ, но Горностаевъ не хотѣлъ возвращаться прежде, чѣмъ не убѣдится въ этомъ лично.

Въ Сюянѣ мы пробыли цѣлыя сутки, что бы дать отдыхъ лошадямъ. Здѣсь команду постигло несчастье: еще во время дороги лошадь одного изъ охотниковъ была какъ-то невесела, ничего не ѣла и не пила и все время отставала отъ команды; по прибытіи въ Сюань, она не могла уже стоять на ногахъ и слегла. Нужно сказать, что ветеринарнаго фельдшера съ нами не было, и никто изъ охотниковъ не умѣлъ опредѣлить болѣзни лошади, а потому Горностаевъ попросилъ фельдшера изъ команды 21 полка, который и вернулся съ нами въ Сюань. Осмотрѣвъ лошадь, онъ нашелъ у нея Сибирскую язву и порекомендовалъ тотчасъ отдѣлать ее отъ остальныхъ лошадей,—пришлось снова сѣдлать, что бы перебраться въ другой дворъ! къ вечеру больная лошадь пала, при чемъ послѣ ея смерти изъ ноздрей выступила кровавая пѣна, признакъ того, что фельдшеръ не ошибся въ опредѣленіи болѣзни.

Командиръ приказалъ оттащить лошадь за городъ, облить керосиномъ, сжечь и остатки зарыть въ землю, что бы уничтожить заразу. Но въ то время, какъ охотники, привязавши къ ногамъ и хвосту павшей лошади веревки, собрались было тащить, явилось человѣкъ десять китайцевъ и стали упрашивать, подарить имъ эту лошадь. И, не смотря на всѣ объясненія «Ваньки» относительно заразной болѣзни павшей лошади, а также и о томъ, что употребить ее на каксе-либо дѣло (мы думали что они хлопочутъ изъ-за кожи) совершенно невозможно, китайцы все-таки не унимались и увѣряли, что они не боятся болѣзней и желаютъ прибрѣсти эту лошадь, если нельзя даромъ, хотя бы за два рубля... Никакіе доводы не могли урезонить ихъ, и дѣло окончилось тѣмъ, что пришлось разогнать ихъ силою. А лошадь вытащили за городъ, сбросили въ вырытую яму, облили керосиномъ, насыпали цѣлымъ возомъ сухого гаоляна, который такъ же облили керосиномъ, и подожгли,—получился гигантскій костеръ; когда онъ сгорѣлъ изъ кучи пепла торчалъ обгорѣлый трупъ животного, шерсть и кожа котораго перегорѣли совершенно, а само оно представляло колоссальный бефштексъ. Въ концѣ—концовъ яма была зарыта. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, мы ушли.

Каково же было наше удивленіе, когда на другой день, ведя лошадь на водопой, мы увидѣли бесплодность всѣхъ нашихъ мѣръ предосторожности, такъ какъ яма была разрыта, а трупъ павшей лошади исчезъ безслѣдно... Китайцы украли этотъ трупъ... Мы думали, что это по-

служить для гастрономовъ печальнымъ послѣдствіемъ, однако ошиблись въ расчетахъ: все прошло благополучно, никто изъ китайцевъ не только не умеръ, но даже не заболѣлъ, хотя я положительно затрудняюсь понять, какъ они могли остаться безнаказанными.

Ночью, когда уже всѣ охотники улеглись спать, а командиръ удалился въ свое помѣщеніе, находившееся въ другой фанзѣ, Гололобовъ вытащилъ изъ своей сумы старыя, просаленныя, грязныя карты, усѣлся за столъ, вынулъ изъ кармана двугривенный и, положивъ его передъ собой, громко крикнулъ:

— Ребятки! Двадцать копѣекъ въ банкѣ?!

— При этомъ возгласѣ нѣсколько охотниковъ поднялось съ кана, на которомъ они собирались было заснуть, и скоро у стола собралось чловѣкъ до десяти. Началась игра.

— Какъ бы командеръ не пришелъ, заявилъ одинъ изъ охотниковъ; вѣдь, страсть какъ, влетить,—онъ вѣдь картъ не обожать.

— Ну, какой тамъ командеръ! Онъ, поди, уже спитъ безъ заднихъ ногъ.

Игра между тѣмъ захватила за живое всѣхъ игроковъ, и сонныя фізіономіи ихъ совершенно преобразились...

— По банку, кричитъ Гололобовъ. Банкометъ открылъ карту, которая оказалась бубновымъ тузомъ.

— Нака, выкуси землячекъ!—заявилъ торжествующій банкометъ!

Гололобовъ проигрался; въ банкѣ было около рубля и ему пришлось послать въ банкъ такую

же сумму; онъ раздраженно хлеснулъ картами по столу.

— Дьяволъ ее раздови! Когда эта шкура — «виновая краля» — придетъ, такъ ужъ завсегда проиграюсь — указаль онъ на даму пикъ, попавшую въ число его картъ.

Столъ, за которымъ сидѣли игроки, находился около дверей фанзы. Вдругъ послышался голосъ командира, разговаривавшаго съ дневальнымъ; разговоръ доносился изъ сосѣдней половины фанзы!..

Дѣло въ томъ, что Горностаевъ строго наказывалъ за картежную игру на деньги и хотѣлъ такимъ путемъ искоренить въ своей командѣ это зло; однако это ему не удавалось.

Смущенные присутствіемъ командира въ сосѣдней фанзѣ — охотники быстро погасили огонь и въ одно мгновеніе, спрятавъ карты и деньги, размѣстились на канахъ, притворясь спящими: воздухъ дрожалъ отъ храпа...

Кончивъ разговоръ съ дневальнымъ, командиръ вошелъ въ нашу фанзу, погруженную въ непроглядный мракъ.

— Дневальный, тащи огня, — приказаль онъ.

Блеснулъ огонь, фанза и столъ, на которомъ только что звенѣли деньги, освѣтились, но столъ былъ пустъ, и только лишь нечаянно оброненныя впопыхахъ девятка червей и серебряный арбай (китайская серебрянная монета, соотвѣтствующая нашему пятаку) выдали тайну охотниковъ.

Горностаевъ подобралъ, какъ карту, такъ и арбай.

— Ребята! кто сейчас игралъ въ карты?— громко спросилъ Горностаевъ.

Въ отвѣтъ ему лишь усилился разнотонный храпъ охотниковъ.

— Еще разъ спрашиваю, кто сейчас игралъ въ карты?—повторилъ громче и еще строже Горностаевъ, нисколько не стѣсняясь разбудить дѣйствительно спавшихъ охотниковъ.

Послѣ второго вопроса, съ кана кто-то поднялся и подошелъ къ командиру,—это былъ Гололобовъ.

— Я, Ваше Высокоблагородіе, сказалъ онъ, стоя на вытяжку.

— Еще кто?—продолжалъ спрашивать командиръ, обращаясь къ командѣ; въ отвѣтъ ему попрежнему раздавался храпъ.

— Гололобовъ!—значить, ты одинъ игралъ въ карты? самъ съ собой?

Гололобовъ стоялъ молча, опустивъ голову и уставившись глазами въ землю.

— Я тебя спрашиваю!

— Никакъ нѣтъ, Ваше В—діе, не одинъ, игралъ съ товарищами.

— Кто же съ тобой игралъ?

Гололобовъ маялся съ ноги на ногу и молчалъ.

— Я тебя спрашиваю, кто съ тобой игралъ въ карты?

— Такъ что, Ваше В . . діе, дозвольте не отвѣтить на вашъ вопросъ, про себя я сказалъ, а про другихъ не могу, Ваше В . . . діе.

— Ну, ладно, я бы тебя могъ заставить сказать, но не хочу этого дѣлать. Проигралъ ты или выигралъ?

— Проигралъ 85 коп., Ваше В. . діе.

— А сколько получаешь жалованья?

— 47 коп. въ два мѣсяца.

— Это, значить, ты проигралъ чуть ли не за 4 мѣсяца.

— Такъ точно. Виновать, Ваше В. . діе.

— Вотъ, видишь, ты проигралъ 85 коп., для солдата большія деньги,—это тебѣ первое наказаніе; потомъ я тебя назначаю не въ очередь на два дневальства по коновязи—это тебѣ второе!

Но, не смотря на это наказаніе, я долженъ сказать, что считаю тебя честнымъ порядочнымъ человѣкомъ, храбрымъ. Ты—настоящій солдатъ, какимъ долженъ быть каждый русскій; ты не испугался наказанія и смѣло сознался въ своей винѣ, а это можетъ сдѣлать только честный человѣкъ; ты не сдѣлалъ такъ, какъ сдѣлали твои негодяи—товарищи, они трусы; они блудливы, какъ кошки, а трусливы, какъ зайцы; они притворяются теперь спящими и думаютъ увильнуть отъ наказанія, но это совсѣмъ напрасный трудъ.

— Шустовъ, Рычковъ, Анисимовъ, Зиминъ и Ивановъ: сейчасъ же встать и подойти ко мнѣ, грозно крикнулъ командиръ, перечисливъ всѣхъ игроковъ — портнеровъ Гололобова. Всѣ пятеро поднялись съ канъ; взволнованные и ошеломленные подошли они къ командиру.

— Вы — не солдаты! Вы -- трусы, негодяи! — хмуро проговорилъ онъ. По 8 нарядовъ не въ очередь по коновязи; пошли вонъ! я съ вами не хочу разговаривать,—сказалъ онъ и вышелъ изъ фанзы.

— Дивно, прямо, какъ это онъ узналъ, кто въ карты игралъ?—говорили огорченные игроки.

— Чего дивнаго-то?—развѣ скрость окошко не видно што ли?—обратилъ вниманіе пострадавшихъ на отворенное окно дневальный.

— Да и въ самомъ то дѣлѣ, какъ это мы окно то не сдогадались затворить, говорилъ Шустовъ, почесывая себѣ затылокъ.

— Ну, теперь, братъ, хоть до самыхъ мозговъ затылокъ прочеши, а 8 дневальствъ по коновязи отбухай.

На другой день рано утромъ команда вышла изъ Сюяна, съ цѣлью развѣдать окрестности его и провѣрить, есть ли по близости японцы. Цѣлый день мы сновали вокругъ Сюяна, заѣзжая во всѣ деревушки, но присутствія японцевъ не было и признаковъ. Только къ вечеру правому дозору удалось замѣтить передовое щупальце изъ японскаго развѣзда человекъ въ 10. Японцы были на далекомъ разстояніи отъ насъ и наши залпы не принесли имъ никакого ущерба. Сначала было рѣшено преслѣдовать этотъ развѣздъ, но потомъ, такъ какъ солнце уже скрылось за горизонтомъ и сумерки спускались на землю, эта мысль была отброшена, ибо преслѣдовать темною ночью было бессмысленно и даже опасно—легко можно было нарваться на устроенную засаду, — послѣ Ялу мы знали объ ихъ манерѣ и сноровкахъ.

Уже совсѣмъ стемнѣло когда мы остановились на начлегъ въ одной изъ деревень верстахъ въ 10 отъ Сюяна.

Въ этой деревнѣ мы встрѣтили взводъ казаковъ пограничной стражи, которые были командированы для закупки скота. Казаки ночевали въ сосѣдней съ нами фанзѣ, и изъ ихъ помѣщенія почти всю ночь слышались шумъ и пѣніе,—тамъ была пирушка.

Нѣсколько человекъ нашей команды отправились къ нимъ въ гости и вернулись оттуда уже далеко за полночь, изрядно нагружившись ханшиномъ.

Утромъ мы направились на Хайченъ, съ цѣлью побывать въ Симученѣ, около котораго, по слухамъ, были японцы. Эти слухи оказались правдивыми, въ чемъ мы всѣ скоро убѣдились, приближаясь къ этому мѣстечку, ибо рано утромъ на другой день нашъ передній дозоръ былъ обстрѣленъ съ сопокъ японцами, но, слова Богу, никто не пострадалъ. Въ этотъ же день мы преслѣдовали японскій разъѣздъ и даже убили двухъ лошадей и трехъ японцевъ. Эти трофеи были особенно пріятны намъ, такъ какъ у насъ обошлось безъ жертвъ.

Вскорѣ мы прибыли на перевалъ Фынсяолинъ, гдѣ намъ пришлось просидѣть около недѣли.

Возвращеніе изъ Сюяна.

Вечерняя пріятная прохлада майскаго вечера уже спускалась на землю: было около шести часовъ. Стояла особенно хорошая погода. Мы возвращались съ развѣдки изъ г. Сюяна на Хайчень и только часть или полтора тому назадъ миновали красивый, похожій на гигантскую лѣстницу, ведущую на облака,—переваль Фынсяолинъ, каменный гребень котораго отъ непрерывнаго движенія китайскихъ тяжелыхъ арбъ—въ теченіе столѣтій, а можетъ быть и тысячалѣтій, обратился теперь въ узкій каменный коридоръ съ высокими скалистыми стѣнами. Вокругъ него, стремясь къ небесамъ своими гордыми вершинами, какъ виликаны, стояли безмолвныя, съ красивыми и причудливыми очертаніями, каменистыя громады горъ.

На одной изъ нихъ, почти отвѣсно-крутой, надъ самой бездною ютился миниатюрный, своеобразной архитектуры, каменный домикъ съ прорѣзанными круглыми окошками, весь испещренный тонкой художественной рѣзьбой, изображающей драконовъ, черепахъ, лягушекъ, птицъ и многихъ другихъ земныхъ и водяныхъ мифическихъ тварей, о которыхъ, признаться, я не имѣю ни малѣйшаго представленія. А изъ оконъ этого таинственнаго домика смотрѣли въ бездну косые выпуклые глаза китайскихъ боговъ.

Кое-гдѣ изъ-за горъ, чуть примѣтно, пробивались и журча катили свою, какъ хрусталь чи-

стую и холодную воду маленькіе ручейки; иногда падая съ отвѣсныхъ уступовъ скалъ, они обращались въ маленькіе водопаты, а тамъ—гдѣ-то внизу, у падошвы, они расширялись, журчали громче и, наконецъ, уже въ долинѣ впадали въ шумную быструю горную рѣчку Шахэ, которая, извиваясь, какъ змѣя, шумя и играя, бѣжала быстро по камнямъ своего русла. Вдругъ, какъ бы изъ любопытства, она забѣгала въ нарядную густую зеленую рощу, огибала ее и стремилась дальше, пересекая мѣстами пыльную дорогу.

Дивная, точно бархатная, зеленѣющая долина простиралась передъ нами, орошаемая холодной игривой рѣчкой Шахэ и украшенная прекрасными кудрявыми рощами и фруктовыми садами, зеленая листва которыхъ перемѣшивалась съ блѣднорозовымъ цвѣтомъ грушъ и яблони; въ тѣни деревьевъ виднѣлись красивыя китайскія фанзы и живописно сложенные высокіе каменные заборы съ зубчатыми верхушками и башенками.

Издали видъ былъ великолѣпенъ и восхищаль взоръ своею чарующею прелестью; а на заднемъ планѣ ландшафта виднѣлся зубчатый блѣдно-голубой далекій гребень горъ, чуть примѣтной границей отдѣляющійся отъ лазурнаго яснаго неба.

Но эта картина сразу теряла всю свою прелесть, какъ только приходилось въѣзжать внутрь деревни: отвратительная грязь и неряшество поражали и зрѣніе и обоняніе.

Наши лошади бѣжали легко и весело, гордо потряхивая красивыми головами,—далеко раздавалось ихъ веселое ржаніе. Въ командѣ охотниковъ царилъ смѣхъ и говоръ: всѣ мы были подѣ

пріятнымъ впечатлѣніемъ удачной развѣдки, въ которой находились около двухъ недѣль, не потерявъ ни одного товарища и ни одной лошади (если не считать лошади, павшей отъ сибирской язвы въ Сюянѣ). Вотъ это-то обстоятельство главнымъ образомъ и радовало насъ, такъ какъ мы совсѣмъ не рассчитывали на благополучный исходъ нашего поиска.

Быль, правда, у насъ одинъ непріятный случай, но дѣло обошлось легко,—переводчикъ нашъ Ванька потерялъ лишь одинъ зубъ. Дѣло было такъ: у Ваньки былъ кругленькій, мышиною масти, жеребчикъ, подъ кличкою «Пыжъ», который имѣлъ скверную привычку,—давать козла, какъ говорится. Косоглазая фигура Ваньки или, какъ его иногда называли охотники, Вани въ этихъ случаяхъ подпрыгивала на сѣдлѣ, мотаясь въ разныя стороны и вызывая общій смѣхъ. Однако это его не смущало. Просунувъ до каблуковъ ноги въ стремяна и размахивая локтями, какъ крыльями, онъ гордился своею посадкой и мнилъ себя опытнымъ кавалеристомъ, увѣряя, что всѣ хорошіе китайскіе кавалеристы ѣздятъ такъ же, какъ онъ.

Въ одномъ изъ переѣздовъ черезъ Шахэ, когда вниманіе командира, Шт.-Кап. Горностаева 1-го, было занято чѣмъ-то другимъ, одинъ изъ нашихъ охотниковъ, извѣстный весельчакъ, уже знакомый читателю ефрейторъ Гололобовъ, подѣхалъ сзади къ Ванькѣ и ударилъ нагайкой по крупу Пыжа. Пыжъ далъ козла, чего Ванька совсѣмъ не ожидалъ; онъ моментально вылетѣлъ изъ сѣдла и упалъ въ воду, Блестящимъ вѣеромъ раз-

сыпались отъ него въ разныя стороны серебряныя брызги. Гололобовъ сдѣлалъ самое невинное выраженіе лица и, какъ ни въ чѣмъ не бывало, проѣхалъ дальше. Ванька мокрый съ ногъ до головы, взобрался снова на своего коня и злобно поглядывалъ на смѣющуюся команду, не въ силахъ угадать, кто былъ виновникомъ подобной продѣлки.

— Ты, Ваня, не печалойся, говорилъ въ это время Гололобовъ, — вотъ мы скоро приѣдемъ на привалъ, разведемъ костеръ и усадимъ тебя на него; просидишь часъ—другой, ну, и высохнешь.

Но Ванькѣ было не до шутокъ,—онъ сидѣлъ въ сѣдлѣ грустный, какъ мокрая курица, и все жаловался на порчу своихъ шелковъ, тщательно выжимая рукава и фалды и покачивая въ тактъ шеи лошади головой.

Въ это время къ Штабсъ-Капитану Горностаеву подошелъ съ плачущимъ выраженіемъ лица почтительный и скромный китаецъ. Онъ что-то бормоталъ и жестикулировалъ, но понять его было положительно не возможно.

— Ванька, что ему нужно отъ меня?—позвалъ командиръ переводчика?

Ванька повелъ оживленную бесѣду съ почтительнымъ китайцемъ, который все время указывалъ на одну изъ деревень впереди.

— Ваше Высокоблагородіе, — началъ переводить Ванька,—онъ говоритъ, что вонъ въ той деревнѣ сейчасъ былъ какой-то бѣглый солдатъ,

побилъ нѣсколько китайцевъ, укралъ лепешки и пачку серебряныхъ денегъ и убѣжалъ.

Всегда привѣтливое и доброе лицо Горностаева вдругъ нахмурилось.

— Вольноопредѣляющійся, обратился онъ ко мнѣ,—сейчасъ же поѣзжайте по лѣвую сторону дороги, осматрите всѣ деревни и постарайтесь во что бы то ни стало найти этого мерзавца. Если будетъ сопротивляться, не стѣсняйтесь, отправьте на тотъ свѣтъ. Съ дезертирами нечего церемониться и нянчиться,—это самый опасный и подлый элементъ.

— Слушаюсь, Ваше Высокоблагородіе, отвѣчалъ я, и, взявъ трехъ стрѣлковъ, рысью поѣхалъ исполнять приказаніе. Направо поѣхало такъ же четыре человѣка съ подобнымъ же порученіемъ.

Когда мы осматривали вторую деревню, то нашли въ ней не одного, а нѣсколько человѣкъ русскихъ—это были казаки 8 сибирскаго полка. Но считать ихъ дезертирами и грабителями было невозможно, ибо они были изъ команды, установившейся здѣсь на привалъ и бывшей подъ начальствомъ офицера. Когда мы выѣхали изъ деревни, рядомъ съ которой причудливо извивалась Шахэ, мы были поражены въ высшей степени комичной картиной. На берегу рѣки сидѣлъ казакъ и продѣлывалъ какіе-то непонятныя издала манипуляціи съ поросенкомъ, котораго держалъ между колѣнями. Поросенокъ хрюкалъ и визжалъ благимъ матомъ; а казакъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на его протестъ и стре-

мленіе къ свободѣ, сосредоточенно продолжалъ свое дѣло.

Сначала мы думали, что казакъ рѣжетъ поросенка, но для этого вовсе не требовалось такъ много времени, а мы слышали его крикъ уже нѣсколько минутъ...

Когда мы подѣхали ближе, то всѣ невольно разразились гомерическимъ смѣхомъ: поросенокъ былъ связанъ за ноги и обильно намыленъ мыломъ, а казакъ, — вооруженный китайской бритвой, преусердно его брилъ.

— Что, землякъ, дѣлаешь? — спросилъ одинъ изъ охотниковъ.

— Сѣно кошу, поднялъ казакъ къ спрашивающему свою фізіономію съ посоловелыми глазами, показывавшими, что они успѣли за сегодняшній день заглянуть въ рюмку.

— Какое такое сѣно? вѣдь ты-же поросенка бреешь!?

— А коли видишь, такъ по чему же спрашиваешь?

— Знамо дѣло, вижу. Да больно, значитъ, мудреное дѣло. Въ первый разъ въ жизни вижу, что бѣ поросятъ брили.

— А коли еще не видалъ, такъ теперь посмотри. Что жъ, посмотрѣть завсегда можно, съ большимъ даже нашимъ удовольствіемъ, разрѣшилъ казакъ.

— Да, я и такъ ужъ вижу, только не понимая, на кой лядъ ты свинячимъ циркульникомъ сдѣлался.

— А я какъ погляжу, такъ ты совсѣмъ ничего не понимаешь: ну, такъ и быть, я тебя изъ су-

мленія вывиду. Брею я поросенка, значить, для того, что бь его для жарева приспособить.

— Такъ вѣдь и опалить можно.

— Можно, по че нельзя! Такъ вѣдь онъ на огнѣ то сдохнетъ, а мнѣ нужно, что бы онъ живой былъ,—для того, значить, и брею. Потому мы сейчасъ дальше поѣдемъ, сжарить я его не успѣю; если же онъ будетъ мертвый, за дорогу испортится, и жарevo значить, пропадетъ. А я, вотъ, его побрею и, когда мы на привалѣ приѣдемъ, такъ и возитьсѣ съ нимъ не придется, а распору пузо, выпущу кишки и на огонь.

— Да какъ ты его повезешь то? Вѣдь онъ орать у тебя будетъ?

— Не будетъ, коли тряпокъ по больше въ глотку напихаю.

— Чего же ты ему теперь глотку то не заткнешь?

Гляди, какъ онъ у тебя базлаетъ, гляди, какъ хайло то разинуль?

— А чежъ? пусть, значить, себѣ удовольствіе доставить, передъ смертью попоетъ немного,—вѣдь все равно въ послѣдній разъ. Долго еще мы слышали оглушительный визгъ поросенка, хотя отѣхали уже далеко отъ этой странной парикмахерской.

Когда мы направились къ третьей деревнѣ, насъ догналъ охотникъ съ приказаніемъ вернуться къ камандѣ. Оказалось, что виновникъ поисковъ плелся не окольными путями, а прямо по большой дорогѣ—навстрѣчу намъ и, вмѣсто того, что бы лицо его, какъ пойманнаго дезертира, выражало испугъ передъ отвѣтственностью, онъ

добродушно и радостно улыбался. Въ рукахъ его была деревянная палка.

— Ты что это въ одиночку шляешься?—обратился командиръ.

— Ваше Высокоблагородіе, я не строевой 21-го В.-С. стр. полка — началъ онъ; позавчера нашъ полкъ ушелъ на новую стоянку, а я—виновать —выпилъ малость, ну и проспалъ полкъ то, и пришлось догонять одному; дороги не знаю, заплутался я, бродилъ эти дни по сопкамъ, ни одного русскаго не видалъ и чуть въ плѣнь къ японцамъ не попался. Богъ не попустилъ, не замѣтили.

— Ну, а гдѣ же твоя винтовка?—спросилъ командиръ.

— Товарищи, Ваше Высокоблагородіе должно захватили,—отвѣтилъ виновно несчастный дезертиръ; онъ мялся съ ноги на ногу и, наконецъ, спросилъ.

— Такъ что, осмѣлюсь, спросить Ваше В..діе, не знаете ли гдѣ 21 В.-С. стр. полкъ?

— Онъ верстъ за пять за этимъ переваломъ, —показалъ командиръ. Ну, иди съ Богомъ, не бойся, на японцевъ не наткнешься; тутъ наша летучая почта, иди прямо телеграфной линіей.

Солдатъ стоялъ молча и продолжалъ жаться съ ноги на ногу и сканфужено смотрѣть на командира, какъ бы не рѣшаясь ему сказать, что-то очень важное.

— Ну, что тебѣ еще?

— Позвольте у вашихъ охотничковъ сухарей попросить, можетъ лишніе найдутся, а то, повѣрите ли, со вчерашняго утра ничего не ѣлъ, окро-

мя лепешки, которую отнял у китайца,—развѣ они, нехристи, добромъ дадутъ. А вѣдь голодъ то не тетка.

Ему насыпали полную фуражку сухарей, снабдили такъ же табакомъ и онъ поплелся по указанному направленію. Долго еще мы наблюдали за фигурой бѣднаго невольнаго дезертира.

— Знаешь что, Ваня?—подѣхавъ къ переводчику, сказалъ Гололобовъ—давай-ка, братъ, лошадыми мѣняться:—я возьму твоего Пыжа, а тебѣ дамъ Сокола,—онъ у меня настоящій теленокъ. При этомъ онъ лукаво взглянулъ на команду.

Дѣло въ томъ, что теленокъ Гололобова былъ уродливый и неукротимый звѣрь, и лишь физическая сила Гололобова могла обуздать его. Ванька сначала было согласился, но увидѣвъ лукавую улыбку на лицѣ собесѣдника, который ужъ не разъ подводилъ его подобнымъ способомъ, на отрѣзъ отказался, говоря, что, если командиръ замѣтитъ, сильно разсердится.

Въ это время мимо насъ проѣхала арба, въ которой сидѣло два китайца; сзади арбы шелъ тоже китаецъ—высокаго роста, обросшій черной жесткой шерстью, съ хитрыми сѣрыми глазами; на вискѣ у него былъ шрамъ отъ разруба чѣмъ-то острымъ. Увидѣвъ переводчика онъ съ большимъ интересомъ сталъ его о чемъ-то спрашивать. Переводчикъ съ оживленіемъ ему отвѣчалъ. Видя сосредоточенное и внимательное лицо, въ хитрыхъ глазахъ котораго не трудно было замѣтить захватывающій интересъ и любопытство, командиръ закричалъ Ванькѣ:

— О чемъ это онъ тебя спрашиваетъ?

Ванька оглянулся и увидѣлъ, что рядомъ съ нимъ стоитъ охотникъ Замякинъ, который немного зналъ китайскій языкъ, а потому былъ всегда ему помѣхой и строгимъ контролемъ.

— Онъ спрашиваетъ, откуда мы ѣдемъ и сколько въ командѣ человѣкъ,—отвѣчалъ Ванька.

— И сколько войскъ за переваломъ,—вставилъ свое слово Замякинъ.

— Это ему зачѣмъ понадобилось знать? Скажи ему, что бы онъ убирался къ черту, покуда не спустили нагайкой съ него шкуры, сказалъ Горностаевъ и поѣхалъ дальше.

— Ваше В . . діе, позвольте его проводить, онъ, кажется, не знаетъ дороги, сталъ упрашивать Гололобовъ.

— А, ну, тебя—махнулъ рукой Горностаевъ, отмахиваясь отъ него, какъ отъ осенней мухи.

— Ваше В . . діе, позвольте.

— Становись въ строй, сказалъ болѣе строго командиръ,—знаю я ваши проводы.

Гололобовъ грустно посмотрѣлъ въ слѣдъ китайцу и, погрозивъ ему нагайкой, недовольно промолвилъ:

— Эхъ, давно ужъ моя нагайка не пробовала китайской спины. Ваня, давайка спину, что бы замахъ не пропалъ даромъ.

— Рысью—маршъ, слышалась команда Горностаева.

Лошади встрепенулись и, высоко поднявъ головы, не дожидаясь шенкелей, весело перемѣнили аллюръ, бодро и легко понесли насъ на сво-

ихъ сильныхъ ногахъ, поднимая клубы желтой пыли, которая совсѣмъ скрывала нашу маленькую команду. Мокрый и синій Ванька черезъ минуту обратился въ желтосѣраго.

— Шагомъ! раздалась снова команда.

Вдали, утопая въ пурпуровомъ заревѣ заката и въ тѣни кудрявыхъ деревьевъ, виднѣлись строенія Симучена; на одной изъ фанзъ развивался трехцвѣтный русскій флагъ. Это былъ этапъ.

— А, ну-ка, Гончаровъ, затягивай пѣсню какую-нибудь, распорядился Горностаевъ.

— Какую прикажете, Ваше Высокоблагородіе?

— Какую-нибудь, подумай!

— Дозвольте «Ваньку Хрѣнова»?

— Ее потомъ, а сейчасъ что-нибудь поинтереснѣй.

— Такъ что «солдата—Яшку»?

— Ну его къ черту, твоего Яшку,—вали «Засвистали козаченьки».

Гончаровъ откашлялся, набралъ полную грудь свѣжаго воздуха и сильнымъ тенеромъ съ оттѣнкомъ нѣжной грусти и удали запѣлъ:

«Засвистали козаченьки, въ паходъ съ
полуночи,

Заплакала Марусенька свои ясны очи»...

Запѣлъ его громкій, какъ серебряный колокольчикъ, голосъ.

— Заплакала Марусенька—подхватилъ дружный хоръ, и задушевная малорусская пѣсня, какъ шумный ручей, катила свои трели въ свѣжемъ вечернемъ воздухѣ, возбуждая и боль, и нѣгу, и грусть, и рисуя въ воображеніи милыя картины далекой чудной Украйны. Какъ живой, стоитъ

передъ тобой красивый стройный казакъ, а передъ нимъ заплаканое, нѣжное личико влюбленной Марусеньки...

— Эхъ, не люблю я эту пѣсню, грустно вздохнувъ, сказалъ мнѣ одинъ изъ охотниковъ,—всю душу выворачиваетъ.

Онъ замолкъ. Немного спустя съ оттѣнкомъ какой-то горечи, продолжалъ: я тоже помню одну Марусеньку, но та провожала меня въ походъ и не плакала и, поди, рада будетъ, если ухлопаютъ... Потому—надоѣлъ я ей, измѣнила,—другой приглянулся. Эхъ!..—тяжело вздохнулъ онъ и смолкъ.

— Ну, теперь Ваньку Хрѣнова—звучить снова команда Горностаева.

И веселый безшабашный мотивъ «Ваньки Хрѣнова» слышится уже въ узкихъ улицахъ китайскаго города; какъ бы желая поскорѣе освободиться отъ тѣсноты грязныхъ улицъ, стремительно несется онъ въ высь.

Навстрѣчу намъ изъ этапа выходятъ казаки и стрѣлки и, спрашивая о развѣдкѣ, провожаютъ до двора, который мы занимаемъ для ночлега. Мы заняли просторную, приспособленную специально для переходящихъ войскъ, фанзу и большой чистый дворъ для лошадей; здѣсь тотчасъ появилась коновязь и корыта для корма лошадей.

Вскорѣ зажглись багровые факелы, бросая яркій свѣтъ на охотниковъ и лошадей и борясь съ черными рѣзкими тѣнями ночи. Вдоль стѣны по канавѣ правильной линіей горѣла яркая веселая иллюминація костровъ, вокругъ которыхъ,

варя ужинъ, въ мирной бесѣдѣ, сидѣло по нѣсколько человѣкъ охотниковъ. Около одного изъ костровъ, заслоняя его плотной массой, стоя, лежа и сидя тѣснились охотники. Головой кружка былъ Гололобовъ; онъ очень оживленно и комично рассказывалъ товарищамъ о своихъ похищеніяхъ, въ бытность его въ отпуску послѣ китайской войны — въ родной деревнѣ. Героинями рассказа были деревенскія дульцинеи, героемъ (какъ онъ самъ себя называлъ) кавалеръ бронзовой медали за китайскую войну, онъ же и ефрейторъ Гололобовъ (потомъ, впрочемъ, онъ сталъ кавалеромъ знака отличія Военнаго Ордена Св. Георгія 4 ст.); второстепенными лицами — неотесанные и неделикатные парни и мужики, которыхъ отъ тщетно училъ дисциплинѣ и цивилизаціи.

Къ костру подошелъ Ванька.

— Ну, что, ю—мэю? — спросилъ его Боголюбовъ.

— Ю—промолвилъ Ванька и вынулъ изъ широкаго рукава своего халата бутылку съ китайской водкой—ханшиномъ.

— Зотинъ, достань-ка, братъ, закуски — обратился рассказчикъ къ одному изъ охотниковъ. Зотинъ запустилъ большую деревянную ложку въ котелокъ, который стоялъ передъ нимъ на кострѣ, и вынулъ кусокъ мяса.

Кажись, еще сырое—промолвилъ онъ.

— Ничего, солдатъ—не собака, все съѣсть,—успокоительно выговорилъ кавалеръ бронзовой медали. Бутылка стала переходить изъ рукъ въ руки и скоро опорожненная валялась на кострѣ,

измѣнивъ нѣсколько свою форму, благодаря сильной температурѣ яркаго пламени.

Полужинавъ, я пошелъ посмотрѣть своего коня; онъ былъ уже сытъ и привѣтливо ржалъ навстрѣчу мнѣ, вытягивая свою умную красивую голову. Я легъ въ его просторное корыто и крѣпко заснулъ.

— Г. старшій, г. старшій, — слышалъ я во снѣ и почувствовалъ, что кто-то сильно трясеть меня. Я быстро вскочилъ, стараясь вникнуть, что мнѣ говорятъ и что произошло. Передо мной стоялъ дневальный по коновязи.

— Г. старшій, васъ командиръ къ себѣ требуетъ,—рапортовалъ онъ. Во дворѣ было оживленіе, охотники поили и сѣдлали лошадей, багровые факелы по прежнему боролись съ темнотой ночи, отъ костровъ же остались теперь лишь кучи еще яркихъ углей. Вглядываясь въ темноту, я кое-какъ узналъ силуэтъ командира и явился къ нему.

— Оставьте на этапѣ вьюки и къ нимъ 4-хъ охотниковъ — распорядился онъ; сейчасъ японцы порвали телеграфное сообщеніе между постомъ летучей почты и Симученомъ; нужно немедленно это разслѣдовать и починить телеграфъ. Вы и Сѣдельниковъ, возьмите себѣ по пяти человѣкъ и, когда выйдемъ, сейчасъ же отдѣляйтесь—вы въ правую, Сѣдельниковъ въ лѣвую сторону: осмотрите самымъ тщательнымъ образомъ всѣ деревни; а я съ командой пойду прямо линіей.

— Слушаю, Ваше В....діе.

— Можете идти, да поторопите тамъ, чтобы скорѣе сѣдлали.

Я пошелъ отдавать распоряженіе командира.

— Г. старшій, подошелъ ко мнѣ одинъ изъ охотниковъ, я вашего лисопеда уже засѣдлалъ.

Кличка моего коня была «Ураганъ», но я какъ-то разъ шутя назвалъ его велосипедомъ, и эта новая кличка утвердилась среди охотниковъ съ большимъ удовольствіемъ, чѣмъ прежняя.

— И напоилъ?

— Такъ точно, г. старшій.

Черезъ нѣсколько минутъ мы выѣхали изъ Симучена, утоная въ темнотѣ южной тихой ночи. Было такъ темно, что только и можно было различить однѣхъ бѣлыхъ лошадей и яркія, маленькія точки папиросъ, которыя потухали и снова разгорались, слегка освѣщая лицо курящаго. Каждый старался воспользоваться разрѣшеніемъ и накуриться на цѣлую ночь. Я взялъ своихъ охотниковъ; мы отдѣлились и направились въ правую сторону. Глаза мало-по-малу начали привыкать къ темнотѣ. Пристально вглядываясь, можно было различить дорогу; кругомъ толпились таинственные черные силуэты, очертаніе которыхъ почти сливалось съ общей темнотой; разстояніе обманывало напѣяженный взоръ. Деревья, рощи и фанзы, которыя казались гдѣ-то далеко, вдругъ, какъ бы по прихоти таинственныхъ духовъ, вырастали сразу передъ нами, загораживая собой предметы, которые казались намъ въ разстояніи какихъ-нибудь 10 шаговъ. Наконецъ, мы въѣхали въ первую деревню; тишина сразу нарушилась цѣлымъ хоромъ лаящихъ сторожевыхъ собакъ. Мы объѣхали всю деревню, проѣзжая во

всѣ переулки и дворы, но не нашли ничего подозрительнаго.

— Знаете что, г. старшій, сказалъ мнѣ Зотинъ,—намъ не стоитъ заѣзжать въ эти деревни, и онъ указалъ въ сторону еще двухъ деревень.

— Собаки не лаятъ, значитъ и японцевъ нѣтъ.

— Мы были согласны съ нимъ, но для выполнения долга объѣхали и эти деревни.

Мы выѣхали на дорогу и стали рысью догонять команду, но мертвая тишина говорила, что команда уже далеко. Вдали влѣво заливались собаки. Вдругъ послышался рѣзкій раскатистый звукъ выстрѣла. Какъ бы въ отвѣтъ грянулъ маленькій, но дружный залпъ. Мы остановились и съ сильнымъ біеніемъ сердца начали вслушиваться, но мертвая тишина снова объяла сонную долину.

Это разъѣздъ Сѣдельникова вхлопался на японцевъ,—сказалъ Замякинъ.

Между тѣмъ блестящая круглая луна выплыла изъ-за горы и бросала свои блѣдноглубыя лучи на тихую спящую землю. Уродливыя тѣни казались еще длинѣе.

Мы молча переглянулись и какъ-то инстинктивно поняли другъ друга. Лошади взвились подъ нами, и мы быстро понеслись по направленію выстрѣловъ. Разстояніе съ каждымъ моментомъ сокращалось; мы подъѣзжали уже къ рощицѣ, которая была рядомъ съ деревней, гдѣ по прежнему не умолкая лаяли встревоженные собаки.

— Кто ѣдетъ?—раздалось изъ рощи.

— Свои, отвѣчали мы.

На встрѣчу намъ появилась высокая, стройная фигура Сѣдельникова; онъ что-то несъ на плечѣ.

— Ты что несешь?—спросилъ я.

— Сѣдло. Проклятые японцы убили мою Змѣйку, грустно промолвилъ онъ.

— А гдѣ же остальные?

— Они поѣхали догонять япошекъ, а я разсѣдлалъ коня и иду пѣшкомъ,—вѣдь за ними на своихъ на-двоихъ не поспѣешь.

— Да какъ это было?—разспрашивали мы.

— Какъ? да очень просто. Выѣхали мы это изъ деревни, а они, подлецы этикіе, тутъ — какъ — тутъ тоже на лошадяхъ; ну, одинъ изъ нихъ выпалилъ и убилъ мою Змѣйку, а мы, понятно, залпомъ въ нихъ; они вонъ въ ту рощу, а мы за ними, да больно ужъ темно было, чортъ ихъ найдетъ. Поди—въ горы подались!

Въ это время слышался шопотъ; онъ становился все ближе и ближе.

— Какъ сквозь землю провалились, проклятые,—еще издали крикнулъ возвращающійся бирюкъ и его товарищи.

— Я все-таки, грѣшнымъ дѣломъ, думаю, что мы въ нихъ влѣпили залпъ то; эхъ, кабы не темень, и расщелкали бы мы ихъ.

Давъ Сѣдельникову двухъ охотниковъ, я отправилъ его на этапъ, а самъ съ остальными поѣхалъ къ командѣ. Луна теперь уже высоко поднялась и ярко освѣщала своими мягкими лучами окрестности.

Черезъ часъ мы догнали команду; она спѣшилась и стояла на мѣстѣ; нѣкоторые сидѣли и

лежали, держа поводья своихъ лошадей; кое-кто даже успѣлъ и вздремнуть.

Нѣсколько человѣкъ тянули разорваную проволоку, поправляя порчу. Командовалъ ими телеграфистъ — солдатъ съ этапа; наконецъ, проволока была связана, столбы поставлены на мѣсто. Телеграфистъ приспособилъ къ проволоцѣ трубку и началъ звонить; черезъ минуту послышался отвѣтный звонокъ; начался оживленный разговоръ между нашимъ и дежурнымъ телеграфистомъ съ этапа, но какъ-то было странно наблюдать за этимъ разговоромъ; среди ночи въ сонной долинь говоритъ одинъ и за нѣсколько верстъ, съ помощью какой-то трубки, получаетъ отвѣтъ отъ другого...

Къ Горностаеву подѣхалъ охотникъ изъ праваго патруля.

— Ваше В...діе, позвольте доложить, я сейчасъ замѣтилъ около рѣчки огонекъ, и такъ что меня сумлѣніе беретъ, кажись, онъ не просто горитъ, — то потухнетъ, то опять загорится, а окромя этого какой-то сумнительный китаецъ тутъ прошелъ.

— Вольноопредѣляющійся, поѣзжайте и узнайте, въ чемъ дѣло, — сказалъ командиръ.

Я взялъ съ собой Замякина, Зотина и Шахматова и поѣхалъ за патрульнымъ охотникомъ, который показывалъ намъ путь. Минуть черезъ двадцать мы вѣхали въ густую рощу.

— Вотъ изъ этой рощи, г. старшій, хорошо видно.

Мы остановились въ тѣни деревьевъ, передъ которыми разстилалась поляна; недалеко шумѣла

— Шахъ, но кругомъ не было ничего подозрительнаго.

— Подождите немного, говорить мнѣ шопотомъ патрульный.

Прошло болѣе $\frac{1}{2}$ часа, я начиналъ терять терпѣніе.

— Тише, вдругъ прошепталъ Шахматовъ, — кто-то идетъ.

Мы притаили дыханіе, наши лошади, какъ бы понявъ наше желаніе, тихо стояли въ тѣни густой рощи. На опушкѣ появилась черная фигура; она, быстро пересѣкая поляну, направилась къ рѣчкѣ. Шахматовъ и Замякинъ сдѣлали не терпѣливое движеніе, желая снять изъ за плечъ винтовки; я остановилъ ихъ жестомъ.

— Подождите, прошепталъ я, — онъ все равно не уйдетъ отъ насъ, посмотримъ, что будетъ дальше.

Фигура скрылась за яромъ рѣчки; черезъ нѣсколько минутъ ихъ появилось уже двѣ, — одинъ держалъ зажженный фонарь; онъ поднялъ его надъ головой и описалъ имъ въ воздухѣ кругъ.

— Господинъ старшій, посмотрите на эту сопку, сказалъ мнѣ Замятинъ.

Я взглянулъ на указанную сопку; тамъ яркой звѣздочкой горѣлъ другой фонарь; вдругъ онъ описалъ въ воздухѣ такой же кругъ. Я сразу понялъ въ чемъ дѣло: шпионы сообщали фонаремъ на сопки японцамъ, что дѣлается въ долинѣ. Мы бросились къ нимъ; оба оказались китайцами. Наше неожиданное появленіе поразило и ошеломило ихъ; первой ихъ мыслью было бѣжать, но

развѣ можно было улигнуть отъ нашихъ охотниковъ.

Сильнымъ ударомъ приклада въ спину Шамаговъ повалилъ одного изъ убѣгающихъ, другой, не желая подвергнуться участи товарища, упалъ передъ нами на колѣни и, поднявъ къ верху большіе пальцы обѣихъ рукъ (что означаетъ знакъ высшаго почтенія), изстуженно твердилъ:

— Солдата шибко шанго. Моя машинка нѣту, моя люди шибко шанго (Солдаты—очень хорошіе, я не мошенникъ, я человѣкъ очень хорошій).

— Онъ надѣялся, что увѣрить насъ въ своей невинности, предполагая, должно быть, что мы не видѣли отвѣтнаго фонаря, который все еще горѣлъ на сопкѣ. Мы показали ему на фонарь.

— Чего шима? (это что) — свирѣпо звучить надъ его ухомъ голосъ Замякина.

Теперь онъ понялъ, что ему ни пощады ни спасенія. Онъ заплакалъ.

— Негодяи, подлецы, не унимался разсерженный Замякинъ, — продавать насъ вздумали; да хоть бы за деньги продавали то, а то вѣдь за фальшивыя бумажки.

Связанныхъ и перекинутыхъ черезъ сѣдла, мы привезли ихъ въ команду, которая нетерпѣливо ждала нашего возвращенія.

Охотники начали разглядывать шпионовъ.

Вдругъ одинъ изъ нихъ, обращаясь къ командиру, сказалъ:

— Ваше В...діе, да вѣдь это тотъ же китаецъ, котораго мы встрѣтили вчера вечеромъ; вѣдь

это онъ спрашивалъ Ваньку, сколько въ командѣ человѣкъ.

Я взглянулъ въ лицо китайца и дѣйствительно узналъ въ немъ вчерашняго собесѣдника Ваньки; только почему-то его шрамъ на вискѣ, показалось мнѣ, былъ гораздо рельефнѣе и рѣзче.

Мы отправились обратно. Луна поблѣднѣла, уступая свою дѣятельность утреннимъ свѣтлымъ лучамъ солнца. Востокъ зарумянился, и скоро возшло веселое яркое солнце.

Мы въѣхали обратно въ Симучень и помѣстились въ прежнемъ дворѣ. Черезъ часъ на этапъ принесли умирающаго японца, котораго китайцы нашли недалеко отъ убитой Змѣйки.

Умирая, японецъ вытащилъ изъ бокового кармана своей тужурки пачку какихъ-то бумагъ, въ которыхъ оказался конвертъ, написанный японскими іероглифами, и подалъ его командиру, указывая рукой въ сторону юга и на конвертъ. Мы поняли, что японецъ просилъ переслать письмо на свою родину. Командиръ, въ знакъ согласія, покачалъ головой.

Черезъ какой-нибудь часъ японецъ уже былъ мертвымъ, такъ какъ онъ былъ оченьтяжело раненъ и надѣяться на выздоровленіе было напрасно. Разсматривая остальные бумаги, командиръ нашелъ въ нихъ фотографическую карточку убитаго въ нарядной военной формѣ съ какой-то японкой (должно быть его женой). На рукахъ у японки сидѣлъ маленькій черненькій японченокъ. Лица у всѣхъ трехъ были веселыя, привѣтливыя и счастливыя.

Черезъ часъ черная вырытая яма проглотила мертваго отца японскаго семейства.

Подъ Вафангоу.

Нашъ полкъ все еще стоялъ въ Дашицао.

Была середина мая; мы только что вернулись съ развѣдки и ожидали новой, такъ какъ присутствіе японцевъ на Квантунскомъ полуостровѣ было очевидно, — они довольно энергично заявляли объ этомъ своими развѣдками и шпионствомъ.

Изрѣдка въ штабъ нашего корпуса приводили переодѣтыхъ въ китайскіе костюмы японцевъ съ приклеенными косами; почти при каждомъ изъ нихъ былъ револьверъ, самая подробнѣйшая карта, записная книжка, въ которой нерѣдко можно было встрѣтить кроки нашихъ позицій съ обозначеніемъ окоповъ, волчьихъ ямъ и вообще всѣхъ подробностей нашего приготовленія къ бою: при каждомъ кроки была топографическая записка.

Въ довершеніе всего, каждый изъ этихъ шпионовъ имѣлъ самой новѣйшей конструкціи бинокль, съ помощью котораго можно было видѣть мѣстность на десятки верстъ съ самыми мелкими деталями.

Все это краснорѣчиво говорило, что японцы далеко перешеголяли насъ, что они приготовились къ войнѣ съ математической точностью, принявъ во вниманіе всѣ мелочи, что они сознательно и увѣренно идутъ къ своей цѣли, что все у нихъ дѣлается осмысленно и дружно.

Еще больше поражало насъ то, что японцы, какъ это все выяснилось изъ переведенныхъ на

русскій языкъ шпионскихъ записокъ, знали подробно, гдѣ стоитъ такой-то полкъ, какъ фамиліи начальниковъ части, начиная отъ самыхъ крупныхъ и кончая чуть ли не фельдфебелемъ роты.

У одного шпиона былъ найденъ списокъ всѣхъ офицеровъ одного изъ нашихъ полковъ, съ обозначеніемъ, кто и какую должность занимаетъ. Мы ничуть не сомнѣвались, что эти свѣдѣнія передавали имъ китайцы, которымъ мы, по нашей русской простотѣ, довѣряли, какъ своимъ соотечественникамъ. А между тѣмъ намъ неоднократно приходилось убѣждаться, что наши пріатели—китайцы преисправно продавали наши тайны нашимъ врагамъ, не рискуя положительно ничѣмъ, кромѣ развѣ того, что получаютъ отъ японцевъ вмѣсто настоящихъ денегъ фальшивыя; но это ихъ не очень то смущало, такъ какъ въ Манджуріи всегда можно было найти дураковъ китайцевъ, да и русскихъ также, которымъ можно было спустить эти деньги за настоящія. Особенно въ ходу были теперь русскія трехрублевая бумажки японскаго издѣлія, и онѣ, несмотря на свою незаконность, имѣли вполне равную съ настоящими деньгами силу. Да, по видимому, никто и не старался остановить ихъ свободное путешествіе по китайскимъ, русскимъ и японскимъ карманамъ.

Сравнивая шансы японцевъ и наши, нельзя было не сознаться, что японцы имѣли больше правъ на успѣхъ своего предпріятія; но, несмотря на это, мы — русскіе, изъ какого-то страннаго упрямства, все-таки не хотѣли сознаться въ томъ, надѣясь на то, что храбрость русскаго солдата

преодолѣть всѣ препятствія и козни японцевъ, такъ какъ мы все ровно побѣдимъ; побѣдимъ ужъ по одному тому, что мы—русскіе. Намъ во все не требовалось знать расположенія японскихъ войскъ, ихъ количества и качества; намъ не нужно было хорошихъ картъ, — и такія карты, въ которыхъ названія трехъ деревень были поименованы: «путунда ¹⁾ № 1, путунда № 2, тунда № 3, считались вполне достаточными.

А бинокль считался у насъ совершенно ней роскошью, и дѣйствительно онъ былъ большой рѣдкостью, ибо очень многія роты совсѣмъ не имѣли ихъ. Японцы знали по фамиліи нашихъ ротныхъ командировъ, мы же не знали достоверно фамиліи японскаго Главнокомандующаго, — одни говорили, что Ойяма остался въ Токио, а командуетъ Куроки, другіе увѣряли, что Куроки въ Токио, а Ойяма командуетъ. Да, кажется, въ то время и извѣстны то намъ были только эти двѣ японскихъ фамиліи; но мы находили, что и этихъ свѣдѣній вполне достаточно. Да и не все ли было равно, кого бить—Ойяму ли или Куроки? лишь бы бить, расшибить, забросать шапками. Будущія побѣды наши уже воспѣвались съ истымъ русскимъ патріотизмомъ. А въ одной нашей части нашелся даже одинъ восторженный ротный командиръ—поэтъ и знатокъ музыки, — онъ написалъ въ стихахъ довольно длинную пѣсню относительно русскихъ (будущихъ) побѣдъ и подвиговъ, относительно въ дребезги разбитыхъ японцевъ, которые безъ оглядки бѣжали въ свое

¹⁾ Китайское слово — „не понимаю“.

Токіо, растерявъ по дорогѣ всю аммуницію и ружья. Все это произведеніе дышало патріотическимъ чувствомъ, но писатель не удовольствовался и этимъ,—онъ хотѣлъ довести свое творчество до полного апогея: онъ положилъ свое произведеніе на ноты, а свою роту заставилъ разучить его и распространять между войсками; но этому произведенію не удалось долго услаждать слушающихъ. Кто-то изъ начальствующихъ лицъ услыхавъ какъ-то разъ эту «осанну» русскимъ, хотя и былъ тронутъ достоинствами и героизмомъ русскихъ, однако нашелъ это пѣснопѣіе преждевременнымъ и запретилъ пѣть его до тѣхъ поръ, пока она на самомъ дѣлѣ не оправдается, чего понятно не случилось совсѣмъ за всю войну. Я слышалъ, что авторъ этаго произведенія впоследствии получилъ за это орденъ Св. Владимира 4 степ. съ мечами и бантомъ.

Среди войскъ стали появляться аляповатыя олеографіи, въ которыхъ всевозможными красками разрисовывались герои — русскіе и разбитые въ дребезги макаки.

Каждая такая олеографія имѣла въ видѣ поясненія витеватые стихи, въ которыхъ по большей части рифмовались «герои Портъ-Артура и японская шкура». Увѣренность въ побѣдѣ русскихъ поддерживали также и китайцы, когда ихъ спрашивали объ этомъ русскіе; но, впрочемъ, съ японцами они вѣроятно говорили о побѣдѣ японцевъ. Однако это вытекало вовсе не изъ ихъ убѣжденія, а прямо лишь изъ чувства страха получить затрещину съ той или другой стороны за свою истинную мысль, если бы она не согла-

совалась съ желаніемъ вопрошающаго. Такъ рускіе улаждали себя мыслью о побѣдѣ въ свободное отъ занятій время; японцы же, повидимому, совсѣмъ не имѣли свободныхъ минутъ и готовились къ бою. Они теперь сосредоточивались южнѣе станціи Вафангоу и на Печелійскомъ заливѣ, который подходилъ къ станціи Кайджоу настолько, что оттуда можно было видѣть японскія военныя суда, которыя плавали въ этихъ водахъ совершенно безнаказанно. Да и наказывать ихъ было положительно некому въ виду того обстоятельства, что къ этому времени наши крейсера, броненосцы и миноносцы уже частью покоились на днѣ морей и заливовъ Востока, частью уже очутились въ Японіи, а нѣкоторые были безжалостно продырявлены японскими минами и снарядами и теперь чинились, ожидая болѣе счастливаго времени.

Между тѣмъ до насъ смутно стали доноситься слухъ, что около Портъ-Артура, и именно на позиціяхъ Кинджоу, былъ бой, но подробностей этого боя и его результатовъ намъ не нашли нужнымъ сообщить.

Мѣсяца полтора тому назадъ изъ Артура пролетѣлъ экстренный поѣздъ со штабомъ Намѣстника, который, добравшись до Мукдена, учредилъ тамъ свою резиденцію. Все это давало право чувствовать, что скоро будетъ кровавая расправа; не знали только, кто будетъ расправляться: русскіе ли съ японцами или японцы съ русскими.

Наконецъ, 17-го мая у станціи Вафангоу произошло первое столкновеніе японскаго эскадрона съ сотней сибирскихъ казаковъ (8 Сибирскаго

полка). Встрѣтились эти двѣ враждующія части совершенно случайно, неожиданно; но, увидавъ другъ друга на очень близкомъ разстояніи, они съ остервенѣніемъ бросились другъ на друга. Впереди японскаго эскадрона во весь опоръ летѣлъ на своемъ конѣ японскій офицеръ, который первымъ долгомъ обнаружилъ знаніе русскаго языка, закричавъ: «сдавайтесь, оборванцы, мерзавцы». Очевидно офицеру этому былъ хорошо знакомъ лексиконъ русской ругани, которая обильно лилась изъ его устъ.

Еще моментъ—и произошло что-то страшное, не поддающееся описанію!.. Первыми вступили въ единоборство офицеры. Японскій офицеръ уже занесъ ударъ надъ головою русскаго офицера, но въ этотъ моментъ его предупредилъ правофланговый казакъ, который со всего размаху всадилъ ему пику въ нижнюю часть живота. Ударъ былъ настолько силенъ, что японецъ оказался проткнутымъ насквозь, а конецъ пики впился въ сѣдло. Отъ силы удара пошатнулась даже лошадь. Одновременно съ этимъ блестящая острая шашка русскаго офицера блеснула на солнцѣ и опустилась на голову противника, который грузно упалъ на землю, обливаясь кровью.

Длинные пики казаковъ, выбивая изъ рукъ японцевъ шашки и ихъ самихъ изъ сѣделъ, наносили смертельныя раны, зачастую прокалывая врага насквозь.

Воздухъ огласили стоны, крики и лязгъ оружія.

Въ страданіяхъ и судорогахъ на землѣ валялись раненные и умирающіе, которыхъ топтали

лошади своими копытами. Кровь лилась положительно ручьемъ.

Еще моментъ, и все было кончено. Японскаго эскадрона болѣе не существовало, — онъ весь поголовно былъ истребленъ казаками, которые пострадали сравнительно очень мало. Это объяснялось тѣмъ, что японцы не были знакомы съ пиками и не умѣли ихъ отражать; къ тому же пика поражала врага, не подпуская его на шапечный ударъ. А сибирскіе казаки владѣли пикою артистически (мнѣ пришлось одинъ разъ видѣть, какъ казакъ, не слѣзая съ лошади, преслѣдовалъ курицу и на всемъ скаку поддѣлъ ее на конецъ своей пики).

Послѣ этого неожиданнаго результата, когда японскій эскадронъ положительно былъ стертъ съ лица земли, японцы возненавидѣли еще больше казаковъ и ихъ пики и, какъ мы слышали, былъ отданъ даже приказъ по японскимъ войскамъ, что бы казаковъ, вооруженныхъ пиками, считать не за воиновъ, а за разбойниковъ, такъ какъ они дерутся не оружіемъ, а какими-то палками, и относиться къ нимъ беспощадно. Въ плѣнъ совсѣмъ не брать, а убивать.

Описанное столкновеніе нарушило, сравнительно, мирное теченіе нашей жизни въ Дашицао. Приказано было немедленно собраться. На другой же день, усадивъ насъ на желѣзнодорожныя платформы, насъ помчали къ станціи Вафангоу. День былъ ясный, чудный, — въ воздухѣ пахло цвѣтами грушъ и яблони, которые положительно укрывали собой деревья, окрашивая ихъ блѣдно розовымъ цвѣтомъ. Открытыя со всѣхъ сторонъ

платформы позволяли любоваться чудными картинками, мелькающими передъ нашими глазами.

А солнышко такъ привѣтливо обогрѣвало насъ и звало къ жизни...

Все бы было въ высшей степени хорошо, если бы изъ трубы паровоза не сыпалась на насъ крупная сажа, а иногда и горячіе угли.

У меня была банка сгущеннаго древеснаго спирта съ особымъ приспособленіемъ для варки, которая вполнѣ могла замѣнить керосинку Примусъ. Почти всю дорогу мы варили на этомъ спирту себѣ чай. Чаепитіе и веселые разговоры незамѣтно сокращали время.

Вся рота была настроена очень хорошо; впрочемъ, это было и вполнѣ естественно, такъ какъ мы подвигались къ японцамъ, а слѣдовательно давно ожидаемый бой былъ уже на за горами. Вечеромъ мы были на станціи Вафангоу.

На другой же день наши роты приступили къ копанію окоповъ въ окрестностяхъ Вафангоу—верстахъ въ 5 отъ станціи. Въ этихъ занятіяхъ проходили всѣ дни съ ранняго утра и до поздняго вечера. Мы изрыли почти всѣ Вафангоускія сопки. Окопы были глубокіе, удобные и устраивались по всѣмъ правиламъ сапернаго искусства. Правда, почва была камениста и не поддавалась лопатѣ, но мы ломали камни китайскими койлами, которыя собрали со всѣхъ окрестныхъ деревень. Однако, не смотря на это, койль все же не хватало и ими пользовались по-очереди.

Хотя уже давно для каждой роты было нарыто достаточное количество самыхъ удобныхъ окоповъ, мы все же рыли новые и новые окопы, пере-

ходя съ горы на гору. На разстояніи пушечнаго выстрѣла, всѣ предметы, находившіеся передъ окопами и загораживавшіе цѣль, были уничтожены; заборы изъ глины и камней, а также и фанзы были сравнены съ землей, дабы они не могли служить укрытіемъ для японцевъ.

Разъ какъ-то, шатаясь по сопкамъ въ свободное отъ занятій время со своимъ закадычнымъ пріателемъ Славинымъ, мы замѣтили въ кустахъ трупъ японца; на головѣ у него около виска зіяла огромная рана; отъ дѣйствія солнечныхъ лучей трупъ началъ разлагаться; на лбу уже лопнула кожа и изъ-подъ нея былъ виденъ бѣлый черепъ; трупъ раздулся настолько сильно, что, казалось, на немъ вотъ-вотъ лопнетъ по швамъ мундиръ, въ которомъ онъ былъ; а мундиръ былъ довольно нарядный, кавалерійскаго образца—чернаго цвѣта, весь обшитый желтыми шнурами, напоминавшій наши гусарскіе мундиры. Трупъ, очевидно, остался не убранымъ — съ 17-го мая, послѣ кавалерійскаго боя подъ Вафангоу.

— Посмотри-ка, у него на рукѣ шесть пальцевъ, прошепталъ Славинъ. Я взглянулъ на руку японца, которая лежала у него на груди, вѣпившись, должно быть, въ предсмертной агоніи въ бортъ мундира и оставшаяся въ такомъ же положеніи и послѣ смерти. Дѣйствительно, на этой рукѣ было шесть пальцевъ,—шестой палецъ былъ расположенъ симметрично большому пальцу и имѣлъ приблизительно такую же форму, какъ и большой, но находился на другой сторонѣ ладони. Другая рука была закинута подъ затылокъ, который лежалъ на ней.

Славинъ съ помощью штыка высвободилъ изъ-подъ затылка другую руку японца. И на этой рукѣ оказалось также шесть пальцевъ.

Обѣ руки имѣли отвратительный уродливый видъ,—видъ крючковатыхъ лапъ съ когтями какого-то невѣданнаго намъ чудовища; къ тому же вся фizioномія, опухшая и разлагающаяся, съ искаженными зубами, съ зіяющей на вискѣ раной и порванной на лбу кожей, откуда былъ виденъ черепъ, — все это давало трупъ ужасный видъ; онъ не походилъ на человѣка, онъ казался какимъ-то страннымъ чудовищемъ, могущимъ явиться только во снѣ или въ галлюцинаціи.

Мы отошли отъ трупа, и у насъ обоихъ осталось въ мозгу впечатлѣніе дикаго безобразія, которое неотступно стояло въ воображеніи.

— Какъ смерть коверкаетъ людей! Какъ страшенъ этотъ несчастный трупъ! Такое безобразіе можетъ выдумать только одна смерть, сказалъ задумчиво Славинъ, на котораго видъ японца, какъ я замѣтилъ, произвелъ еще большее впечатлѣніе, чѣмъ на меня,—это впечатлѣніе я замѣтилъ въ немъ по его нервному подергиванію плечами, какъ будто бы ему за рубашку засунули лягушку или змѣю.

Долго еще онъ вспоминалъ въ разговорахъ со мной чудовищныя руки и лицо японца!...

Между тѣмъ Портъ-Артуръ былъ уже отрѣзанъ, и японскія войска распространились уже до этой немало знаменитой крѣпости.

Уже кончался май. Въ Вафангоу мы прожили уже около двухъ недѣль, но послѣдніе дни стало замѣтно, что японцы начали все чаще и чаще

безпокоить насъ своими развѣдками, а это давало намъ право думать, что скоро произойдетъ новое столкновеніе, повидимому, опять таки у Вафангоу. Однако въ такомъ положеніи ожиданья мы находились до 30-го мая.

30-го мая мы заняли свои окопы. Нашъ полкъ расположился на лѣвомъ флангѣ; еще лѣвѣе насъ была расположена часть 2-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка, правѣе—4-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый полкъ и казачья горная артиллерія—6 орудій. Дальше, на правомъ флангѣ вся 9-я Восточно-Сибирская стрѣлковая дивизія. На плоскогорьи, въ самомъ центрѣ, стояла 4-я батарея 1-ой Восточно-Сибирской артиллерійской бригады. Расположеніе праваго фланга я не могу ясно опредѣлить, такъ какъ не былъ тамъ.

Кромѣ упомянутыхъ частей, въ бою подъ Вафангоу участвовала часть 35-й пѣхотной дивизіи, которая находилась на лѣвомъ флангѣ.

Такое расположеніе было въ началѣ боя, но къ концу его прибыло еще около двухъ полковъ, названіе которыхъ я въ тотъ моментъ не успѣлъ даже узнать, а потомъ такъ и забылъ это сдѣлать. Знаю только, что немаловажную услугу оказали намъ Т...скій полкъ, который прямо съ платформъ попалъ въ бой и, какъ неистомленный и свѣжій, нанесъ большой ущербъ японцамъ, выручивши насъ.

1-й и 2-й Восточно-Сибирскіе стрѣлковые полки были въ авангардѣ—версть за 12 отъ главныхъ позицій къ югу; они находились тамъ уже около недѣли и, какъ намъ было извѣстно, построили окопы, которые уже заранѣе рѣшено было

бросить, чтобы отступить на главные позиціи, гдѣ окопы для этихъ полковъ были также готовы.

Мы положительно томились въ напряженномъ ожиданіи боя.

Наконецъ, настало 31 число, съ утра сравнительно мирное и спокойное; но изъ авангарда намъ было уже сообщено, что 31 числа японцы обязательно начнутъ бой, о чемъ авангарду было доподлинно извѣстно. И дѣйствительно, къ вечеру этого дня затрещали первые выстрѣлы Вафангоускаго боя. Нашъ авангардъ завязалъ дѣло. Мы издалека слушали, какъ звѣнѣли залпы и рвались шрапнели; каждый выстрѣлъ, каждый взрывъ отдавался у насъ въ сердцахъ...

Не буду говорить за всѣхъ, но я лично, если бы мнѣ разрѣшили, побѣждалъ бы, кажется, бѣгомъ къ мѣсту боя, что бы вступить въ ряды авангарда,—до того я волновался... Меня тянула къ этому страшному мѣсту какая-то необъяснимая сила, и я томился нетерпѣніемъ...

— Часамъ къ 7 вечера привезли первыхъ убитыхъ, которые оказались совершенно обезображенными,—они попали въ руки японцевъ, были ими убиты или вѣрнѣе замучены. Тѣла убитыхъ были варварски искромсаны японскими штыками, глаза выколоты и ротъ разрѣзанъ чуть ли не до ушей. Было приказано вырыть братскую могилу, въ которой и похоронили несчастныхъ мучениковъ съ воинскими почестями.

Вслѣдъ за убитыми на главные наши позиціи стали приносить раненыхъ; нѣкоторые, впрочемъ, приходили самостоятельно. Раненыхъ было

много. Мы съ любопытствомъ разспрашивали ихъ (тѣхъ, понятно, которые были ранены легко и могли разговаривать) о положеніи дѣла; о томъ, при какихъ условіяхъ они были ранены; много ли японцевъ и т. п... И не смотря на то, что вопросы сыпались со всѣхъ сторонъ, оглушая раненыхъ, каждый считалъ своимъ долгомъ спросить лично, хотя только что слышалъ отвѣтъ на этотъ вопросъ въ разговорѣ съ другими. Раненные съ мужествомъ и терпѣніемъ отвѣчали сотни разъ на одни и тѣ же вопросы.

Почевали мы эту ночь въ своихъ окопахъ, за которыми стояли ротныя походныя кухни, — въ нихъ варилась пища. Утромъ, чуть свѣтъ, роты были уже на ногахъ. Роздали пищу. Этотъ ранній обѣдъ устроили для того, чтобы поддерѣпить солдатъ передъ боемъ, т. к. никто еще не зналъ, да и не могъ знать, какъ начнется день и удастся ли пообѣдать въ продолженіе его.

Первый пушечный выстрѣлъ былъ нами услышанъ тотчасъ же, какъ только начало свѣтать, и съ этого момента выстрѣлы уже не прекращались ни на минуту. Часы проходили за часами, но стрѣльба была безостановочная. Издали звуки оружейнаго огня напоминали грохотъ колесъ безконечнаго обоза, ѣдущаго по булыжной мостовой. Сходство было поразительное, — выстрѣлы были сухіе и отрывистые, какъ стукъ. Это сходство съ грохотомъ колесъ было подмѣчено не однимъ мной, но большинствомъ. Съ самаго ранняго утра 1-ое іюня (1904 года) обѣщало быть жаркимъ въ буквальный смыслъ слова, т. к. жара началась чуть ли не съ самой зари, и жаркимъ—въ смы-

слѣ жаркаго боя, такъ какъ съ самой же зари гремѣло несчетное количество выстрѣловъ, а раненыхъ съ каждымъ часомъ прибывало на перевязочный пунктъ все больше и больше. Сначала стали прибывать поодионочѣ, потомъ ужъ по нѣсколько вмѣстѣ, а часамъ къ двѣнадцати дня шли цѣлыми партіями. По дорогѣ непрерывно тянулись носилки съ жертвами боя. Со словъ раненыхъ мы узнавали о неутѣшительныхъ для себя фактахъ, что японцевъ «видимо не видимо», что «нѣтъ возможности держаться въ окопахъ» и «что скоро придется отступить»!..

Съ утра движеніе раненыхъ совершалось довольно таки спокойно: санитары несли свои носилки равномерно—не торопясь, лошади съ фурами краснаго креста шли шагомъ, да и сами раненые плелись по пыльной дорогѣ довольно медленно и даже отдыхая. Но съ каждымъ часомъ движеніе это пріобрѣтало какой-то лихорадочный характеръ и торопливость. Часамъ къ 12 выстрѣлы стали слышаться гораздо ближе и явственнѣе, и по пыльной дорогѣ теперь было замѣтно уже послѣшное отступленіе раненыхъ. Санитары теперь шли полнымъ ходомъ, доходящимъ чуть ли не до бѣга. Они были мокры съ ногъ до головы, и потъ лилъ съ ихъ разгоряченныхъ лицъ ручьями. Раненые, хромя и задыхаясь отъ жары, шли настолько быстро, насколько имъ позволяла рана, во всякомъ случаѣ, объ отдыхѣ теперь не было и мечты. Санитарныя двуколки летѣли полной рысью, поднимая столбы пыли и засыпая ею мокрыя отъ пота лица солдатъ. Смѣсь пыли и пота текла у нихъ по лицамъ и оставля-

ла грязныя слѣды, которые размазывались руками по всей фizioноміи.

Первоначально большинство раненыхъ приходило на перевязочный пунктъ въ амуниціи, но съ каждымъ часомъ амуниція на раненыхъ убывала и убывала, потому ужъ ее совсѣмъ не было видно на нихъ,—ее разбрасывали по дорогѣ, какъ непосильную ношу, сохраняя только винтовки, хотя нашелся не одинъ десятокъ раненыхъ безъ амуниціи, безъ винтовокъ и даже безъ сапогъ,—многіе побросали сапоги, такъ какъ при быстромъ отступленіи стерли себѣ ноги. Я невольно вспомнилъ свое предсказаніе, (о томъ, что во время боя будетъ разбросана вся аммуниція), которое я сдѣлалъ мысленно еще въ Никольскѣ, стоя на предпоходномъ молебнѣ.

Вслѣдъ за ранеными мы увидѣли, наконецъ, въ отдаленіи цѣпи отступающаго и отстрѣливающагося нашего авангарда. Солдаты останавливались, цѣпились въ японцевъ, стрѣляли и снова шли. Отступление было довольно быстрое, т. е. превосходныя силы японцевъ преслѣдовали нашъ авангардъ по пятамъ.

Изъ строя выбыло уже много; на нашихъ глазахъ цѣпи рѣдѣли баснословно быстро, оставляя по дорогѣ убитыхъ. Стрѣльба обратилась въ общій оглушающій гулъ. Шрапнели стали падать и рваться около нашихъ окоповъ.

1-й и 2-й полки были выбиты больше, чѣмъ на половину, и изъ двухъ полковъ по боевому составу не осталось и одного.

Офицерскій составъ пострадалъ очень сильно. Во многихъ ротахъ командовали нижніе чины.

Въ довершеніе всего, сразу одной пулей былъ убитъ начальникъ авангарда, командиръ 1-го Его Величества Восточно - Сибирскаго стрѣлковаго полка полковникъ Хвостуновъ и его адъютантъ. Въ теченіе всего боя они были все время на виду у непріятеля и неразлучно, неразлучными они перенеслись и въ другой міръ, гдѣ нѣтъ ни горя ни страданія.

Часамъ къ 2-мъ авангардъ соединился съ главными силами и размѣстился въ окопахъ недалеко отъ насъ.

Японцы заняли сосѣдній хребетъ горъ и, установивши за нимъ нѣсколько батарей, открыли по нашимъ окопамъ ожесточенную пушечную пальбу; въ это же время пѣхота ихъ перешла въ наступленіе. Японцы бѣшено наступали на насъ; они шли смѣло и увѣренно; хотя мы встрѣтили ихъ мѣткими и дружными залпами, хотя ряды ихъ рѣдѣли съ каждымъ нашимъ удачнымъ выстрѣломъ, но они тотчасъ же пополняли свои потери и шли впередъ безостановочно и настойчиво, какъ потокъ, не признающій никакихъ преградъ...

Мы тоже не зѣвали, обдавая ихъ массою свинца... Передъ нашими глазами открывалась страшная панорама человѣческихъ страданій и смертей. Трупы японцевъ сплошь устилали землю. Длинные цѣпи ихъ почти поголовно обращались въ мертвецовъ. И, не смотря на это, дойти до нашихъ окоповъ имъ такъ и не удалось.

А японская артиллерія громила въ это время наши позиціи, превративши ихъ въ чистѣйшій адъ: шрапнели въ перемѣшку съ шимозами рва-

лись непрерывно, какъ будто бы ихъ рождалъ самъ воздухъ... Разобраться, какому визгу выстрѣла принадлежалъ разорвавшійся снарядъ, было невозможно,—такъ много было звуковъ взрывовъ, визга, свиста и воя, что все слилось въ общій громоподобный непрерывный раскатъ. А бѣлые облачка дыма расплылись въ воздухѣ и плавали надъ нашими окопами бѣлой пеленой, напоминающій туманъ.

Вонь, видимъ на плоскогорьи бѣжить солдатъ-артиллеристъ. Должно быть въ резервъ, чтобы сообщить, что не хватаетъ снарядовъ. Пули и осколки снарядовъ преслѣдуютъ его. Мы всё какъ бы живемъ жизнью этого артиллериста и желаемъ всѣми силами своей души, что бы онъ благополучно добѣжалъ до оврага, въ которомъ укрыть резервъ. Ему остается уже очень немного, всего какихъ-нибудь шаговъ пять шесть, какъ вдругъ онъ совершенно неожиданно падаетъ...

— Ахъ! сердечный!—задушевно и горестно вырывается вздохъ одного изъ нашихъ солдатъ. Но упавшій быстро вскакиваетъ и скрывается въ оврагѣ, изъ котораго минуты черезъ полторы стремительно летитъ пара лошадей, впряженныхъ въ патронную двуколку, по направленію къ позиціи артиллеріи. Лошади карьеромъ несутся по кособогу, но вдругъ бѣшенно бросаются въ сторону, поднимаясь на дыбы: онѣ испуганы и оглушены снарядомъ, который разрывается около самыхъ ихъ мордъ. Двуколка опрокидывается, и оттуда вылетаютъ ящички со снарядами; одна оглобля ломается по-поламъ, а лошади мчатъ уже пустую двуколку, которая переворачивается то на бокъ,

то вверх колесами и оставляетъ широкую борозду на землѣ. Наконецъ одной изъ этихъ лошадей удастся освободиться изъ упряжи; она лягаясь и вздымаясь на дыбы бросается въ сторону японцевъ, а другая валится на землю...

На минуту разсѣянное этой картиной наше вниманіе опять сосредоточивается на японской пѣхотѣ, которая снова атакуетъ запальчиво наши окопы, и снова ихъ длинная цѣпь ложится вся поголовно.

Такъ дрались мы цѣлый день и даже въ сумерки. Наконецъ, тяжелая ночь раскинула свой темный покровъ надъ грѣшною мертвою землею, она прекратила отчаянную жестокую и безпощадную борьбу, она своей таинственною мглою укрыло мертвое поле съ его страданіями и стонами.

Но когда я вглядывался въ темноту, въ эту южную безпросвѣтную темноту, мнѣ невольно мерещились трупы таинственные и безмолвные, а въ воздухѣ, казалось, еще до сихъ поръ висѣли звукъ стрѣльбы, проклятій и стоновъ. Сразу два совершенно различныхъ чувства волновали измученную душу: одно—было пониманіемъ ничтожества человѣка передъ безжалостной смертію, другое—чувство радости,—мы были побѣдителями.

Такъ кончилось 1-е іюня. Нѣмая темная ночь была скоротечна. Усталые и измученные впечатлѣніями дня, мы улеглись кто какъ успѣлъ; на мою долю пришлась мягкая постель, ибо я лежалъ на серединѣ дороги въ рыхлой пушистой пыли, которая до половины скрывала меня; но заснуть было трудно: миллионы тѣней, окутан-

ныхъ туманной прозрачной дымкой проплывали передъ моими закрытыми глазами, сонъ былъ безпокоенъ и тяжелъ, какъ камень. Мнѣ снилась моя семья,—она тѣснымъ кольцомъ окружала меня; вдругъ, среди насъ, подскакивая и крутясь, точно живая, плясала и визжала шрапнель; она подпрыгнула и разорвалась въ воздухѣ; ея осколки и черный густой дымъ отбросили отъ меня дорогія мнѣ лица, а взявъ ихъ ко мнѣ со всѣхъ сторонъ поползли изуродованныя злобой и ненавистью безобразныя лица японцевъ, во главѣ съ ужаснымъ шестипалымъ чудовищемъ, одѣтымъ въ черный мундиръ, обшитый шнурами. Его костяные крючковатые шесть пальцевъ хватали меня за горло, а оскаленные зубы скрежетали и хотѣли укусить. Я вздрогнулъ и быстро сѣлъ на свое ложе. Было темно и тихо; тишина нарушалась лишь слабымъ разнохарактернымъ дыханіемъ спящихъ солдатъ, а кругомъ была таинственная темнота, какъ казалось, переполненная призраками и душами убитыхъ.

До меня донесся тяжелый вздохъ; я обернулся,—не далеко отъ меня, облокотясь спиной на колесо пагронной двуколки, сидѣлъ стрѣлокъ Кофтуновъ.

— Ты что не спишь?—спросилъ я его.

— Не могу, господинъ взводный, грустно промолвилъ онъ.—Скушно мнѣ, эхъ какъ скушно!

— О чемъ же это ты соскучился? да и нашелъ время скучать,—засмѣялся я и тотчасъ же замѣтилъ, что смѣхъ мой былъ совсѣмъ неестественный и странный настолько, что я удивился самъ ему и сразу оборвалъ его.

— Попомните мое слово, господинъ взводный, убьютъ меня завтра; вотъ вамъ крестъ—убьютъ, вѣшунъ—сердце не дастъ покоя!..

— Эко, братъ, что выдумаль!—принялъ участіе въ разговорѣ проснувшійся унтеръ-офицеръ Вишняковъ. За что они убивать то тебя будутъ? вѣдь ты, кажись, имъ ничего хорошаго не сдѣлалъ. Полно, братъ, объ всякой глупости думать, ложись-ка спать, а завтра по Георгію заработаемъ, кончилъ онъ!..

Но перспектива получить Георгія не вѣрилась Кофтунову, и онъ продолжалъ грустно сидѣть на своемъ мѣстѣ. Его печальный и увѣренный тонъ непріятно подѣйствовалъ на меня.

Вѣдь существуетъ же у людей предчувствіе, невольно подумалось мнѣ, и я представилъ его въ своемъ воображеніи мертвецомъ.

— Послушайте-ка, господинъ взводный, какъ эти подлецы роютъ себѣ норы, указывая рукой во мглу, проговорилъ Вишняковъ. Дѣйствительно, со стороны японцевъ слышались звуки лопать и заступовъ, ломающихъ камни. Японцы окапывались цѣлую ночь...

Я легъ снова, но сонъ бѣжалъ отъ моихъ глазъ. Я вертѣлся на своемъ пыльномъ ложѣ, но не могъ уже заснуть за эту ночь.

Звѣзды мало-по-малу блѣднѣли и блѣднѣли и скоро исчезли совершенно въ небесахъ. Веселая румяная заря, играя пурпуровымъ блескомъ, стала загораться на востокѣ, отгоняя призраки ночи.

Нашъ бивакъ ожилъ. Кругомъ все засуетилось, и мы снова приготовились къ жаркому бою.

Мимо насъ грохоча колесами проѣхала артиллерія.

Корпусный командиръ, генераль баронъ Штапельбергъ, приказаль перейти въ наступленіе, и мы двинулись къ мѣсту боя. Въ одномъ изъ природныхъ укрытій мы сняли съ себя всю аммуницію, оставивъ при себѣ только патроны и винтовки; а къ снятой аммуниціи былъ поставленъ часовой. Было приказано намъ оставить на себѣ и скатанныя шинели, чтобы, въ случаѣ надобности, переносить на нихъ раненыхъ. Нужно сказать, что изъ шинели и двухъ винтовокъ, при нѣкоторомъ умѣньи, всегда можно устроить вполне удобныя носилки; существуетъ для этого особый способъ складывать шинель; этому способу насъ научили еще раньше.

— Съ Богомъ и съ побѣдой, ребята!—привѣтствовалъ насъ начальникъ дивизіи, генераль Гернгросъ. Онъ былъ оживленъ и веселъ, не смотря на рану, которую получилъ вчера. Весь нашъ первый батальонъ расположился въ оврагѣ у подошвы горы, на которой были наши окопы.

Съ противоположной стороны — на сопкахъ намъ ясно виднѣлся рядъ японскихъ окоповъ; я взялъ бинокль и сталъ разглядывать ихъ. Бинокль настолько близко притягивалъ ихъ ко мнѣ, что невольно становилось жутко!.. Всѣ окопы были полны японцами, ихъ черныя головы, одѣтыя въ уродливыя фуражки съ желтыми околышами и съ мѣдной звѣздой на мѣстѣ кокарды то высывались изъ окоповъ, то снова прятались въ нихъ, какъ бы дразня насъ своимъ присут-

ствиемъ. Изъ окоповъ же смотрѣли на насъ мрачныя дула пушекъ.

Вдругъ столбъ огня вылетѣлъ изъ одного орудія, появилось большое, бѣлое облако дыма; громогласный раскатистый звукъ покотился по небу; надъ нашими головами появилось второе облачко, послышался сильный взрывъ и осколки шрапнели полетѣли въ насъ.

Какъ бы въ отвѣтъ, кто-то вскрикнулъ и сильно застоналъ,—на землѣ въ крови лежалъ стрѣлокъ нашей роты Орапай. Онъ былъ первый убитый изъ нашего полка, но останавливать на немъ свое вниманіе намъ было некогда: по небу катились новые выстрѣлы, слышались новые взрывы, новые крики и стоны.

Поднялся непрерывный визгъ пуль и зловѣщій вой шрапнелей,—онѣ сыпались какъ горохъ изъ прорваннаго мѣшка.

Мы также бѣшено и щедро сыпали въ японцевъ своими пулями. Нашему батальону нужно было сдѣлать рядъ перебѣжекъ на разстояніи одной версты... и, Боже,... сколько смертей и страданій видѣла эта верста!... Изъ одной нашей роты, при первой же перебѣжкѣ, выбыло 16 человекъ, не говорю уже про прочія роты, гдѣ также не обошлось безъ потерь; а первая перебѣжка была всего на разстояніе какихъ-нибудь 15 шаговъ. Продолжать перебѣжку всею цѣпью было никакъ невозможно, почему стали перебѣгать поодиночкѣ. Не успѣвали мы показаться изъ-за укрытія, какъ тотчасъ же кто-нибудь падалъ, обливаясь кровью, устилая своими тѣлами открытую поляну.

Впрочемъ, описать весь этотъ адъ я не въ силахъ. Скажу только, что это было что-то дикое, чудовищное, сверхестественное. Воображеніе человѣка, обладающаго богатой фантазіей, не можетъ родить такой картины. Кругомъ кроважидная, хищная и безпощадная смерть. Раненные ползаютъ въ лужахъ своей собственной крови, которая смѣшиваясь съ землею превращается въ липкую красную грязь, а они, несчастные, довольны уже тѣмъ, если имъ удастся заползти на самое дно укрытія, чтобы тамъ ожидать перевязки. Но и здѣсь имъ нѣтъ спасенья, такъ какъ и сюда залетала прапнелъ, которая разрывалась, неся съ собою смерть.

Глядѣть на эти картины было больно и невыносимо; нѣмое отчаяніе давило измученную душу, — люди изъ дивнаго творенія Бога устроили искусственный адъ; они убивали другихъ, страдали сами и умирали. Лица солдатъ, въ обычное время спокойныя и невзрачныя, пріобрѣтали теперь какую-то рѣзкую черту злобы и беззавѣтной отваги, которая свѣтилась въ ихъ грозныхъ очахъ; запыленные, израненные, окровавленные, они были картинны и величественны!..

— Ваше Высокоблагородіе! — подбѣгаетъ къ командиру 4 роты доброволецъ Неронскій. — Ваше Высокоблагородіе, я не могу больше... не могу... Развѣ имѣютъ право люди убивать людей...

— Успокойтесь! прервалъ его командиръ роты. Что съ Вами?

— Ваше Высокоблагородіе!... За что? за что они бьютъ другъ друга? — взволновано и нервно говорилъ онъ, держа правую кисть руки у око-

лыша своей безкозырки. Рука его тряслась, а молодое безусое лицо выражало страданія, губы дрожали...

— За что? За что такъ много смертей!... Ваше Высочество, прикажите прекратить бой... Я не могу больше... мнѣ страшно!.. страшно!.. убейте меня лучше одного, но спасите людей. Прекратите бой. Я страдаю. Вѣдь это безцѣльно! Поймите, вѣдь мы не люди, мы звѣрями стали! Самъ Богъ проклянетъ насъ за это звѣрство. Убейте меня! убейте... въ изступленіи кричалъ онъ.—У меня сердце разрывается!

Онъ упалъ на колѣни и заплакалъ навзрыдъ; плакалъ, какъ ребенокъ, безсильно и безутѣшно, при этомъ быстро крестясь и кланаясь въ землю. Послѣ одного изъ такихъ поклоновъ онъ больше ужъ не поднялся,—онъ былъ мертвъ...

Къ намъ въ батальонъ пріѣхалъ охотникъ съ какимъ-то донесеніемъ; онъ заѣхалъ прямо въ оврагъ, гдѣ лежала наша рота; но такъ какъ оврагъ былъ сравнительно мелокъ, то онъ и не могъ служить укрытіемъ для верхового.

— Чертъ! куда ты съ лошадыю прешь? кричалъ одинъ изъ раненыхъ, который принужденъ былъ отползти въ сторону, чтобы не быть ушибленнымъ лошадыю.

— Дьяволъ! не видишь что ли, что на людей ѣдешь, слышался новый окрикъ.

Но охотникъ не обращалъ вниманія и ѣхалъ впередъ по оврагу. Онъ былъ блѣденъ, какъ полотно; въ глазахъ можно было видѣть страданіе,—они были широко раскрыты, какъ бы испуганы; на груди на фонѣ бѣлой рубашки виднѣ-

лось небольшое пятнышко. изъ котораго катилась по бѣлой рубашкѣ струйка красной влаги...

Вдругъ онъ быстро нагнулся къ сѣдлу, судорожно хватаясь одной рукой за гриву коня, другой за переднюю луку сѣдла; нѣсколько мгновений, и онъ лежалъ на холкѣ коня неподвижно, очевидно, собирая послѣднія силы, что бы удержаться; еще мгновение—и его руки опустились; и онъ упалъ на землю головою внизъ. Фуражка его слетѣла еще прежде, и изъ нея вывалился сѣрый конвертикъ съ тремя крестами, обозначающими, что донесеніе, заключенное въ этомъ конвертѣ, должно быть доставлено, какъ можно скорѣй; никто и не обратилъ вниманія на этотъ конвертъ,—каждый былъ занятъ собой, а донесеніе это, кажется, осталось никѣмъ не прочитаннымъ.

А въ это время пули жужжали въ воздухѣ, какъ шмели. Одна изъ нихъ съ визговъ ударилась о камень, скользнула по нему, сдѣлала рикошетъ, завизжала еще громче и пронзительнѣе и ожесточенно впиалась въ бокъ лошади. Лошадь рванулась въ сторону, взвилась на дыбы, стоптала нѣсколько человѣкъ, съ размаху опустила свои переднія копыта на спину одного изъ лежащихъ недалеко солдатъ; еще разъ взвилась на дыбы и еще разъ угораздила того же несчастливца, который такъ неожиданно и такъ глупо долженъ былъ тутъ же кончить свое брренное существованіе. Одинъ изъ солдатъ, не успѣвшій перевязать себѣ лѣвой раненой нѣги, бросилъ бинтъ на землю, вскочилъ на ноги. Въ этотъ моментъ раненое животное шарахнулось въ его сто-

рону. Солдатъ всади́лъ по самую трубку весь штыкъ своей винтовки въ грудь лошади, которая еще разъ взвилась на дыбы; солдатъ выпустилъ изъ рукъ винтовку и, потерявъ равновѣсіе, упалъ на землю, какъ-то неестественно вытянувъ свою раненую ногу. Въ это время лошадь со всего размаху упала на злосчастнаго солдата и придавила его всей своей тяжестью. Солдатъ дико и рѣзко закричалъ, глаза его мгновенно налились кровью, губы искривились въ страшную гримасу боли и злости, и онъ сталъ неистово бить свободной рукой трупъ животного по головѣ; потомъ онъ съ бѣшеной злостью вцѣпился зубами въ нѣжно розовую морду лошади; еще моментъ, и онъ выплюнулъ изъ рта кусокъ окровавленнаго мяса, откушеннаго отъ губы мертваго животного. А лошадь лежала безъ движеній на раненомъ и, какъ будто желая укусить своего противника, оскалила зубы. Наконецъ, сдѣлавъ необычайное усиліе, раненый высвободился изъ-подъ лошади, ударилъ кулакомъ съ ненавистью ея трупъ по головѣ еще разъ и отползъ въ сторону; на губахъ его около угловъ рта была размазана лошадиная кровь,—онъ былъ и жалокъ и отвратителенъ, и напоминалъ собой какого-то злого раненаго хищника, который только что одержалъ побѣду за существованіе...

Въ нашемъ оврагѣ рядомъ съ нами вертѣлись наши ротныя собаки; многія изъ нихъ относились къ окружающему совершенно спокойно, не понимая, что происходитъ у нихъ на глазахъ, другія же были даже въ игривомъ настроеніи; онѣ выскакивали изъ укрытія и во всю свою собачью

прыть летали по полю смерти, перепрыгивая через раненых и убитых, стараясь поймать какое-то невѣдомое для нихъ насѣкомое, которое летало вокругъ съ яростнымъ визгомъ и поднимало при паденіи на землю столбы пыли; онѣ никакъ не предполагали, что гоняются за своей смертью. Бѣгая по полю съ быстротой стрѣлы, нѣкоторые изъ нихъ вдругъ взвизгивали, падали и, обливаясь кровью, въ предсмертныхъ судорогахъ корчились и сдыхали; нѣкоторыя же, получивъ раненіе, сразу опалѣвали и оглашали воздухъ заунывнымъ отчаяннымъ воемъ.

Накаленный солнцемъ и стрѣльбой воздухъ, казалось, дышалъ огнемъ, — онъ былъ горячъ и удушливъ. Пахло отвратительной смѣсью запаха крови и дыма...

Война рождаетъ героевъ! Какъ много видѣлъ я ихъ 2-го іюня, въ этотъ роковой день нашего неудачнаго наступленія. Какъ сейчасъ передо мной стоятъ двѣ гордыя смѣлыя фигуры: одна изъ нихъ принадлежитъ Капитану Раздеришину, другая Шт.-Кап. Шорохову. Они не признаютъ укрытія и, презирая смерть и опасность, ходятъ подъ убійственнымъ градомъ пуль; они успокаиваютъ и утѣшаютъ раненыхъ и своимъ примѣромъ поднимаютъ духъ своихъ солдатъ; но какъ они оба были наказаны! Пуля впирается въ лѣвую руку Раздеришина немного ниже локтя; я подбѣжалъ къ нему и хотѣлъ было перевязать, но онъ оставался стоять на своемъ мѣстѣ спокойно, продолжая отдавать распоряженія; его спокойствіе меня удивило; я подумалъ первоначально, что пуля прострѣлила только его рукавъ

и не трогала руки; я взглянулъ ему въ лицо,— оно поблѣднѣло мгновенно и, какъ мнѣ показалось, его глаза блестящіе и лихорадочные ушли куда-то далеко въ глубь орбитъ. Онъ взмахнулъ рукой, какъ бы желая отряхнуть кровь, которая черной струей катилась теперь по кисти руки... И когда я сталъ все-таки его перевязывать, на его блѣдномъ лицѣ играла странная улыбка...

— Штабсъ-Капитанъ Шороховъ!—звучить его спокойный голосъ—примите роту.

— Ваше Высокоблагородіе, позвольте вамъ доложить, проговорилъ раненый унтеръ - офицеръ Вишняковъ: Ихъ Благородіе или убиты или смертельно ранены. Вонъ они тамъ лежатъ—указалъ онъ.—Я видѣлъ, какъ они....—но онъ не кончилъ фразы: сразу нѣсколько пуль свалили его могучую фигуру.

Лицо Раздеришина какъ-то вдругъ осунулось, а лихорадочный блескъ глазъ то потухалъ, то снова вспыхивалъ.

— У меня голова кружится, проговорилъ онъ; я обхватилъ его рукой за талию, онъ былъ нѣсколько мгновений въ забытіи, облокотясь всѣмъ туловищемъ на меня и положивъ свою голову мнѣ на плечо; но это было лишь нѣсколько мгновений, скоро онъ опять вернулъ къ себѣ утраченные силы...

— Это ничего, это пройдетъ, говорилъ онъ, какъ будто бы стыдясь своей слабости; это потому, что я ни сегодня ни вчера ничего не ѣлъ.

— Ваше Высокоблагородіе, позвольте вамъ предложить сухарей, сказалъ я отвязывая отъ

своего пояса сухарный мѣшокъ (единственный грузъ изъ всей ноши, оставшейся на мнѣ.

— Большое спасибо, поблагодарилъ онъ и сталъ довольно аппетитно хрустѣть сухарями.

— Братцы, нужно вытащить Шт.-Капитана Шорохова, распорядился онъ.

Рота въ это время вся поголовно лежала въ оврагѣ, а черезъ головы солдатъ, заунывно низжа и ударяясь о камни, шлепались пули. Унтеръ-офицеръ Усовъ выскочилъ изъ укрытія; онъ хотѣлъ помочь Шорохову, но не успѣлъ сдѣлать и двухъ шаговъ, какъ неестественно взмахнувъ руками, беззвучно упалъ на спину, какъ падаютъ актеры въ обморокъ, выполняя трагическія мѣста своихъ ролей. За нимъ бросилось еще два стрѣлка, и оба легли мертвыми около Шорохова. Я и Раздеришинъ бросились также къ Шорохову; онъ лежалъ на пригоркѣ, шагахъ въ 15 отъ укрытія, лицомъ внизъ; онъ былъ безъ сознанія, — пуля попала ему въ лѣвое плечо, прострѣлила руку, прошла грудь и застряла гдѣ-то въ спинѣ. Я взвалилъ его къ себѣ на плечи и понесъ. Раздеришинъ, забывая собственную боль, всѣми силами старался помочь мнѣ. Я едва справлялся со своей ношей, Шороховъ казался мнѣ необычайно тяжелымъ; онъ висѣлъ на мнѣ, безжизненно закинувъ голову, ноги же и руки болтались, какъ плети; наконецъ, мы въ укрытіи. Я положилъ его на землю и приступилъ къ перевязкѣ; онъ на моментъ пришелъ въ себя и что-то началъ тихо лепетать. Послѣ перевязки его положили на носилки и понесли. Мы видѣли потомъ, какъ одинъ изъ санитаровъ уронилъ носилки,

при чемъ Шороховъ выкатился изъ нихъ. Санитаръ былъ убитъ. Дальше мы уже не видѣли его, т. к. началась перебѣжка къ лѣвому нашему флангу, что бы занять одну изъ сопоекъ.

Раздеришинъ отправился на перевязочный пунктъ безъ посторонней помощи, присоединившись къ ряду носилокъ съ ранеными; ихъ было много, такъ много, что, когда я вспоминаю эту картину, морозъ леденить душу и волосы становятся на головѣ; длинной вереницей они проплываютъ въ моемъ воображеніи съ блѣдными, искаженными страданіемъ лицами, съ потухающими глазами, со стонами и проклятіями на запекшихся устахъ; многіе шли сами, многихъ совершенно безпомощныхъ проносили на носилкахъ или прямо на плечахъ. Многіе ползли, оставляя кровавый слѣдъ на сухой пыльной землѣ; они барахтались въ лужахъ своей собственной крови, которая, смѣшиваясь съ землею, образовывала красную липкую грязь, облѣпляла ихъ полунагія измученныя тѣла. Многіе раненые, ожидая перевязки, лежали на днѣ укрытія; но и здѣсь имъ не было спасенія,—прилетала шрапнель, разрывалась и приносила смерть.

Фельдшеръ 4 роты Ананьевъ, съ перебитой ногой, ползалъ отъ одного раненаго къ другому, и самоотверженно перевязывалъ страдающихъ товарищей, между тѣмъ какъ его собственная кровь, сочилась изъ обнаженной раны; но онъ не думалъ о своей ранѣ,—кровь дорогихъ товарищей была дороже этому герою; онъ былъ больше, чѣмъ герой,—онъ былъ христіанинъ, одинъ

изъ тѣхъ христіанъ, которыхъ намъ такъ трогательно рисуетъ исторія нашей церкви.

Но вотъ еще одна картина, — мы наблюдали ее издалека. На яркомъ солнцѣ, съ быстротою молніи, сверкаетъ окровавленная шапка Шт.-Капитана Лузина; его могучая сильная рука нѣсколько разъ поднимается и опускается; онъ окруженъ тѣснымъ кольцомъ японцевъ, которые неистово хотятъ его уничтожить, но сами валятся предъ нимъ, какъ бы преклоняясь передъ его чудовищной храбростью; его глаза сверкаютъ, лице искажено ненавистью и злобой, губы запеклись; но онъ не одинъ, рядомъ съ нимъ въ этомъ адскомъ кругу, какъ вѣрные рабы, еще два героя—одинъ изъ нихъ фельдфебель его же роты Сухрукъ, другой—вольноопредѣляющійся Фокинъ; они дерутся, какъ разъяренные львы, — вокругъ нихъ навалены тѣла японцевъ.

Тяжело, обидно и больно... ихъ нѣтъ теперь! Лузинъ въ плѣну, а Фокинъ и фельдфебель спятъ непробуднымъ сномъ смерти.

— За мной! впередъ!... Слышится голосъ изъ первой роты; этотъ голосъ показался мнѣ очень знакомымъ, но еще никогда я не слышалъ его такимъ громкимъ и повелительнымъ. Это кричалъ мой пріятель Шуньковъ, который теперь принялъ роту на законномъ основаніи, такъ какъ въ батальонѣ, кромѣ баталіоннаго адъютанта, командира баталіона—капитана Павловскаго, командира 4 роты и полуротнаго нашей роты—Королева, офицеровъ больше не было.

Я не узналъ Шунькова,—онъ какъ будто бы сразу выросъ и возмужалъ, въ его громкомъ голосѣ слышалась непреклонная воля и власть.

Остатокъ 1-й роты бросился за своимъ новымъ командиромъ, солдаты падали, нѣкоторые изъ нихъ поднимались и снова бѣжали, занимая послѣднюю позицію около подошвы сопки, которую намъ нужно было занять.

Но что? что это? мы съ удивленіемъ смотримъ, что одинъ изъ стрѣлковъ первой роты бѣжитъ въ сторону японцевъ съ бѣлымъ платкомъ въ рукахъ.

— Стой! стой, подлецъ, яростно кричалъ Шуньковъ! Но солдатъ продолжалъ бѣжать, пули какъ будто бы нарочно не хотятъ задѣть его. Шуньковъ запыленный, потный, съ страшнымъ вырженіемъ лица выскакиваетъ изъ укрытія и съ обнаженной шашкой бросается за дезертиромъ. Оба бѣгутъ напрягая всѣ свои силы; наконецъ, разстояніе между ними сокращается, солдатъ съ платкомъ спатыкается и падаетъ на землю. Казенная тяжелая шашка Шунькова съ глухимъ ударомъ опускается на голову бѣглеца...

— Лежи, подлецъ! — громко кричитъ Шуньковъ и вновь возвращается къ своей ротѣ.

— Ребята! кто-нибудь сходи къ командиру полка съ донесеніемъ, говорилъ, сидя въ укрытіи и запечатывая въ конвертъ донесеніе, командиръ баталіона Павловскій.

Отвѣта никакого. Казалось, никто ни слышалъ его вызова: что бы отнести донесеніе, нужно было идти назадъ, пройти всѣ укрытія, въ которыхъ мы только что были и идти подъ убійственнымъ огнемъ непріятеля больше 2-хъ верстъ.

— Ребята, кто съ донесеніемъ желаетъ идти, кричалъ командиръ, стараясь заглушить своимъ голосомъ вой пуль.

— Я, Ваше Высокоблагородіе, сказалъ я и подошелъ къ командиру, который далъ мнѣ пакетъ съ донесеніемъ.

Я выбѣжалъ навстрѣчу солдатамъ, которые перебѣгали въ укрытіе, занятое 1-й ротой. Кровь и трупы устилали мой путь и валялись на протяжении почти всей моей дороги. Изнемогая отъ жары я остановился, что бы перевести дыханіе за громаднымъ камнемъ, за которымъ, сбившись въ кучу, въ разныхъ позахъ лежали убитые и раненые. Отъ выстрѣловъ воздухъ накалился настолько сильно, что, казалось, можно было задохнуться. Воздухъ былъ пропитанъ тлетворнымъ отвратительнымъ запахомъ крови и дыма. Огненный кроваво-красный шаръ солнца, окутанный чернымъ дымомъ, представлялъ изъ себя что-то зловѣщее,—онъ посылалъ намъ свои нестерпимо горячіе лучи, которые беспощадно жгли тѣло; казалось, они хотѣли изжарить свои жертвы. Такой жары я еще не помню: губы запекались и трескались, а жажда, мучительная жажда приносила невыносимыя страданья. Раненые метались, прося напиться, но воды не было, и многіе теряли сознание...

— Пить!... Воды... Подлецы, черти... хрипло и неистово кричить чей-то голосъ. Я всматриваюсь и узнаю Кофтунова; онъ стоитъ подъ выстрѣлами, видъ его ужасенъ, по изуродованному лицу текутъ ручьи черной крови, заливая ему глаза, которые свѣтятъ однимъ лишь безграничнымъ безуміемъ; цѣлый потокъ неистовой хриплой ругани оглашаетъ воздухъ, мѣшаясь со звуками свиста пуль и шрапнелей. Онъ сошелъ съ

ума,—вдругъ, обернувшись къ солнцу, онъ началъ съ ожесточеніемъ махать ему окровавленнымъ кулакомъ, посылая цѣлый градъ проклятій и ругани: «проклятый, глупый шаръ, чтобъ ты лопнулъ окаянный, проклятый, проклятый»... визжалъ и скрежеталъ зубами сумасшедшій. Солнце же спокойно и безпощадно жгло и ослѣпляло его ужасные безумные глаза.

Въ это время санитаръ 2-й роты Остапко неподалеку перевязывалъ раненаго въ голову; повязка изъ розовой марли окутываетъ голову кругомъ, напоминая собой безобразную маску, въ которой прорѣзаны отверстія для глазъ и рта; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кровь просачилась сквозь повязку. Вдругъ столбъ пыли и дыма совершенно закрылъ эту картину; потомъ послѣдовалъ страшный взрывъ; когда дымъ разсѣялся, груды изуродованныхъ тѣлъ представилась намъ,—безобразная, отвратительная куча мяса въ перемѣшку съ грязными тряпками. Перевязанная марлей голова лежала около моихъ ногъ; ея мертвые глаза страшно и съ выраженіемъ какого-то нѣмого укора смотрѣли на меня сквозь щели повязки; недалеко валялся разорванный пополамъ Кофтуновъ: теперь онъ лежалъ тихо и безмолвно, больше не просилъ пить и не ругался, онъ простилъ все, но безпощадное, жестокое солнце продолжало смотрѣть и ослѣплять его безумные мертвые глаза.

Я пошелъ дальше; на пути мнѣ попались на глаза носилки, около которыхъ лежали мертвые оба санитары, несшіе ихъ. Въ носилкахъ лежалъ тоже мертвый офицеръ. Судя по нижней, остав-

шейся цѣлой, части лица, офицеръ этотъ былъ очень молодъ; верхняя часть его головы была снесена шрапнелью; кровь, кости и мозги вывалились изъ разбитаго черепа и лежали тутъ же на носилкахъ, а жадныя жужжащія пули облѣпляли ихъ кругомъ. Одѣтъ этотъ офицеръ былъ въ чистенькій китель, который на солнцѣ сверкалъ ослѣпительной бѣлизной; на новенькихъ блестящихъ погонахъ его была прекрѣплена массивная дутая золотая буква «Н» и двѣ серебряныя звѣздочки (этотъ вензель — принадлежность 1-го полка). Черты лица офицера напоминали мнѣ что-то знакомое, не смотря на то, что лицо было обезображено. Неужели это М...нъ, подумалъ я. — «Да, это Ванька — басъ, да, это онъ» — нелѣпо, противъ моей воли лѣзла мнѣ въ голову кадетская кличка М...на. Я задумался, стоя передъ носилками и совершенно забывъ объ ужасной трескотнѣ пуль, о раненыхъ и убитыхъ товарищахъ, о жарѣ, страданіяхъ, объ японцахъ, — я стоялъ неподвижно въ настоящемъ аду, а мысли мои далеко — далеко уносили меня... Вотъ проплываетъ въ моихъ воспоминаніяхъ густой садъ Сибирскаго кадетскаго корпуса. Стоитъ жаркое, знойное лѣто. Это было давно давно, 11 лѣтъ тому назадъ. Передо мной дочка моего воспитателя Н. С...ва, ей лѣтъ 15 не больше; вижу ея беззаботную улыбку, ея коричневое гимназическое платьице, плотно стягивающее ея талію и грудь, которая уже начинаетъ принимать прелестныя очертанія женской красоты. Мнѣ тоже лѣтъ 15, но это не мѣшаетъ мнѣ быть увлеченнымъ Н. С...; я воображаю себя безумно влю-

бленнымъ рыцаремъ... И вдругъ... о, гадкое, скверное чувство... сердце бьется ужасной ревностью; она гуляетъ съ блестящимъ франтоватымъ корнетомъ гвардіи, пріѣхавшимъ за чѣмъ то изъ Петербурга въ Омскъ... О подлость, о жестокость... она не видитъ моихъ страданій и какъ будто бы на зло гуляетъ по нашему кадетскому саду, привѣтливо улыбаясь своему кавалеру.

Мсть... мсть... трагически шепчу я и начинаю выбирать въ своихъ мысляхъ самое ужасное и самое безпощадное; но всѣ казни, которыя выдумываетъ мое ребяческое воображеніе, ничтожны и мизерны, въ сравненіи съ страданіями, которыя волнуютъ меня.

Взволнованно и нервно я рассказываю о своихъ мукахъ своему пріятелю Ванькѣ — басу. Мы оба начинаемъ снова ломать головы надъ ужаснымъ изобрѣтеніемъ мести: умъ хорошо — два лучше. Мсть коварная и своеобразная изобрѣтена; я и Ванька — басъ въ восторгѣ...

Дѣйствіе 2-е. Длинная прямая аллея сада, усаженная только что распускающимися розовыми цвѣтами акаціи. Полдень, по аллеѣ гуляетъ Н. С...ва и блестящій гвардеецъ... Ванька — басъ и я спрятались въ густой листьѣ акаціи, вооруженные рогатками, на которыхъ натянута тугая резина; въ резину вставленъ зарядъ — крупная гусяная свинцовая дробина...

Гуляющая парочка ровняется съ нашимъ кустомъ; мы слушаемъ ихъ разговоръ, притаивъ дыханіе... Она весела и довольна, гвардеецъ сыплетъ французскими фразами и отчаянно звенитъ шпорами; его свѣтло-синіе рейтузы плотно охва-

тываютъ массивныя формы тѣла, а блестящій—кавалерійскій мундиръ настолько коротокъ, что какъ будто бы нарочно не закрываетъ круглыхъ мясистыхъ формъ его.

Разъ, два, три... шепчетъ Ванька—басъ, и двѣ дробины мгновенно впиваются въ округленные формы верхней части ноги кавалера.

Ахъ!!! взвизгиваетъ онъ, подскакиваетъ граціозно на воздухъ и хватается рукой за ушибленное мѣсто; шпоры звенятъ, эффектъ полнѣйшій! Н. С...ва заливается громкимъ смѣхомъ, ея серебряный голосокъ несется по саду; гвардеецъ уничтоженъ; а мы, закрывши головы руками, удираемъ во всѣ лопатки...

Господи! что за глупость лѣзетъ мнѣ въ голову!—ловлю я себя на этихъ странныхъ невяжущихся съ дѣйствительностью мысляхъ...

Впрочемъ, такъ и должно быть... такъ часто бываетъ... это называется ассоціаціей идей... Объ этомъ писалъ профессоръ Файнштейнъ... онъ публиковалъ свои объявленія въ Нивѣ...

Да, вотъ кстати, почему это я въ этомъ году не выписалъ Нивы?—лѣзетъ мнѣ въ голову новая нелѣпая мысль. Подлость, гадость... свинство... думать такую чушь въ такія ужасныя минуты... Бѣдный Ванька—басъ, ты кончилъ жизнь, ты умеръ, какъ герой, а я смотрю на тебя и вмѣсто ужаса и горя, которые должны бы были охватить меня, въ мою глупую башку лѣзетъ какая-то безобразная нелѣпность.

М....нѣ лежитъ неподвижно и молчаливо на своихъ носилкахъ и, какъ мнѣ кажется, углубился въ какую-то таинственную глубокую думу;

мухи ползають по его лицу и жадно впиваются своими микроскопическими хоботами въ капли его крови. Ослѣпительно бѣлый китель растегнуть, изъ часового кармана шароваръ виситъ массивная золотая цѣпь съ брелкомъ (маленькій погончикъ Сибирскаго кадетскаго корпуса).

— Какъ это у него до сихъ поръ никто не укралъ часовъ?—думаю я...

— Впрочемъ, говорятъ, что на войнѣ грѣхъ воровать... продолжаютъ перебѣгать мои мысли. Да и въ мирное время вѣдь тоже грѣхъ!..

Шлепъ!.. Я вздрагиваю всемъ тѣломъ... Въ лѣвую ногу что-то сильно ударило меня, словно камнемъ, что-то горячее, липкое текло за голенищу моего сапога...

— Я раненъ, приходитъ мнѣ въ голову.

Передо мной снова ужасная дѣйствительность; нога сразу стала тяжелой; двигая въ сапогѣ пальцами, я чувствовалъ какое-то бульканье, и пальцы скользили въ теплой липкой крови, наполнившей мой сапогъ. Хромая, я быстро сталъ подвигаться впередъ къ оврагу, чтобы сдѣлать себѣ перевязку. Боли я никакой не ощущалъ, но въ ногѣ чувствовалась какая-то, до того мнѣ не знакомая тяжесть и неловкость...

Рана оказалась незначительной; я снялъ сапогъ совершенно свободно; вся нога моя была покрыта какой-то липкой запекшейся, какъ печенка, массой, напоминавшей кисель.

Плотно забинтовавъ ногу, я попробовалъ было надѣть сапогъ, но всѣ старанія мои были тщетны,—нога не лѣзла, т. е. сразу увеличилась въ объемъ, благодаря сильной опухоли.

Я выбралъ одного изъ убитыхъ, которымъ оказался даже изъ моего взвода — стрѣлокъ Скворцевъ; сравнивъ наглазъ величину своей ноги съ ногой убитаго и заключивъ, что сапогъ съ его ноги не будетъ мнѣ тѣсенъ, я стащилъ съ мертвой ноги сапогъ и, одѣвъ его на свою ногу, отправился съ донесеніемъ.

Когда я возвращался отъ командира полка, опять таки съ донесеніемъ, въ свой баталіонъ, мнѣ пришлось снова проходить мимо носилокъ, на которыхъ лежалъ М...ъ. Мои глаза снова остановились на его трупѣ; онъ попрежнему лежалъ неподвижно, все было также, какъ полчаса тому назадъ, но изъ часового кармана его шароваръ ужъ больше не виднѣлась золотая цѣпочка; она исчезла. Среди убитыхъ я замѣтилъ новый трупъ: онъ лежалъ на спинѣ, а его испуганные широко раскрытые глаза смотрѣли въ небо; въ одной рукѣ этого трупа была винтовка, въ другой крѣпко сжатые золотые часы съ массивной цѣпочкой.

— Часы то, должно, больно тяжелы, проговорилъ пробѣгавшій мимо меня и на минутку пріостановившійся солдатъ. — Погубилъ свою душу! въ адъ вѣдь теперь, прямо къ чертямъ полетить; развѣ возможно своего брата, да еще мертваго, обворовывать, — строго и мрачно проговорилъ солдатъ.

Донесеніе я не успѣлъ доставить по назначенію, такъ какъ навстрѣчу мнѣ попалось трое солдатъ, которые, изнемогая отъ усталости и жары, старались какъ можно скорѣе унести раненаго Павловскаго, который стоналъ отъ боли; его лицо показалось мнѣ прямо дряхлымъ, орбиты

глазъ были какъ бы нарочно подкрашены черной краской, а глаза, какъ угли, блистали лихорадочнымъ блескомъ.

Труповъ на моемъ пути стало теперь еще больше. Роты убывали съ каждымъ часомъ.

Насъ все время обстрѣливали со стороны юга, но мы не теряли надежды занять сопку на лѣвомъ нашемъ флангѣ, гдѣ бы мы были въ гораздо лучшихъ условіяхъ, а наши перебѣжки должны были прикрыть огнемъ со стороны нашихъ лѣвыхъ окоповъ; но въ нихъ было тихо и пусто; оказалось, что войскамъ, сидящимъ въ этихъ окопахъ, приказано было отступить, нашей же—1-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи, которая наступала, этого приказанія почему-то не дали. Легко возможно, что посланный съ этимъ приказаніемъ былъ убитъ, но мы ничего не знали объ отступленіи и смѣло шли къ своей цѣли, надѣясь на поддержку нашихъ лѣвыхъ окоповъ. Какъ вдругъ, о ужасъ... изъ нашихъ же окоповъ посыпались японскія пули,—окопы были уже заняты врагами.

Число убитыхъ и раненыхъ увеличивалось съ каждой минутой; пули насъ засыпали, а мы не могли уже и отстрѣливаться,—всѣ занялись ранеными, которыхъ было чудовищное количество...

Крики и стоны переполняли удушливый воздухъ. Цѣлые рои мухъ перелетали съ трупа на трупъ; онѣ черными своими тѣлами закрывали раны убитыхъ и раненыхъ, стараясь уталить свой ненасытный аппетитъ. Цѣлые миллионы этихъ крылатыхъ маленькихъ вампировъ носились въ воздухѣ, какъ будто бы они слетѣлись со всей

Манджуріи, что бы попасть на этотъ великій и торжественный пиръ.

Мы торопились; теперь некогда было снимать одежду съ раненыхъ, что бы дѣлать перевязку, —ее попросту разрывали, и раненые приобрѣли въ большинствѣ ужасный видъ: они были по большей части обнажены и окровавлены; кровь, вытекая изъ ранъ, запекалась мгновенно на солнцѣ и облѣпляла несчастныхъ мучениковъ.

Но этимъ дѣло не ограничилось, ибо мы скоро увидѣли, что и правые наши окопы также были заняты японцами и оттуда сыпался дождь раскаленного металла. Насъ били съ трехъ сторонъ спокойно, безнаказанно и хладнокровно; съ нами теперь не воевали, на насъ охотились!..

Вдругъ мимо насъ во весь опоръ пролетѣлъ верховой охотникъ; онъ громко прокричалъ намъ: «приказано отступить!» Въ это время его конь бѣшено прыгнулъ въ сторону, поднялся на дыбы, издалъ какой-то дикій звукъ, котораго я не предполагалъ даже у лошади, потомъ грузно грохнулся на землю; сѣдокъ вскочилъ, но тотчасъ же застоналъ и, странно взмахнувъ руками, упалъ на трупъ своего быстроногаго молчаливаго друга.

Однако мы не могли воспользоваться приказаніемъ, такъ какъ всѣми силами старались помочь своимъ раненымъ товарищамъ. Санитаровъ при ротахъ совсѣмъ не оказалось, такъ какъ часть ихъ сложила свои головы, а большинство, унося раненыхъ на перевязочный пунктъ, уже не возвращались обратно.

Вдругъ подулъ сильный вѣтеръ и изъ-за горы показалась туча; она быстро плыла по небу, тем-

нѣла и, расплываясь все больше и больше, обратилась, наконецъ, въ тяжелую черную громаду; она заслонила собою сначала огненное кровавое солнце, а потомъ и все небо. Стало вдругъ темно; мрачныя причудливыя тѣни медленно поползли по горамъ. На обширной сценѣ театра сраженія, гдѣ люди такъ безпощадно разыгрывали жизненную трагедію, декорація природы рѣзко и сказочно быстро перемѣнила свои кулисы.

А туча все темнѣла и темнѣла, низко спускаясь надъ землею. Въ небѣ все чаще и чаще слышалось грозное, хотя и сдержанное рокотаніе. Казалось, Великій Милостивый Богъ, видя злобу и преступленіе людей, старался всѣми силами сдержать въ Себѣ Свое негодованіе, но преступленіе было слишкомъ велико, и Онъ не выдержалъ.

Вдругъ ослѣпительная молнія озарила мрачныя окрестности, и грянулъ оглушительный могущественный громъ: онъ былъ похожъ на залпъ сотни осадныхъ орудій; онъ гнѣвно и грозно каatilъ свои могучіе звуки въ разряженномъ воздухѣ. Чудилось, что Всемогуцій хотѣлъ сразу уничтожить, раздавить, смести съ лица земли несчастныхъ злыхъ пигмеевъ.

Но грозный гнѣвъ смѣнился состраданіемъ, и на землю упали благодатныя холодныя слезы; онѣ облили собою измученныхъ полуживыхъ раненыхъ, освѣжая ихъ полунагія разгоряченныя тѣла, и оживили ихъ. Напряженныя нервы не выдерживали,—многіе плакали, а вмѣстѣ съ ними плакала и природа, слезы ея текли сильнѣе и

сильнѣе; она оплакивала души преждевременно умершихъ воиновъ.

Появились мутные холодные ручьи. Жадными запекшимися устами мы пили мутную, окрашенную кровью, воду и были бесконечно благодарны Великому Творцу.

Ручьи стремительно мчались съ горъ, соединялись по нѣсколько сразу, разростаясь, и журча и пѣнясь обмывали своей мутной водой грѣшную, окровавленную землю, унося съ собою безвинно пролитую кровь бойцевъ. Въ долинѣ теперь шумѣла уже цѣлая рѣка.

А дождь шумно барабанилъ по нашему платью, и черезъ нѣсколько минутъ мы были мокры съ головы до ногъ, такъ какъ въ сапогахъ было полно воды. О прежней жарѣ не было и помину; стало даже холодно, и обнаженные раненые дрожали, какъ въ лихорадкѣ.

Но японцы все еще не унимались: градъ пуль попрежнему сыпался въ насъ, хотя теперь онѣ не производили такого впечатлѣнія, заглушаясь шумомъ вѣтра и дождя. Да и мѣткость при ливнѣ была не та. Шрапнели, падая на землю, разбрасывали столбы грязи, не получая твердаго сопротивленія, а многія изъ нихъ и не разрывались.

Японцы бросили свои окопы и своими черными фигурами усѣяли горы. Быстро спускаясь съ нихъ, они шли къ намъ; они были все ближе и ближе; но мы отступали; видя приближеніе враговъ, раненые заматались; они молили о помощи, но спасти ихъ не хватало уже физической возможности,—раненыхъ было больше, чѣмъ

до ровыхъ. Многіе раненые напрятали послѣднія силы, поднимались и шли, нѣкоторые изъ нихъ были положительно голые. Были и такіе, которые не могли ни идти, ни ползти, однако, не желая попасть въ руки японцевъ, стрѣлялись. Я самъ видѣлъ нѣсколько такихъ картинъ.

Но и мы уходили не съ легкимъ сердцемъ: мы видѣли издалека, какъ японцы добивали несчастныхъ нашихъ товарищей. Зрѣлище невыносимое; тяжелое, горькое чувство останется навсегда въ сердцахъ оставшихся въ живыхъ и видѣвшихъ эту ужасную потрясающую душу картину. Нѣтъ силъ и красокъ описать ее.

Туча между тѣмъ растаяла на небѣ, и снова засверкало солнце. Не соблюдая никакого порядка, торопливо и нестройно мы уходили отъ этого ужаснаго, безбрежнаго поля труповъ. Мы шли поодиначкѣ, шли группами, хромали, стонали, но шли и шли къ сѣверу, переваливая черезъ сопки, пересѣкая долины; а кругомъ все еще не переставали попадаться на глаза трупы. Въ воздухѣ звенѣли шрапнели, догоняя насъ и принося все новыя и новыя смерти. Казалось не будетъ никогда конца этого ужаснаго дня и этого ужаснаго поля мертвецовъ... И тамъ и сямъ виднѣлись отступающіе — они шли широкой полосой, по гребнямъ сопокъ и по долинамъ, шли то перегоняя, то отставая другъ отъ друга. Здоровые всѣ поголовно были заняты тѣмъ, что помогали раненымъ поспѣвать за отступающими войсками. Что это была за картина?!... У многихъ были въ повязкѣ обѣ руки—лѣвая и правая, иногда приптанутыя повязкой къ шеѣ, что бы не отекали;

многіе передвигались поразительно медленно, хромая и вскрикивая, когда ихъ непослушныя тяжелыя раненыя ноги становились на землю неровно, попадая на камни или въ ямки и выбоины. Обвязанные груди, животы, головы, руки, ноги, грязныя лохмотья солдатъ, голыя обоженыя тѣла, окровавленныя блѣдныя лица, — все это попадалось на глаза, куда не кинешь взоръ. А впереди, утопая въ дали, какъ муравьи, катились на сѣверъ волною русскіе полки, бѣдные, измученные, оскорбленные...

Передо мной ползъ по горной тропинкѣ раненый ефрейторъ Березовъ. Будучи не въ силахъ наступить на свою громадную забинтованную лѣвую ступню, онъ ползъ на четверенькахъ, ползъ поспѣшно, быстро, безостановочно, не отставая ничуть отъ идущихъ товарищей, при чемъ его лѣвая нога была круто согнута въ колѣнѣ, благодаря чему ступня, — эта громадная опухшая ступня, была поднята высоко къ верху и походила на голову какого-то страннаго животнаго, которое при каждомъ шагѣ кланялось въ сторону юга. Въ сторонкѣ виднѣется новая картина — верхомъ на лошади сидитъ раненый, у котораго обѣ ноги забинтованы марлей и болтаются по воздуху, какъ плети, шлепая по бокамъ коня. Сзади сидитъ другой раненый съ обвязанной головой и съ оторванной по колѣно ногой. Его голова, благодаря перевязкѣ, необычайно велика; онъ охватываетъ обѣими руками туловище передняго; а лошадь идетъ ровнымъ шагомъ, покачивая обоихъ раненыхъ.

Тутъ же медленно, хотя и поспѣшая, плетется стрѣлокъ, примѣнившій двѣ винтовки вмѣсто костылей.

Поднимаясь въ гору, еле передвигая ноги и напрягая свои послѣднія силы, двѣ артиллерійскихъ лошади тянули за собой снаряженный ящикъ, на который повисло до десятка раненыхъ; на крутомъ подъемѣ лошади остановились и, не смотря на отчаянное понуканіе и хлестаніе плетью, не могли сдвинуть съ мѣста своей тяжести. Удары сыпались нещадно, но все было безрезультатно.

— Братцы, слѣзть бы надо, лошадямъ больно тяжело, не вытянуть, говорилъ раненымъ бородастый кучерь артиллеристъ; на горѣ опять сѣсть можете.

Раненые понимали сами, что лошадямъ не подъ силу ихъ тяжесть, однако каждый боялся разстаться со своимъ мѣстомъ.

— Ну, ребята, вылѣзайте!—говорили они другъ другу.

— Ишь, прыткій какой выискался; вылѣзай самъ, коли хошь, а я, братъ, шага не могу сдѣлать, глянь, ногу то какъ разнесло; словно бревно какое. Что жъ мнѣ пропадать здѣсь што ли?

— Вылѣзай, паря! у тебя только рука ранена, идти возможно,—чужую ваканцію не заѣдай; вонъ, глянь ка, вишь другіе ползутъ, а ты идти можешь.

— Чо глотжу то разинулъ? самъ идти можешь, представляешься больно.

Наконецъ, послѣ долгой перебранки, нѣсколько раненыхъ частью добровольно, частью насиль-

но согнанныхъ поплелись охая, хромая и изнемогая отъ напряженія на крутую сопку, за которой должна быть желѣзнодорожная станція.

Лошади, точно намыленные, тянуть на гору снарядный ящикъ и остальныхъ раненыхъ; всѣ стремятся къ станціи,—она кажется измученнымъ людямъ мѣстомъ ихъ отдыха, мѣстомъ утѣхи отъ страданій, кажется какимъ-то раемъ. Тамъ имъ сдѣлаютъ перевязки, обмоютъ запыленные ноющія и горящія раны, тамъ ждутъ ихъ походныя кухни, которыя утолятъ ихъ голодъ, наконецъ, тамъ цѣлые составы санитарныхъ поѣздовъ, которые помчатъ ихъ такъ быстро отъ этого страшнаго мертваго мѣста, отъ этихъ страдающихъ и злыхъ людей...

И станція рисуется въ воспаленномъ, измученномъ впечатлѣніями дня, воображеніи какимъ-то оазисомъ среди мертвой пустыни.

— Командиръ пятой роты, Капитанъ Котловскій, хромая, со слезами на глазахъ, съ потнымъ страдающимъ лицомъ, старается взобраться на сопку; ему помогаетъ также изнемогающій отъ усталости его фельдфебель Щепа; но оба они не въ силахъ справиться и подвигаются съ медленностью черепахи.

Помогите, пожалуйста, запыхаясь слабымъ голосомъ кричить Котловскій, увидавъ меня.

Я подошелъ къ нему, взялъ его подъ лѣвую руку, въ то время какъ Щепа тянулъ его на гору за правую; моя помощь прибавила скорость въ этомъ передвиженіи, но пашка Котловскаго все время стучалась по его раненой ногѣ, все время

запутывалась между его ногъ и препятствовала идти.

Щепа, сними съ меня шашку, и выбрось ее къ черту, она измучила меня. Щепа снялъ со своего командира шашку и надѣлъ ее на себя; на немъ было теперь двѣ, т. е. своя и командирская; шашки, точно ссорясь изъ-за своего мѣста, стукались другъ о друга, громко гремя.

— Ваше Высокоблагородіе, остановитесь!—говорилъ я, увидавъ, что его раненая нога была еще до сихъ поръ не забинтована; присядьте здѣсь, у меня есть бинтъ, я перевяжу вамъ рану.

— Нѣтъ... нѣтъ... словно испугавшись моего предложенія, говорилъ онъ—ни за что на свѣтѣ... если я сяду, я погибъ... я больше ужъ не встану. Я не хочу попасть въ руки японцамъ, а они преслѣдуютъ насъ, они идутъ по пятамъ... Господи! Господи! какой ужасный, какой проклятый день!—говорилъ онъ, какъ бы самъ съ собой. Вся рота легла!.. 250 человѣкъ выбыло изъ моей несчастной роты. Вся... вся... вѣдь это ужасно... Одинъ только я, да мой Щепа остались отъ роты, говорилъ онъ со слезами на глазахъ. Жаль, жаль людей... вѣдь они были моими дѣтьми, вѣдь я любилъ ихъ, какъ свою семью, я привыкъ, привязался къ нимъ, и вдругъ—одинъ день и ничего не осталось. Котловскій, пораженный впечатлѣніями, раненый въ ногу и голову, совершенно искренно вѣрилъ въ то, что въ его ротѣ, кромѣ фельдфебеля и его самого, никого не осталось; но оказалось, что послѣ боя, когда черезъ нѣсколько дней полкъ собрался въ общую кучу, изъ 5-й роты нашлось человѣкъ около 25.

— Хотя бы скорѣй увидѣть станцію!.. Когда видишь то мѣсто, куда идешь, какъ-то ближе кажется, говорилъ Котловскій.

— Сейчасъ, Ваше Высокоблагородіе; вотъ только бы намъ на гору забраться, а тамъ — прямо внизу и станція.

Гора была крута и высока; отступающіе взбирались на нее съ необычайными усиліями, изрѣдка садясь на землю и отдыхая, такъ какъ взять ее за одинъ разъ, не останавливаясь и не переводя дыханія, было трудно даже совершенно здоровому. Но вотъ, наконецъ, гора преодолена и, о ужасъ!.. Станція, которая рисовалась въ воображеніи отступающихъ раемъ, представилась намъ настоящимъ адомъ. Да, такое названіе, какъ нельзя больше, подходило къ этой панорамѣ, какая развернулась передъ нами, какъ на ладони. Зеленая долина, на которой располагалась эта, когда-то хорошенькая станція, была страшнымъ полемъ, гдѣ царила ужасная смерть, а воздухъ наполняли стоны и страданія. И тамъ и сямъ виднѣлись тѣ же раненые, тѣ же носилки, тѣ же отступающіе, стремящіеся къ сѣверу. Раненые, здоровые, китайцы изъ окрестныхъ деревень, китаянки, ихъ голопузые ребятишки, китайскія арбы, двуколки, походныя кухни, пѣшіе и конные, фуры Краснаго Креста, артиллерія,—все это не удержимо тянулось и стремилось къ сѣверу, покидая станцію. Въ догонку всей этой пестрой массѣ съ окрестныхъ горъ неслись, разсѣкая воздухъ, шрапнели, которыя съ какою-то яростью рвались надъ этой живою, стремящеюся впередъ, волною людей и животныхъ, распространяя среди

нихъ паническій ужасъ и невообразимый хаосъ... Однако волна, не останавливаясь ни на минуту, плыла впередъ поспѣшно и беспорядочно. Съ обѣихъ сторонъ дороги валялись обломки арбъ, двухолокъ, сломанные колеса, трупы людей и животныхъ. А вдали, чуть виднѣясь и клубя чернымъ дымомъ, мчалось два паровоза съ вереницей вагоновъ, на которыхъ были также отступающіе; крыши вагоновъ, буфера, площадки — все было переполнено людьми, которыхъ увозилъ поѣздъ.

Но вдругъ поѣздъ остановился, а передній паровозъ сталъ быстро удаляться. Поѣздъ разорвался, люди засуетились и задвигались, какъ муравьи...

А на станціи происходило что-то не поддающееся описанію: вся платформа представляла изъ себя перевязочный пунктъ, съ котораго непрерывно несли раненыхъ и къ которому безконечною цѣпью съ позицій тянулись все новыя и новыя партіи раненыхъ. И это еще ничего бы, но надъ станціей время отъ времени стали рваться шрапнели, а скоро на станціи нельзя было совсѣмъ держаться, — она была буквально засыпаема снарядами...

Вотъ въ одной изъ крышъ станціонныхъ построекъ показалось сразу большое отверстіе, изъ котораго вылетѣлъ столбъ зловѣщаго краснаго пламени, а тамъ загорѣлась какая-то постройка, и въ какихъ нибудь 10 минутъ вся станція была объята кровавымъ пламенемъ: горѣли дома, горѣли поломанные вагоны, стоящіе въ карьерѣ, горѣли сосѣднія фанзы, а также склады прові-

анта, склады дровъ, словомъ—все, что могло горѣть. Стихія свирѣпствовала, а къ небу поднимался густой столбъ черного дыму.

Теперь на станціи былъ неописуемый хаосъ, суетливо бѣгали по станціи служащіе, выползали изъ своихъ носилокъ раненные, чувствовалась какая-то опасность, слѣдомъ за которою началась паника... Дымъ и огонь скрыли отъ глазъ всю станцію съ ея обитателями и съ ея страданіями. Изъ пламени выскакивали люди и бѣжали слѣдомъ за отступающей массой...

А на ближнихъ сопкахъ все еще одинъ за другимъ сверкали огоньки и поднимались облачка дыма. Косые лучи заходящаго солнца своимъ назойливымъ блескомъ скользили по долинѣ, по гребнямъ сопокъ, придавая этимъ ужаснымъ картинамъ еще болѣе безотраднo тяжелый видъ...

Ужасный, огнедышащій безконечный день догоралъ. Вечерѣло... Небо стало понемногу очищаться, а мы все шли и шли... Солнце начинало уже прятаться за сопки, какъ будто бы само устало жечь своимъ зноемъ природу, какъ будто бы и ему надоѣло смотрѣть своимъ ужаснымъ огненнымъ глазомъ на грѣшную страдающую землю.

Трагедія подходила къ концу. Вотъ тяжелая страшная ночь упала своимъ мракомъ на землю. Безконечная отступающая живая масса попрежнему двигалась къ сѣверу: хотѣлось, какъ можно дальше уйти отъ ужаснаго мертваго поля, но оно неотступно стояло передъ глазами.

Оглушительная канонада и свистъ пуль, какъ будто уставши ревѣть, прекратились, но измучен-

ный оглушенный слухъ, галлюцинировалъ ужасную трескотню; стоило лишь подумать объ этомъ, какъ тотчасъ же ясно слышался громогласный раскатъ снаряда и взрывъ, какъ будто бы ихъ повторяло запоздалое эхо. Въ воздухѣ висѣлъ адскій шумъ и гулъ, среди котораго то слышались звуки колесъ, то неясные одиночные голоса, то стукъ лошадиныхъ копытъ, и еще много-много звуковъ... Все это тонуло въ темнотѣ ночи, уходя куда-то далеко-далеко въ пространство.

А вдали сзади виднѣлось зловѣщее зарево пожара, охватившее все небо. На огненномъ фонѣ тамъ и сямъ вырисовывались отдѣльные силуэты телѣгъ, людей, лошадей, но все это очень быстро исчезало изъ поля зрѣнія, утопая въ общей волнѣ этого потока отступавшихъ войскъ.

Но вотъ впереди вдаль замелькали огоньки, которые съ каждымъ шагомъ становились все ближе и ближе.

— Должно быть китайская деревушка, а можетъ быть желѣзнодорожный разъѣздъ или bivakъ какого-нибудь полка, — думали отступавшіе, спѣша подѣлится своими искренними желаніями и надеждой другъ съ другомъ.

Но съ каждымъ шагомъ огоньки становились отчетливѣе, и ужъ можно было ясно разобрать, что они двигались навстрѣчу намъ. Потомъ можно было различить, что огоньки эти — факелы. Наконецъ, показался цѣлый отрядъ съ факелами и фонарями, а за нимъ тянулись бѣлыя крытыя телѣги, запряженные лошадьми. Тутъ же были и пѣшіе носильщики, въ рукахъ и на плечахъ которыхъ были ручныя носилки для раненыхъ.

— Откуда это? Что за люди? — спрашивали отступавшіе, съ любопытствомъ вглядываясь въ фигуры и лица встрѣчныхъ, освѣщенныхъ свѣтомъ факеловъ.

— Голландскій отрядъ Краснаго Креста, за ранеными.

— Верстовъ 10 будетъ, раздавались голоса изъ толпы.

— Много раненыхъ осталось?

— Раненыхъ-то? Че спрашивать-то? Знамо дѣло, много, почитай всѣ ранены, цѣлыхъ-то поди совсѣмъ не осталось.

— Возьмите пожайлуста меня, мочи моей больше нѣтути, хоть ложись да помирай, — хромая и охая подошелъ какой-то солдатикъ.

— Ну, идешь, такъ ужъ иди самъ, — мы подбираемъ только тяжело раненыхъ, которые идти не могутъ и остались на полѣ битвы.

— Такъ, значить, вы туда, въ Вафангову самую ѣдете? къ самимъ, значить, японцамъ?

— Да, въ Вафангоу.

— Ну, коли такъ, такъ я и самъ не сяду. Пропади она пронадомъ — эта самая Вафангова, махнулъ разочарованный рукой и поплелся прихрамывая раненой ногой дальше, вслѣдъ за другими, ему подобными.

Наконецъ, длинный голландскій отрядъ прошелъ мимо насъ. Долго еще вырисовывались ихъ силуэты на кровавомъ фонѣ зарева... Но вотъ факелы слились съ этимъ фономъ, и въ заключеніе весь отрядъ скрылся за горой.

— Хлопцы! Хлопцы! утекайте, — японская кавалерія! Ей же Богу. Хиба жъ вы не бачите? —

оглашалъ своимъ малорусскимъ акцентомъ воздухъ какой-то силуэтъ, размахивая неистово руками. И онъ бросился бѣжать въ лѣвую сторону. Этотъ дикій крикъ произвелъ страшный безпорядокъ. Нѣсколько человѣкъ бросились вслѣдъ за малороссомъ, а темнота ночи скоро проглотила ихъ.

Дѣйствительно, слѣва двигалась какая-то неопредѣленная масса, повидимому кавалерія. Началась суэта, многіе быстро снимали съ плечъ свои винтовки и заряжали ихъ, другіе, сбѣгаясь въ кучу, кричали, сами не зная, что предпринять.

— Успокойтесь, успокойтесь, братцы!—послышался слѣва, изъ приближающейся массы, голосъ.

— Свои!... Свои!...—кричали нѣсколько голосовъ оттуда же.

Оказалось, что это были охотники нашего полка, посланные, что бы помочь раненымъ.

Когда раненые узнали объ этомъ, они были очень обрадованы. Охотники отдавали своихъ лошадей тѣмъ, которые были наиболѣе тяжело ранены и съ трудомъ тащились за общею массою.

Со стонами и вскрикиваньемъ раненые взбились на лошадей, съ помощью своихъ благодѣтелей—охотниковъ.

Приостановленная волна неясныхъ фигуръ двинулась дальше. Охотники теперь шли пѣшкомъ.

Въ отдаленіи впереди, въ лѣво отъ насъ, что-то шумѣло, въ темнотѣ сыпался цѣлый фонтанъ искръ, которая поднимаясь къверху, разлетались въ разныя стороны.

Это шель тоже за ранеными поѣздъ. Громадный огненный фонарь паровоза, напоминалъ собой огненный глазъ циклопа. Въ темнотѣ едва возможно было различить длинную вереницу вагоновъ, на которыхъ мерцали правильной прямой линіей фонари.

Паровозъ, пыхтя и шумя стремительно пролетѣлъ мимо насъ, увлекая за собою въ бездну мрака длинную цѣпь вагоновъ. Только нѣсколько времени спустя поѣздъ снова сталъ виденъ намъ на фонѣ огромнаго догоравшаго костра станціи.

Вдругъ движеніе почему-то пріостановилось.

— Что случилось? Почему остановились? слышались вопросы.

— А Богъ его знаетъ, что...

— Рѣка, сказываютъ!

Дѣйствительно, дорогу пересѣкала какая-то горная рѣка, которая шумно, извиваясь, какъ змѣя, скрылась въ темнотѣ.

Двуколки, кухни, артиллерія, многіе пѣшіе и конные, хотя и осторожно, начали переходить на другой берегъ, но многіе, въ особенности раненые въ ноги, боясь промочить свои повязки, толпились въ нерѣшительности на берегу, обдумывая, какимъ способомъ, не промочивъ ноги, очутиться на другой сторонѣ. На берегу такихъ раненыхъ скопилось все больше и больше.

— Ай! ай! братцы, раздавите! На руку наступилъ, чертъ! Возьми глаза въ зубы, кричалъ кто-то.

— А ты че подъ ногами вертишься, на манеръ звѣря какого на четверенькахъ ползаешь?

— Тебѣ бы вкатили пулю такъ же, какъ мнѣ, такъ и ты бы на карачкахъ очутился.

Это былъ Березовъ; его забинтованная ступня, напоминавшая голову какого-то животного, все еще кланялась кому-то.

— Что, землякъ, поди усталъ?—спросилъ его кто-то.

— Усталъ! знамо дѣло, усталъ. Я вотъ всѣ руки себѣ въ пузыри измозолилъ ползучи; огнемъ горять, говорилъ онъ, показывая свои ладони въ темнотѣ, какъ будто бы кто-нибудь могъ видѣть его мозоли.

— Эй, землячки, какъ бы это черезъ рѣку пересигнуть,—говорилъ одинъ изъ силуэтовъ, упираясь на двѣ винтовки, которыя у него выполняли обязанности костылей.

— Да ты, сказываютъ, какую-то камедь въ циркѣ ломалъ; на рукахъ, сказываютъ, ходить умѣшь; ну, такъ вотъ на манеръ акробата на рукахъ то и перебреди, ноги то и не замочишь.

— Больно глыбко, воды нахлебаешься.

— Охотники! переноси раненыхъ, крикнулъ въ темнотѣ чей-то громкій голосъ, принадлежавшій, очевидно, кому-нибудь изъ начальствовавшихъ лицъ.

Охотники безпрекословно и даже, повидимому, съ удовольствіемъ и отзывчивостью приняли приказаніе (они не участвовали въ бою). Началось перетаскиваніе. Вода шумѣла и булькала подъ ногами. Охотники переносили раненыхъ на своихъ спинахъ, а раненые поджимали больныя ноги, чтобы не замочить ихъ. Много разъ пришлось охотникамъ вернуться за ранеными, но они

терпѣливо выполняли свой подвигъ. Стоны и вскрикиванія не прекращались.

— Ай! Ай! больно... больно!.. не бери за руку... мочи нѣтъ.

— Прости, землякъ, въ потемкахъ то не за-примѣтилъ, что рука то забинтована; какъ же я тебя захвачу то. Постой, вотъ такимъ ферткомъ, говорилъ охотникъ, обхватывая раненаго за туловище и собираясь взвалить его себѣ на плечи.

— Ай!—огласился воздухъ дикимъ страдальческимъ воплемъ раненаго. Тихе, тихе,—въ боку пуля сидитъ. Ай! Мочи моей нѣту. Ажно искры изъ глазъ отъ боли сюплются.

— Вотъ оказія то, да какъ же мнѣ тебя перетаскать? Тутъ не трошь, тамъ больно... Да ты, землякъ, какъ я вижу, точно рѣшето какое, мѣста живого нѣтъ. Кругомъ продырявленъ.

— Ай! Ай! восемь ранъ, землячекъ, мочи моей нѣтъ.

— Но некогда, братъ, съ тобой возжаться, другіе ждуть,—ужъ потерпи маненько, знаю самъ, что больно, да ничего, братъ, не подѣлаешь, говорилъ охотникъ и, не взирая на дикій, раздирающій душу, вопль, тащилъ на своемъ плечѣ барахтавшагося и кричавшаго раненаго.

Кто-то изъ охотниковъ вмѣстѣ съ раненымъ споткнулся и упалъ въ воду. Послышался стонъ. Раненый обругался крѣпкимъ словомъ. Въ отвѣтъ раздался изъ темноты хохотъ.

— Чего зубы то скалишь?

— Да чуть не утопи. Хорошо еще, что мелко!

— Чего же смѣшного? Тебя бы такъ внизъ головой въ воду курнули! Чего тебя смѣхъ раздираетъ?

— Да я и самъ, братъ, не знаю, чего. Плакать хочется, слезы текутъ, а тутъ не знаю, че случилось—хохоть одолѣлъ.

— Винтики, видно, подъ Вафанговой изъ головы порастерялъ. Ужъ безпримѣнно такъ.

На другой сторонѣ рѣки лежалъ какой-то солдатъ на спинѣ и болталъ въ воздухъ своими громадными сапогами, желая очевидно вылить изъ нихъ налившуюся во время перехода черезъ рѣку воду.

И опять потянулись на сѣверъ черныя фигуры отступающихъ... Мы шли безконечно долго. Казалось, что прошло нѣсколько десятковъ часовъ, а ночь все еще была также темна и все еще горѣла вспышками зарница.

Солнце, поработавши за вчерашній день, сегодня рѣшило, кажется, отдохнуть отъ трудовъ и проспало... Ноги отказывались служить, но разсудокъ бралъ верхъ. Нужно было спасать свою пострадавшую продырявленную шкуру, и мы шагали и шагали... Въ тѣлѣ чувствовалась усталость и тяжесть, хотѣлось спать... Умъ притупился отъ всѣхъ впечатлѣній, картины дня, хотя все еще вертѣлись въ воспаленной усталой головѣ, но напоминали собой нѣчто въ родѣ сна, ужаснаго, страшнаго, безконечнаго сна, окутаннаго какимъ-то фантастичнымъ туманомъ... Какъ будто давно-давно, чуть ли не нѣсколько лѣтъ тому назадъ происходила эта кровавая безпощадная бойня. Цѣльнаго боя никакъ нельзя было возстановить въ памяти. Были только чередующіяся одна за другой и одна другой страшнѣе картины и картинки. Ноги не шли, приходилось

ихъ передвигать насильно, какъ будто бы это были вовсе не ноги, а какія-то деревянные ходули. Въ желудкѣ было пусто и больно, онъ съ каждой минутой заставлялъ вспоминать о себѣ...

Наконецъ, давно желанное утро начало разсѣивать непроглядный мракъ ужасной ночи. Стало свѣжѣть. Далекія тусклыя звѣзды потухали. Зарница совсѣмъ перестала сверкать. Утреннимъ вѣтеркомъ потянуло съ востока. Небо изъ темнаго и мрачнаго теперь переходило въ темно-голубое, потомъ стало блѣднѣть. На востокѣ, выплывъ изъ-за горизонта, висѣли въ воздухѣ розовыя, точно золотыя, причудливыя облака, облитыя мягкимъ пурпурнымъ свѣтомъ утренней зари.

Наконецъ, утро вступило въ свои права. Вафангоуское зарево пожара слилось съ разсвѣтомъ. По горамъ скользнули золотыя лучи восходящаго солнца, теперь оно было какъ и всегда желтымъ, какъ будто бы оно оставило за горами свое вчерашнее кроваво-красное одѣяніе.

Веселое, чуждое южное утро заливало землю и воздухомъ и свѣтомъ, но оно нисколько не гармонировало съ нашимъ душевнымъ настроеніемъ. Яркое веселое солнце не звало уже больше къ жизни и на него никто не обращалъ вниманія. Напрасно улыбалось лазурное ясное небо, напрасно неся ароматъ цвѣтовъ фруктовыхъ деревьевъ,—въ сердцахъ людей была ноющая боль, тоска, мракъ и пустота... А вонъ въ далекѣ, медленно махая своими широкими и длинными крыльями, поднимается въ небеса коршунъ.

— Завтракать, подлецъ, полетѣлъ... Лети, лети, тамъ много закуски, въ тысячу лѣтъ не со-

жрешь, проговорилъ кто-то, и коршунъ, какъ будто бы услышавъ и послушавшись совѣта, полетѣлъ къ югу.

Далеко впереди, уходя за горизонтъ, виднѣлись черныя продолговатыя точки, которыя двигались уже непрерывной вереницей...

Солнце поднималось все выше и выше.

Отъ Вафангоу вихремъ пролетѣлъ санитарный поѣздъ съ флагами Краснаго Креста на вагонахъ, — онъ везъ собранныхъ ночью раненыхъ. А мы все еще шагали по пыльной дорогѣ...

Но вотъ вдали, утопая въ зелени деревъ, показалась станція Вафандянъ...

Мы прибавляемъ шагъ, но все-таки движеніе очень медленное.

Немного спустя можно было различить кругомъ станціи правильные ряды нѣсколькихъ группъ сѣрыхъ солдатскихъ крышеобразныхъ палатокъ. Часовъ въ 12, когда солнце было уже въ зенитѣ и, когда лучи его начали припекать съ прежней силой, мы дошли до главныхъ силъ.

Вафандянъ кишѣлъ народомъ. Вся платформа была заполнена носилками съ ранеными; во всѣхъ постройкахъ, сосѣднихъ фанзахъ и подъ открытымъ небомъ—всюду были раненые. Поѣздъ за поѣздомъ прибывали къ Вафандяну и увозили этихъ раненыхъ дальше на сѣверъ. Кругомъ бѣгали санитары, фельдшера, врачи, студенты, сестры милосердія, и у всѣхъ у нихъ на лѣвомъ рукавѣ была приколонна повязка съ краснымъ крестомъ. Всѣ они, обливаясь потомъ, работали не покладая рукъ,—всѣмъ имъ было дѣло. Я видѣлъ даже нѣсколькихъ китайцевъ, у которыхъ

были на рукавахъ также красные кресты; это была прислуга изъ отдѣленія Краснаго Креста, которая теперь, за неимѣніемъ рукъ, обратилась въ санитаровъ.

Проходя мимо санитарнаго поѣзда, составленнаго изъ обыкновенныхъ товарныхъ вагоновъ, я заглядывалъ изъ любопытства въ нихъ; въ вагонахъ слышался стонъ и мелькали забинтованные въ разныхъ мѣстахъ раненые, лежавшіе по большей части на носилкахъ.

— А, здравствуй, услыхалъ я свою фамилію изъ одного вагона.

На носилкахъ, которыя стояли около самой двери вагона, сидѣла какая-то безформенная масса бинтовъ. Обѣ руки были притянуты къ шеѣ повязками и забинтованы отъ самаго плеча до кисти включительно; только впрочемъ на лѣвой рукѣ четыре пальца были свободны отъ бинта; голова была забинтована наглухо кругомъ и напоминала собой гигантскій одуванчикъ; на одуванчикѣ этомъ была надѣта офицерская фуражка, а на плечахъ офицерскіе погоны 3-го В.-С. стр. полка. Голосъ мнѣ былъ очень знакомъ, но лица не было видно; я припоминалъ, кому могъ принадлежать этотъ голосъ, и все же не могъ припомнить. Мнѣ почему-то вспомнился маскарадъ и способъ узнаванія масокъ по голосу.

— Простите, я васъ не могу узнать.

— Я В—о!—проговорилъ раненый.

— А! Здравствуй, здравствуй! — пожимая ему незабинтованные пальцы лѣвой руки, говорилъ я. Ну что, братъ, какъ я вижу, ты сильно ранень?

— Не раненъ, а прямо растерзанъ... изувѣченъ... изувѣченъ звѣрски, безчеловѣчно. Башка расколота, правая рука перебита, дыра въ груди, — какъ-то до странности спокойно говорилъ онъ...

Я пошелъ дальше, лавируя между встрѣчающимися носилками.

— Г. унтеръ-офицеръ! — догоняя меня, говорилъ солдатъ. — Васъ какой-то раненый офицеръ просилъ подойти къ нему.

Я отправился за солдатомъ. Онъ привелъ меня къ носилкамъ, въ которыхъ лежалъ Шт.-Кап. Шороховъ; онъ былъ худъ и блѣденъ, черная, какъ будто подростшая за ночь, борода рѣзко оттѣняла его лицо. Глаза глядѣли изъ глубины черепа. Говорилъ онъ слабо и задыхаясь.

— Я видѣлъ, какъ вы проходили мимо и позвалъ васъ. Я такъ радъ, что вижу васъ живымъ. Мнѣ говорили солдаты нашего полка, что вы убиты. Радъ, что это неправда. Я позвалъ, чтобы сказать вамъ, что никогда не забуду того, что вы вытащили меня изъ непріятельскаго огня, говорилъ онъ настолько тихо, что я принужденъ былъ наклониться, чтобы слышать его слова.

Но когда я обратился къ нему въ свою очередь съ вопросомъ, онъ закрылъ глаза и лежалъ неподвижно, не отвѣчая на вопросъ; нѣсколько словъ, сказанныхъ мнѣ, настолько утомили его, что онъ потерялъ сознание.

На землѣ, на платформѣ, на носилкахъ, на рукахъ медицинскаго персонала всюду алѣла кровь. На каждомъ шагѣ валялись на землѣ окровавленные кучи грязныхъ, затоптанныхъ ногами, бинтовъ. Бинты были вездѣ, куда ни помотришь.

— Гляньте-ка, Петровичъ, — говорилъ мнѣ одинъ изъ стрѣлковъ, сколь бинтовъ то набросано; я думаю, что если бъ снять всѣ бинты съ раненыхъ да подобрать вотъ эти негодящіе, ткнуль онъ ногой кучу окровавленныхъ бинтовъ, да растянуть ихъ, то, поди, до самаго Питера дотянуть можно. Я улыбнулся его странной мысли.

Наконецъ, послѣ долгихъ отыскиваній, мнѣ показали, гдѣ располагался нашъ полкъ. Я пошелъ туда. На пригоркѣ было растянуто десятка два-три палатокъ.

— Неужели же тутъ весь полкъ? — спрашивалъ я, смотря на эту небольшую горсточку палатокъ. Неужели же здѣсь 12 ротъ?

— Петровичъ! только и осталось. Страсть, какъ много перебито—говорили солдаты.

Мрачно и скучно выглядѣли люди нашего дорогого полка. Безпріютные, голодные, мы были въ отвратительныхъ грязныхъ окровавленныхъ лохмотьяхъ.

Изъ общаго числа чиновъ полка не досчитывалось 940 нижнихъ чиновъ и 24 офицеровъ.

Предоставляю читателю судить о нашемъ душевномъ состояніи, а, главное, о состояніи брошенныхъ на полѣ битвы раненыхъ товарищей.

Бой подъ Вафангоу отошелъ уже давно въ вѣчность, но горькое, невыносимо тяжелое воспоминаніе никогда не умретъ въ моемъ сердцѣ.

Добравшись до первой попавшейся полатки, я растянулся въ ней и тотчасъ же заснулъ, какъ убитый.

На развѣдкѣ у перевала Ніангцу.

Была темная непроглядная іюньская ночь,— одна изъ тѣхъ южныхъ ночей, которыя такъ хороши на Квантунскомъ полуостровѣ; но эта ночь съ 12 на 13 іюня 1904 г. особенно памятна мнѣ.

Съ вечера наша пластунская команда (3-го Восточно - Сибирскаго стрѣлковаго полка) подъ начальствомъ храбраго поручика Барскаго, занимая посты на перевалѣ Ніангцу, наблюдала за японской кавалеріей, остановившейся на ночлегъ въ одной изъ деревень — верстахъ въ двухъ отъ перевала. Мы видѣли, какъ прошелъ одинъ эскадронъ, за нимъ полчаса спустя—другой .. но быстро сгущающійся сумракъ ночи укрылъ отъ насъ дальнѣйшее движеніе японской конницы, и мы не могли прослѣдить, сколько же ихъ тамъ всего. А между тѣмъ китайцы изъ сосѣднихъ деревень принесли извѣстіе, что кромѣ кавалеріи, здѣсь же ночуетъ и артиллерія. Все это нужно было провѣрить теперь, необходимо было точно выяснить и величину, и составъ, да пожалуй и намѣренія врага. И начальникъ нашего отряда, отставной капитанъ I-го ранга Мейеръ, вызвалъ охотниковъ на развѣдку въ деревню, занятую японцами.

Вышли желающими стрѣлки Замякинъ, Ядунъ, Свинцовъ и я. Насъ вызвали передъ ротой, благословили на опасный путь, расцѣловали и послали.

Я взялъ у поручика Барскаго его револьверъ, переодѣлся въ китайскій костюмъ и принялъ подъ начальство всю эту маленькую команду въ три человѣка.

Мы вышли; было темно, душно и тихо, до того тихо, что каждый вздохъ, каждый неосторожно сдѣланный шагъ, казалось, производили такой шумъ, что поневолѣ приходилось тотчасъ же останавливаться, чтобы дать возможность снова установиться мертвой тишинѣ.

Только лай собакъ, непривѣтливо встрѣтившихъ непрошенныхъ гостей—японцевъ, доносился изъ сосѣднихъ деревень. Тамъ же яркими пятнами на фонѣ непроглядной тьмы виднѣлись японскіе костры. Кругомъ насъ, пересѣкая по всѣмъ направленіямъ воздухъ, мигая и дѣлая причудливые зигзаги, медленно плавали въ воздухѣ голубоватыя искры свѣтящихся жучковъ.

Въ природѣ было дивно хорошо; она спала въ объятіяхъ величія, таинственности и фантастичности. Сердце нервно и трепетно сжималось отъ какой-то своеобразно сладкой, нѣжной и въ то же время болѣзненной грусти. Какъ-то особенно сильно хотѣлось жить... Я былъ весь полонъ этого желанія. Волшебная, тихая, переполненная ароматами растений, ночь положительно очаровывала. Воспоминанія далекаго прошлаго, невозвратнаго, милаго и туманнаго, какъ сонъ, наполняла весь мой душевный міръ. Мысль за мыслью проплывали у меня въ головѣ...

А между тѣмъ смерть могла подкрасться каждую минуту. И страшна была эта смерть и въ то же время такъ сильно хотѣлось рисковать жизнью!..

— Около 10 часовъ, подумаль я, взглянувъ на гигантскую кострюлю созвѣздія Большой Медвѣдицы. Въ эту кампанію, проводя каждую ночь подъ открытымъ небомъ, я примѣнился безошибочно узнавать время по звѣздамъ. Не разъ по ночамъ, когда меня мучила бессонница, я лежалъ на спинѣ, уходя своими мыслями и взоромъ въ глубокое темное небо, наблюдая за мерцаніемъ далекихъ, разсыпанныхъ въ пространствѣ огненныхъ свѣтилъ, — и тогда я отдыхалъ душой. Я полюбилъ тогда это далекое звѣздное небо, съ которымъ мысленно бесѣдовалъ, которому повѣрялъ свои тайны, и мнѣ казалось, что эти молчаливыя мерцающія звѣзды понимали мои мысли. Я изучалъ ихъ и находилъ въ этомъ таинственномъ необъятномъ хороводѣ стройную чарующую гармонію, которую не въ силахъ выдумать прозаичная холодная земля...

Мы шли уже болѣе часа, не нарушая ни однимъ словомъ тишины. Каждый напряженно думалъ свою думу, вглядываясь въ темноту ночи, шель медленно по извилистой узкой горной тропинкѣ, то поднимаясь на сопки, то спускаясь съ нихъ. Иногда, чтобы сократить путь, мы бросали тропинку и обходили вершины сопокъ, идя по склону. Путь былъ каменистъ и труденъ. А тутъ еще темнота ночи. Нѣсколько разъ мы натыкались на скалы, которыя загораживали намъ путь. Со всѣхъ сторонъ этихъ скалъ зіяли черныя бездонныя пропасти. Держась руками за выступы камней, мы осторожно забирались на скалы, ползли по нимъ, а чтобы не упасть въ пропасть, напрягали зрѣніе и изоощрялись въ ловкости и осторожности.

Вдругъ въ одномъ изъ такихъ мѣстъ я услышалъ сильный шумъ обрушившихся камней, которые, перегоняая другъ другъ и нарушая тишину, катились куда-то далеко-далеко внизъ.

— Тише. Ну тебя, слышался шопотъ Замкина.

— Что, братъ, подѣлаешь, когда полетѣть захотѣлось?—сострилъ гдѣ-то внизу шопотомъ Свинцовъ, который чуть было не отправился вслѣдъ за камнями, но скоро, цѣпляясь за скалы, успѣлъ удержаться и догнать насъ.

Съ каждымъ шагомъ лай собакъ становился все ближе и ближе, а сердце билось сильнѣе и сильнѣе.

Съ каждымъ шагомъ мы становились все дальше отъ нашего отряда, сильнѣе чувствовали свою оторванность и опасность предпріятія, за то болѣе близкими становились между собою: не говоря другъ другу ни слова, мы твердо вѣрили и надѣялись другъ на друга.

Впереди слышался шорохъ...

— Стой, ложись! —прошепталъ я товарищамъ.

Мы всѣ четверо прижались къ землѣ. Шорохъ приближался. Мы притаили дыханіе. Слышался металлическій лязгъ взводимыхъ нами курковъ и снова настала мертвая тишина. Секунды казались вѣчностью.

Тревога оказалась напрасной: предъ нами была собака, которая, неожиданно наткнувшись на насъ, сначала притаилась, а потомъ шарахнулась въ сторону и утонула въ темнотѣ.

— Ахъ ты, проклятая, недовольно промолвила Яцунъ. Обманула. А я ужъ думалъ япошки.

Мы поднялись и пошли дальше.

Около 11¹/₂ часовъ ночи мы были уже у цѣли.

— Ну, ребята, сказалъ отчетливо и громко Замякинъ, теперь остановимся, помолимся и съ Богомъ...

Мы стояли на высокой, крутой сопкѣ. Внизу, прямо подъ нами, раскинулся японскій бивакъ, — слышался шумъ, говоръ, лай и ржанье лошадей.

Какъ по-командѣ, мы всѣ четверо стали на колѣни, и горячая, полная вѣры, молитва понеслась къ далекимъ небесамъ. — Господи, Иисусе Христе... раздавался громко и увѣренно голосъ Замякина...

Мы не боялись молиться вслухъ, мы вѣрили, что молитва русскаго солдата сильнѣе ненавистныхъ японцевъ.

Когда послѣднія слова молитвы замерли въ воздухъ, мы начали быстро спускаться съ крутой вершины, придерживаясь за кустарникъ и камни.

Наконецъ, мы подошли къ самой деревнѣ. Давъ инструкцію для дѣйствія своимъ товарищамъ, я пошелъ дальше, а они залегли въ гаолянѣ.

Обойдя всю деревню, я зашелъ съ другой стороны ея и смѣло вошелъ въ улицу. Мимо меня, оживленно разговаривая и громко хохоча, проѣхало 5 японскихъ кавалеристовъ. Я шелъ по улицѣ; останавливаясь передъ воротами или заглядывая черезъ заборъ и до слезъ напрягая свой взоръ, я старался разглядѣть внутренность двора. Вездѣ была одна и та же картина: были

видны лошади и копошившіеся у костровъ маленькія фигурки японцевъ. Слышался смѣхъ и говоръ непонятной для меня японской рѣчи. Наконецъ, дойдя до послѣднихъ воротъ, я увидѣлъ во дворѣ ту же картину, но съ прибавленіемъ колеса, которое чернымъ кругомъ вырисовывалось на яркомъ фонѣ костра.

— А—вотъ гдѣ артиллерія, подумаль я и, чтобы разглядѣть подробнѣе, вошелъ быстро въ ворота съ спокойнымъ и увѣреннымъ видомъ хозяина. Кругомъ суетились японцы. Проходя между ними, я приблизился къ колесу; но здѣсь меня озадачило разочарованіе: вмѣсто пушки я увидѣлъ самую обыкновенную арбу; а вмѣсто смертоноснаго дула орудія двѣ уродливыхъ оглобли. Рядомъ стояло еще два такихъ же допотопныхъ инструмента для передвиженія.

Я былъ обозленъ неудачей и, повернувшись кругомъ, направился обратно. Но въ этотъ моментъ въ ворота навстрѣчу мнѣ въѣхала арба; раздался громкій окрикъ японца, и во дворѣ все засуетилось. Мимо меня быстро проходили японцы съ какими-то чашками въ рукахъ. Они подходили къ арбѣ, получали тамъ что-то и шли обратно. Вокругъ арбы стоялъ неимовѣрный гамъ. Громче всѣхъ кричалъ раздатчикъ. Въ отвѣтъ на его крикъ слышался какой-то особенно шипящій и пронзительный визгъ разъяреннаго японца, за которымъ слышалась звонкая пощечина. Очевидно, японцы поссорились и теперь кричали еще громче и еще пронзительнѣе.

Вся эта картина освѣщалась яркимъ пламенемъ фонаря, Чтобы не возбудить подозрѣнія, я

пошелъ въ менѣе освѣщенную часть двора. Мнѣ предстояла довольно трудная задача—оставаться незамѣченнымъ еще довольно продолжительное время, и я съ хозяйственнымъ видомъ началъ собирать пучки разбросаннаго въ беспорядкѣ гао-ляна. Наконецъ, гаолянъ былъ собранъ и заботливо сложенъ въ кучу. Я началъ снова искать какое-нибудь занятіе, чтобы быть какъ можно болѣе похожимъ на заботливаго и знающаго свое хозяйство китайца, тѣмъ болѣе, что подлѣ меня, ухаживая за своею лошадыю, все время бродилъ японецъ.

Вдругъ онъ подошелъ ко мнѣ и, энергично жестикулируя, сказалъ мнѣ какую-то китайско-японскую фразу. Моментъ былъ довольно критическій; но я, не теряя присутствія духа, какъ бы нехотя и спокойно отвѣчалъ: «пу чжидао» (не знаю), что обыкновенно говорятъ въ подобныхъ случаяхъ китайцы. Японецъ нетерпѣливо и грубо толкнулъ меня рукой въ грудь и, очевидно обозленный, не удовольствовавшись моимъ отвѣтомъ, подошелъ вплотную ко мнѣ, снова обратился ко мнѣ съ какимъ-то длиннымъ японо-китайскимъ монологомъ, въ которомъ неоднократно повторялось китайское слово «лянъ шуй» (холодная вода); при этомъ онъ савалъ мнѣ въ руки складное брезентовое ведро. Не трудно было понять, что японецъ требовалъ, чтобы я принесъ для его лошади воды. Для большей безопасности и пользы дѣла я долженъ былъ бы исполнить его просьбу, но, во-первыхъ, я не зналъ, гдѣ находится колодезь, во-вторыхъ, мной овладѣла злость.

— Такая мразь, а еще требуетъ, чтобы я ему таскалъ воду, думалъ я, и при этомъ мнѣ необычайно хотѣлось закатить этому плюгавому, аршиннаго роста, макакѣ, хорошую зазвонистую плюху; но этимъ я испортилъ бы все дѣло и такою сумасшедшею выходкою, конечно, погубилъ бы себя безповоротно. А желаніе было во мнѣ настолько сильно, что я съ трудомъ сдерживался. Я отрицательно покачалъ головой и такъ же спокойно и просто снова отвѣтилъ то же самое «пу чжидао». Японецъ бросилъ ведро на землю, замоталъ въ воздухѣ своими руками и, грозно крикнувъ мнѣ нѣсколько словъ, плюнулъ въ меня и отошелъ съ негодованіемъ къ своей лошади, возмущенный моей безтолковостью. Я же въ это время флегматично отыскивалъ что-то въ каменномъ курятникѣ, придѣланномъ къ стѣнѣ фанзы, и въ тоже время судорожно сжималъ ручку револьвера въ карманѣ, приготовившись на всякій случай и ожидая, что этотъ злой карликъ бросится на меня съ кулаками; но къ его и моему счастью этого не случилось.

Наконецъ, арба выѣхала со двора. Я вздохнулъ свободнѣе и пошелъ къ воротамъ. О, ужасъ, на нихъ висѣлъ уже фонарь, свѣтъ котораго освѣщаль смуглыя японскія фізіономіи часовыхъ, которые стояли въ воротахъ...

Выйти было невозможно. Я попался въ этотъ дворъ, какъ въ ловушку. Мнѣ стало жутко и сердце непріятно и быстро забилося въ груди.

— Я погибъ!—неслось у меня въ головѣ. Ви-сѣлица или разстрѣлъ, думалъ я, зная, что по законамъ войны для шпіоновъ нѣтъ плѣна и къ

ихъ услугамъ всегда петля или пуля. — Во всякомъ случаѣ даромъ не дамся, подумаль я и быстро пошелъ за фанзу, на ходу обдумывая планъ своихъ дѣйствій и соображая расположеніе двора.

У китайцевъ обыкновенно общее расположеніе дворовъ одинаковое: за фанзой всегда тянется садъ, въ которомъ, пользуясь темнотою, можно безъ труда укрыться, мелькнула у меня мысль. И я не ошибся. За фанзой дѣйствительно оказался густой садъ. Въ него я и шмыгнулъ. Я пробирался осторожно и безшумно, какъ вдругъ показалось мнѣ, что около что-то зашевелилось. Я приостановился и началъ вслушиваться. Кругомъ было тихо.—Значить я ошибся, подумаль я, не переставая вглядываться въ темноту ночи, хотя ничего и нельзя было различить. Я пошелъ дальше. Наконецъ, я у каменной стѣны, которой оканчивался садъ. За этой стѣной была моя жизнь и свобода...

Опять какой-то странный шорохъ...

Я замеръ на мѣстѣ. Нѣмая тишина попрежнему воцарилась въ саду, за фанзой же слышались голоса, смѣхъ, заглушаемые лаемъ собакъ. Еще моментъ, и я уже сидѣлъ на завѣтной стѣнѣ.

Вдругъ снизу, изъ темноты кто-то схватилъ меня за полу кафтана и сильно дернулъ назадъ. Камни со стѣны, а за ними и я покатались обратно въ садъ; таинственная рука не переставала держать меня за полу кафтана. Размышлять было некогда. Я выхватилъ револьверъ и выстрѣлилъ въ упоръ, въ лицо врага. Раскатистый, рѣзкій звукъ, разсѣвая сонный ночной воздухъ, покатылся далеко за деревню, а далекое горное эхо

повторило ясно и отчетливо этот рѣзкій звукъ. Рука врага выпустила полу моего кафтана, а самъ онъ какъ снопъ повалился къ моимъ ногамъ.

Однако тотчасъ же, точно изъ-подъ земли, передо мной выросло еще двѣ фигуры; снова раздалось два выстрѣла, и у моихъ ногъ теперь лежало уже три японца. Одинъ изъ нихъ еще былъ живъ. Онъ стоналъ и барахтался сначала, но вдругъ онъ совершенно неожиданно схватилъ меня за ногу. Я чувствовалъ, что его пальцы судорожно, какъ клещи, держали меня. Четвертый выстрѣлъ кончилъ дѣло.

Въ одно мгновеніе я очутился по другую сторону стѣны и побѣжалъ въ противоположномъ направленіи отъ того мѣста, гдѣ лежали мои товарищи, ибо за мной летѣли десятки пуль.

На японскомъ бивакѣ мои выстрѣлы подняли цѣлую тревогу.

Отбѣжавъ шаговъ 10, я бросился на землю и быстро поползъ въ сторону. А выстрѣлы все еще трещали въ темнотѣ. Очевидно, японцы сообразили, что я убитъ; они цѣпью пошли по тому направленію, какое я указалъ имъ своимъ побѣгомъ, конечно, рассчитывая такимъ путемъ на толкнуться на мой трупъ. Положеніе мое ухудшалось, неминуемая гибель дѣлалась очевидной... Медлить было нельзя, и я пронзительно свиснулъ. Въ отвѣтъ на свистъ грянулъ небольшой залпъ со стороны сопокъ. За нимъ другой, третій и поднялась непрерывная стрѣльба. Это стрѣляли по деревнѣ мои товарищи. И не смотря на то, что стрѣляло всего 3 человѣка, выстрѣлы были такъ

часты, что въ темнотѣ можно было подумать, будто стрѣляетъ цѣлая полурота.

Эти безцѣльные выстрѣлы сдѣлали однако свое дѣло. Японцы въ замѣшательствѣ бросились обратно въ деревню, а я побѣжалъ, спотыкаясь на каждомъ шагу, къ тому мѣсту, гдѣ въ засадѣ оставилъ своихъ друзей. Черезъ нѣсколько минутъ я былъ уже съ ними.

Нужно было отступать, чтобы не попасть всѣмъ въ руки врага, и мы стали быстро взбираться на сопки. А по деревнѣ все еще трещали выстрѣлы,—встревоженные японцы все еще искали въ темнотѣ ночи своими пулями дерзкаго врага, нарушившаго ихъ покой.

Теперь мы шли несравненно быстрее, такъ какъ мѣста эти были намъ теперь знакомы. Всѣмъ намъ было неимоверно весело, легко и свободно, точно какая-то гора свалилась съ плечъ. Японская окровавленная фуражка, которую я успѣлъ схватить въ саду съ убитаго мною японца, переходила изъ рукъ въ руки и разглядывалась съ понятнымъ любопытствомъ.

— Уже свѣтаетъ, подумалъ я, взглянувъ снова на свои небесные часы, которые показывали теперь приблизительно три часа: хвостъ Медвѣдицы наклонился къ землѣ, а двѣ нижнія ея звѣзды были параллельны горизонту, который съ каждой минутой все больше и больше блѣднѣлъ.

Свѣжій утренній вѣтерокъ чуть колыхалъ сонныя растенія. Живыя летающія неутомимыя искорки свѣтящихся жучковъ попрежнему наполняли полутьму, но свѣтъ ихъ былъ несравненно блѣднѣе.

— Кто идетъ? — раздался громкій окрикъ въ свѣжемъ утреннемъ воздухѣ, и сѣрая фигура часового поднялась съ земли и выросла на сопкѣ.

— Николай II-ой, крикнули мы въ отвѣтъ (это былъ нашъ пароль).

Черезъ нѣсколько минутъ мы были уже окружены со всѣхъ сторонъ стрѣлками, которые внимательно слушали нашъ рассказъ. Японская окровавленная фуражка снова заходила по рукамъ, одѣвалась нѣкоторыми изъ солдатъ на голову и въ заключеніе, когда она снова попала въ мои руки, мѣдная звѣзда на ней, которая замѣняла кокарду и которая до этого момента была съ 5 лучами, стала теперь ужъ не звѣздой, а какой-то изогнутой плюшкой, при чемъ одинъ ея лучъ куда-то исчезъ.

— Ну, и наволновался же я за васъ въ эту ночь, заговорилъ поручикъ Барсковъ, подходя къ намъ и держа въ рукахъ мою винтовку, которую я ему оставилъ взамѣнъ револьвера. — Прямо таки глазъ не могъ сомкнуть.

Онъ взялъ меня подъ руку и отведя въ сторону сталъ разспрашивать. Между тѣмъ около насъ появился котелокъ съ вкуснымъ кирпичнымъ чаемъ и полная фуражка сухарей.

Скоро совсѣмъ разсвѣло; солнце золотило верушки сопокъ, а въ дали, гдѣ-то за горами, затрещали выстрѣлы. Тамъ стоялъ партизанскій отрядъ полковника Мадритова.

Въ этотъ же день вечеромъ, послѣ горячей перестрѣлки и безостановочнаго хожденія по сопкамъ Кайджоускаго хребта, мы лишились нашего любимаго командира — поручика Барскова, кото-

рый былъ пораженъ солнечнымъ ударомъ и эвакуированъ въ тылъ. Уѣхалъ въ штабъ арміи и начальникъ нашего отряда — доброволецъ капитанъ 1-го ранга Мейеръ, вызванный зачѣмъ-то командующимъ арміей, генераломъ Куропаткинымъ. Командованіе надъ отрядомъ принялъ начальникъ охотничьей команды Горностаевъ 1-й, а охотниковъ его братъ Горностаевъ 2-ой; начальникомъ пѣшей пластунской команды, за неимѣніемъ болѣе офицеровъ, сдѣлался я.

Въ горахъ Гайджоу.

Нашъ отрядъ производилъ развѣдку въ восточной части Гайджоускаго хребта.

Съ самаго ранняго утра мы начинали бродить среди отроговъ этого массива, постоянно натываясь на японскія передовыя части и вступая съ ними въ перестрѣлку. 24 іюня нашъ отрядъ, завязавъ перестрѣлку съ японцами, началъ отступать въ западномъ направленіи по хребту, переходя съ сопки на сопку. По нашимъ свѣдѣніямъ, такой же развѣдочный отрядъ 9 В.-Сибирской стрѣлковой дивизіи отступалъ по хребту къ востоку, на соединеніе съ нами, съ цѣлью—общими усиліями дать серьезный отпоръ зарывающемуся врагу; ко времени нашего соединенія предполагалось поддержать насъ и главными силами.

Къ вечеру, послѣ перестрѣлки мы спустились въ долину и заняли для ночлега большую китайскую деревню. Ночью, подъ конвоемъ десяти охотниковъ, въ деревню подошли двѣ патронныхъ двуколки, что было очень кстати, ибо патроны у насъ всѣ вышли; а подвезли сюда также сухарей, чаю и подарки для солдатъ. Все это сразу произвело всеобщее оживленіе. Сначала полковой каптенармусъ роздалъ патроны, сухари и чай, а потомъ приступили къ подаркамъ. Каждому изъ солдатъ былъ выданъ кисеть, въ которомъ находилась всякая мелочь, какъ то: иголки, нитки, орѣхи, папиросная бумага, табакъ, папиросы, конфекты, мыло, вакса; встрѣчался даже зубной по-

рошокъ и щеточка, карандаши, перья, чернила, конверты и почтовая бумага, между прочимъ безчеловѣчно измятые и негодныя для пользованія. Почти въ каждомъ такомъ кисетѣ можно было найти письмо, написанное дѣтскими старательно выведенными каракулями; эти каракули говорили почти одно и то же, хотя и въ разной редакціи. Вотъ на примѣръ письмо, найденное въ моемъ кисетѣ: «Дорогой, Милый Солдатыкъ! Дарю тебѣ отъ чистаго сердца: нитокъ—двѣ катушки, шесть иголокъ, табаку—махорки $\frac{1}{4}$ ф., курительной, бумажки 1 книжку, красивое мыло, зеркало маленькое, гребешокъ, зубной порошокъ, щеточку, платочекъ и банку съ ваксой. Напиши пожалуйста мнѣ, получили ли ты мои подарки. Мой адресъ — Городъ Москва, во вторую гимназію. Гимназисту 2 класса Ваганову. Убейте пожалуйста, дорогіе солдатики всѣхъ макаковъ—японцевъ. А моя мама вчера служила въ церкви молебень и панихиду для солдатиковъ. Жду отвѣта.—Гимназистъ 2 класса Василій Вагановъ.

Это письмо было написано на бѣломъ листѣ почтовой бумаги большого формата.

— Сейчасъ буду свои щиблеты лакировать, говорилъ одинъ изъ стрѣлковъ, вынимая изъ своего свѣтло-зеленаго съ декадентскими красными и синими цвѣтами кисета, огромную коробку ваксы.

Онъ поставилъ свою ногу, обутую въ китайскую, сшитую изъ чернаго ластика, туфлю, на канъ и началъ мазать ее ваксой, потомъ его рука проворно задвигала щетку по этой туфлѣ, и скоро черная матовая поверхность туфли, съѣвшая чуть

ли не полбанки ваксы, засверкала чернымъ блескомъ.

— Это я для того ихъ чищу, чтобъ, если завтра буду убитъ, и японцы увидятъ мое тѣло, чтобъ не сказали, что русскіе солдаты оборванцами ходятъ.

— А вотъ, земляки, что я здумалъ! Неужто же въ Россіи уже большихъ то совсѣмъ не осталось? Неужто жъ всѣхъ на войну погнали?

— Ну, братъ, еще много тамъ за нашими шкурами спасаются.

— А мнѣ такъ кажется, что кромѣ ребятишекъ никого больше и нѣтъ. Поглядите, вотъ теперъ подарки мы эти получили, и всѣ до единого отъ ребятишекъ разныхъ, и не одного подарка отъ большихъ нѣтъ.

— Ишь, что захотѣлъ! Отъ большихъ ему подарки подавай. Дареному коню въ зубы не смотрятъ. Скажи спасибо, что хоть отъ ребятишекъ получаешь. Потому мы, солдаты, маленькіе люди, рвань коричневая, а потому и подарки отъ маленькихъ получаемъ. А отъ большихъ большіе и получаютъ. Вѣдь начальство то наше знаетъ кому какой подарокъ представить. Извѣстно, что малое дитя подарить можетъ! Какое-нибудь мыло, да шило.—Кому же ихъ отдать, какъ не солдату? Потому енераламъ ни шила ни мыла не надо, на кой оно ему лядъ. Ну, а большой то, понятно, пустяковыхъ вещей постыдится прислать, а коли пошлетъ, такъ чтонибудь дѣльное; ну, а дѣльное—дѣльнымъ и по закону принадлежитъ, а не намъ, сѣрымъ мужикамъ.

— Вотъ что, земляки, я хотѣлъ сказать! Знаете, во 2 ротѣ вольноопредѣляющійся Степановъ есть.

— Какъ не знать?—Тащить его изъ-подъ Вафангоу раненаго приходилось. Славный паренъ—смѣлый.

— Ну, такъ вотъ, какъ его подъ Вафанговой то пулей прошибли, въ Россію его послали лечиться. Намедни вотъ письмо отъ него получилъ заурядъ-прапорщикъ Мухинъ. Дивное ребята письмо, мнѣ вѣстовой Мухина сказывалъ. Въ городѣ Читѣ Степановъ отпросился погулять изъ санитарнаго поѣзда, а съ имъ и сестренка одна увязалась. Ну, знамо дѣло, человѣкъ молодой, началъ онъ значить къ этой сестренкѣ подсыпаться. Зашли въ магазинъ... стойте, какъ фамилія-то магазина запомнѣвалъ. И солдатъ, наморщивъ лобъ, началъ припоминать.—Сдумалъ, жидовскій магазинъ то, Каменеръ. Ну, купилъ онъ въ этомъ магазинѣ коробку конфетъ, чтобы, значить, сестренкѣ угощенье сдѣлать. Раскрыли коробку, а въ ей на конфетахъ записка лежитъ. И чежъ вы думаете, ребята? Въ запискѣ то этой написано, что конфеты то эти какой-то мальченокъ Шура на войну солдатикамъ отъ чистаго сердца посылаетъ.

— Ну, и что же? А жидъ этотъ, поди, тоже отъ чистаго сердца за 2 цѣлковыхъ коробку намъ солдатамъ продаетъ.

— Дрянъ они всѣ. Грабители, выругался одинъ изъ запасныхъ.

— Вотъ бить то кого нужно. Сначала нужно эту дрянъ всю покончить, этихъ грабителей, прохвостовъ, а потомъ ужъ и за япошекъ приняться.

Долго еще слышались разные толки солдатъ.

Въ фанзѣ было жарко и душно. Упоенная зноемъ юга, благоухающая очаровательная лунная ночь смотрѣла въ фанзу черезъ открытое окно. Лунный голубой свѣтъ сливался съ тусклымъ краснымъ свѣтомъ китайскаго свѣтильника.

Мнѣ не спалось, я вышелъ изъ фанзы. Съ сѣвера—со стороны нашихъ позицій дулъ легкій вѣтерокъ, который, чуть касаясь лица, освѣжалъ его. Я легъ въ росистую густую траву и, устремивъ свой взоръ въ небеса, предался своимъ мыслямъ. Земля, облитая блуждающимъ голубымъ свѣтомъ мѣсяца спала лѣнивымъ сладкимъ сномъ. Я весь, со всѣмъ своимъ душевнымъ міромъ, ушелъ непостижимо далеко. Я находился на задахъ большаго китайскаго огорода, а мысли плыли безостановочно, чередуясь одна съ другой.

Вдругъ мое ухо услышило какой-то пріятный отдаленный звукъ.

Я началъ напряженно вслушиваться. Съ сѣверной стороны, какъ тихій затаенный шепотъ, до меня доносились мягкіе звуки духовой музыки. Это должно быть на бивакѣ 1-го стрѣлковаго полка.

— Какая чудная ночь, думалъ я. — Въ эту ночь нужно жить, а мы убиваемъ другъ друга; мы безсердечны, хищны и кровожадны, какъ собаки.—Непостижимо странно течетъ жизнь людей и, въ тоже время, какъ разнообразно. Сколько сердець, быть можетъ, сейчасъ бьется въ мірѣ нѣжной, захватывающей любовью, сколько ласковыхъ словъ любви и поцѣлуевъ звучать на го-

рячихъ устахъ, сколько взоровъ съ мечтаніемъ и благодарностью за счастье стремится къ небесамъ, мысленно ища тамъ Благодарителя, — и вдругъ здѣсь же, почти рядомъ, люди убиваютъ другъ друга, горячая кровь течетъ рѣками... Какъ все неравномѣрно и несправедливо! Почему одинъ долженъ быть счастливымъ, а другой въ то же время долженъ терзаться невыносимыми муками?

Трах-х-ъ! Тра-х хъ! вдругъ прокатилось гдѣ-то далеко за сопками два выстрѣла.

— Люди давятъ людей, снова подумалъ я.

И снова сонная тишина, а въ отдаленіи чуть слышна музыка. Луна попрежнему плыветъ по небу. Равнодушная, спокойная...

Настроеніе мое было окончательно отравлено однимъ чрезвычайно непріятнымъ обстоятельствомъ. Послѣ долгихъ мечтаній и размышленій о тлетворности земного существованія, я шелъ въ фанзу. По дорогѣ подъ ноги мнѣ попался какой-то свертокъ въ китайской цыновкѣ, перевязанный веревкой. Я поднялъ этотъ свертокъ и почувствовалъ, что въ срединѣ его что-то завернуто. Когда я развязалъ веревку, круто завернутая цыновка быстро развернулась, и я, точно ужаленный, отскочилъ отъ цыновки, на которой лежалъ трупъ ребенка. Картина отвратительная, и я недоумѣвалъ сначала, какъ объяснить такое неожиданное явленіе, но вспомнилъ, что китайцы не хоронятъ своихъ дѣтей, а бросаютъ ихъ куда попало совершенно голыми, обворачивая лишь цыновкой. Я снова завернулъ трупъ и положилъ на прежнее мѣсто, а самъ съ тяжелымъ осадкомъ въ груди поспѣшилъ въ фанзу, но на-

ткнулся на солдатика, который отыскивалъ меня.

— Г. старшій! А у насъ косоглазую пташку ребята изловили. За вами пошелъ!

— Какую пташку?

— А вотъ, пойдѣмте, поглядите. Крѣпко держимъ, не выпустимъ.

Еще въ дверяхъ фанзы я понялъ, что загадочная косоглазая пташка, которую изловили ребята и которую держать крѣпко и не выпустятъ, разбудила своимъ появленіемъ всѣхъ солдатъ, а шумъ и говоръ, доносившіеся изъ фанзы, обязанности этой пташкѣ.

Сначала въ тускломъ освѣщеніи свѣтильника я не могъ разглядѣть всего подробно тѣмъ болѣе, что пойманную пташку окружали тѣсной массой. Но скоро я увидѣлъ, что пташка эта—былъ связаннѣй по рукамъ небольшого роста, коренастый, широкоплечій субъектъ съ короткоостриженными черными волосами, съ широкимъ скуластымъ лицомъ и съ широкоразставленными черными косыми глазами. Носъ его былъ сильно приплюснутъ, а какъ бы изъ ноздрей его торчали маленькіе жиденькіе усы.

Одѣтъ онъ былъ въ русскую казачью форму. При моемъ появленіи, онъ поднялся со своего мѣста.

— Вотъ, господинъ старшій, сейчасъ мы съ Гаврюшкой Петровымъ этого фрукта изловили; ѣдетъ себѣ мимо постовъ и хонь бы што. Отчаянный какой-то. Мы окликаемъ, а онъ кричитъ «свой», да прямо къ намъ на постъ. Ну, мы видимъ, физика японская. Я лошадь за узду, а Гаврюшка этакимъ фертотомъ за ногу ему уцѣпился

и изъ сѣдла его, какъ муху какую, вышибъ. А енъ, сволочь такая, отпирается, говоритъ что русскій,—думалъ дураковъ найти; ну, не тутъ то было; кто ему повѣрить, коль образина такая ко-соглазая на тебя глядитъ. Да еще не идетъ, когда потащили; какое, говоритъ, такое полное право имѣете меня забирать. Я такой же русскій солдатъ, какъ и вы.

— Это съ такой то рожей, да русскимъ себя называетъ.

— А коль правду сказать, дѣйствительно образина такая, что только чертей пужать...

-- Объ эту харю только цыгарки тушить,—проговорилъ стрѣлокъ Лавровъ, протягивая къ фізіономіи связанаго плѣнника, такъ называемую въ солдатскомъ обиходѣ, горящую цыгарку, намѣреваясь, повидимому исполнить свой коварный замыселъ. Я сразу понялъ, что Лавровъ былъ уже въ своемъ обычномъ состояніи, когда чело-вѣку море бываетъ по-колѣно. И если бы я не остановилъ его отъ его дикаго поступка, то навѣрное цыгарка была бы потушена, какъ того желалъ Лавровъ.

— Ты уже опять пьянъ, сказалъ я строго Лаврову.

— Никакъ нѣтъ, Петровичъ! эвто еще съ утра у меня закваска осталась, а какъ я напился воды, закваску то эту ханшинную разбавилъ и опять вдрысгъ. Это вѣдь всегда такъ бываетъ.

— Г. урядникъ! — проговорилъ вытянувшись передо мной плѣнникъ. — За что свои солдаты меня забралъ, я русски казаки! Я братски!..

— Черту лысому ты братъ, а вовсе не намъ — проговорилъ великанъ Гаврюшка Петровъ. — Ты и тогда все сказывалъ, что братъ. Я те покажу брата.

— Г. урядникъ! Я казакъ Забайкальскаго полка, я не японецъ. У меня крестъ есть. Я у полковника Мадритова въ отрядѣ.

— Вотъ вѣдь холера какая, все знатъ и крестъ даже нацѣпилъ. Продувной народъ.

— Развяжите его, распорядился я.

— Г. старшій, что вы, это никакъ невозможно. Неужто же вы его хотите упустить?

— Ребята! Это вовсе не японецъ, сказалъ я. У насъ въ Россіи, въ Забайкальѣ, народъ есть такой, «братскимъ» (бурятскимъ) называется, и ихъ много въ казакахъ служить.

Солдаты недовѣрчиво и удивленно смотрѣли на меня.

— Ну, а какъ же физика то?

И только послѣ того, какъ я объяснилъ имъ, что типъ лица «братскихъ» очень напоминаетъ собой японцевъ, тогда только они приступили къ нему, съ цѣлью развязать.

Во избѣжаніе недоразумѣній, я отправилъ казака къ начальнику отряда, который въ свою очередь, благодаря разительному сходству его съ японцемъ, препроводилъ его въ тылъ. Только оттуда, послѣ долгихъ мытарствъ, несчастный казакъ попалъ въ свой отрядъ, гдѣ его встрѣтили радостно, какъ безъ вѣсти погибшаго храбреца, котораго любили и уважали.

Отправивъ казака, я прилегъ на канахъ, такъ какъ изрядно хотѣлось спать.

Чуть забрезжилъ свѣтъ, какъ я снова повелъ свою команду въ сопки, куда направлялись и другія части нашего отряда. Съ первой же сопки патрульные принесли донесеніе, что замѣчены японцы.

И когда наша команда забралась на сопку, воздухъ вдругъ огласился раскатомъ дружнаго залпа. Оказалось, насъ уже ждали.

— Мое вамъ почтеніе, раскланялся Лавровъ въ сторону японцевъ,—ему все еще было по колѣно море...

Команда моя лежала на вершинкѣ. Мимо ушей звенѣли пули.—Рота пли! кричу я, и рѣзкій залпъ несетъ смерть на противоположную сопку, гдѣ гдѣ виднѣются черныя головы японцевъ.

Залпъ, другой, третій и тишина, торжественная и величественная, сразу нарушилась. Синѣющіе великаны—сопки, какъ будто бы, ожили и проснулись; они громыхали залпами, повторяя ихъ въ своихъ ущельяхъ и перебрасывая эти шумные гулкіе звуки съ сопки на сопку. Сливаясь въ общій гулъ, эти звуки напоминали собою странную и въ тоже время величественную музыку горнаго причудливаго эхо.

На сосѣдней съ нами сопкѣ залегли охотники и стрѣляли по японцамъ пачками.

— Гляньте, гляньте, у охотниковъ кого-то задѣло,—носилки тащатъ.

— Куда вылѣзаешь, что, хочешь что ли, что-бы пулю въ тебя влѣпили? — кричалъ взводный унтеръ-офицеръ одному изъ солдатъ. Глупо башку задарма подѣ пулю подставлять; ты, братъ, лучше самъ постарайся влѣпить.

— Глядите, ребята! Капитанъ! Капитанъ Горностаевъ сюда идетъ. Да смѣлый какой. Пули сыпятся кругомъ, а онъ хоть бы што.

Дѣйствительно, весь огонь японцевъ, залегшихъ на одной изъ сосѣднихъ сопокъ, сосредоточился на Горностаевѣ, который ѣхалъ на своемъ конѣ довольно легкой рысью, повидимому, не обращая никакого вниманія на окружающій его свистъ пуль. Лицо его было весело и безпечно. Онъ стройно и красиво сидѣлъ въ сѣдлѣ, какъ будто бы ѣхалъ во главѣ кавалькады на гулянье.

— Герой, прямо герой!—дѣлились своимъ впечатлѣнiями солдаты. — Я думаю, что во всемъ нашемъ полку такого офицера больше не найдется.

— Ну, куда имъ. Оно, положимъ, есть и еще храбрецы, но нашъ Горностайчикъ всѣхъ ихъ за поясъ заткнетъ. Потому—отчайной жизни чловѣкъ.

— А вотъ, къ примѣру, глядите-ка на Горностайчика 2-го, указывая на сопку, гдѣ сидѣли охотники, сказалъ одинъ изъ стрѣлковъ. Какъ онъ передъ японцами задается? Тоже вѣдь герой!

— Герой то, герой, что про его больше и сказать, да только одно плохо—нерву больно добрую имѣетъ. Помню я, еще въ китайской войнѣ, подъ Ляояномъ было: въ атаку бросились, а енъ впереди всѣхъ бѣжить съ шашкой обнаженной. Ну, извѣстное дѣло, расколотили мы тогда китайцовъ. И бой то уже совсѣмъ окончился. Пошелъ это у насъ одинъ въ фанзу, а въ ней подъ нами солдатъ китайскій сидитъ, все какъ слѣ-

дуетъ,—ружье, патроны съ нимъ. Вытащилъ его, значитъ, Малаховъ то изъ фанзы, а тотъ че то ему сгрубилъ; ну, а кто не знаетъ Малахова,—артлетъ, а не человѣкъ, осерчалъ, значитъ, не стерпѣлъ, глаза этакъ разинулъ отъ злости, да прикладомъ, значитъ, по башкѣ китаца и ляпнулъ, ажно мозги по сторонамъ разлетѣлись. А Горностайчикъ, какъ увидалъ, скушный, пасмурный такой сталъ, да и говоритъ Малахову: «какъ ты смѣлъ, подлецъ такой, его убивать, — вѣдь бой уже конченъ, вѣдь онъ у тебя пощады просилъ; зачѣмъ же кровь человѣческую даромъ лить, — жалко ему стало китаеза то; а потомъ подумалъ малость и говоритъ: впрочемъ, ну, его къ черту, на то и война, чтобы людей убивать — и отошелъ отъ Малахова скушный прискушный.

— А вотъ, къ примѣру, помните, ребята, какъ ихъ зятя въ китайщинѣ убили, Капитана Абазу? Горностайчикъ 1-й только что больно скушный сталъ, а Горностайчикъ 2-ой не стерпѣлъ, сердешный, и заплакалъ, какъ малое дите.

— Будетъ вамъ разсуждать, ишь нашли время языки точить. Стрѣляйте.

Рота... пли... и снова залпъ стремительно несется на сосѣднія сопки.

— Ну, какъ у васъ, вольноопредѣляющійся, все ли благополучно?—подъѣхалъ Горностаевъ.

— Такъ точно, Ваше Высокоблагородіе.

— Раненыхъ нѣтъ еще?

— Есть одинъ, легко раненъ въ ногу. Стрѣлокъ Антоновъ.

— Держитесь до тѣхъ поръ, пока не отступятъ команды 1-го и 2-го полковъ, потомъ пойдете

вы, а въ прикрытіе останется Шт.-Кал. Горностаевъ 2-ой.

Слушаю!

Въ это время пуля, упавъ между двухъ стрѣлковъ, пробороздила по землѣ и взвившись рекошетомъ, громко и рѣзко шипя, полетѣла кверху. Пролетая мимо Горностаева, она задѣла ему клочекъ волосъ, которые пышно оттопыривались изъ подъ фуражки.

— Эй, Вы, тамъ!—смѣясь погрозилъ пальцемъ въ сторону японцевъ Горностаевъ.— Вѣдь такъ убить можно. А ну ка, ребята, за это расчешите-ка косоглазыхъ такъ, чтобы имъ было тошно.

Слушаемся, Ваше Высокоблагородіе, смѣясь говорили солдаты.

— Я Вамъ пришлю на всякій случай трехъ охотниковъ, для перевозки раненыхъ, если такіе будутъ. Ну, а ты какъ, идти можешь?—обратился онъ къ Антонову.

— Такъ точно, вотъ только перевязку сдѣлаю и опять палить въ япошекъ начну.

— Горностаевъ поѣхалъ къ другимъ командамъ своего отряда отдавать распоряженіе.

— Ай! Ай... Раненъ... Братцы, тащите...

— Носилки... Носилки...

— Словяниновъ, тащи носилки.

— Ай... Ай... Братцы, тише, тише, стоналъ раненый, котораго уже тащили въ оврагъ для перевязки.

— Г. Старшій!.. японскій эскадронъ, — закричалъ унтеръ-офицеръ Ивановъ.

Дѣйствительно, слѣва изъ-за сопки карьеромъ неся эскадронъ. Японцы были въ костюмахъ

цвѣта Хаки, которые отливались золотомъ при лучахъ восходящаго солнца. Американскіе, съ длинными и узкими шеями, лошади были почти всѣ буланой масти. Только подъ офицеромъ, который былъ виденъ впереди всѣхъ, была бѣлая, какъ снѣгъ, лошадь.

По кавалеріи, постоянный—рота... пли!

— Трахъ, и снопъ пуль врывается въ ряды эскадрона, мгновенно создавъ смятеніе и безпорядокъ. Позади эскадрона остается куча коней и людей, барахтающихся на землѣ.

Еще раскатистый залпъ, и снова остаются на землѣ люди и лошади, и опять они барахтаются и стараются расползтись по сторонамъ.

Рота... траххххъ, звенить нетерпѣливый, сорвавшійся преждевременно, выстрѣлъ.

Пли!... Шумно, стремительно катятся по воздуху новые выстрѣлы... Бѣлый конь бѣшено взвизываетъ на дыбы, а начальникъ злополучно разстрѣленнаго эскадрона волочится по землѣ, зацѣпившись за стремя одной ногой; его голова при каждомъ прыжкѣ коня бьется о землю, она окровавленна и безформенна. Еще прыжекъ, и несчастный кавалеристъ волочится между заднихъ ногъ лошади, которая топчетъ и бьетъ его. Сѣдло подъ брюхомъ бѣшенаго коня. Наконецъ, несчастный трупъ, въ странной позѣ, остается на землѣ, а конь, какъ бы обрадовавшись, что освободился отъ непріятнаго бремени, скрывается за сопкой, показывая намъ свои блестящія подковы заднихъ ногъ. Черезъ нѣсколько моментовъ онъ снова появляется на вершинѣ отдаленной сопки и снова скрывается за ней..

Въ латинѣ все еще ползають раненые; нѣкоторые лежатъ неподвижно. Лошади валяются въ разныхъ мѣстахъ впередъ и сзади съ людьми. Немногіе еще носятся въ отдаленіи. Небольшая горсточка конныхъ, человѣкъ 20, исчезаетъ за горами...

— Ловко, ловко мы ихъ!

А ты чего залпы срываешь?

— Да ужъ сильно не терпѣнье взяло; гляжу, а одинъ то подлець, хошь и раненый, лежитъ на землѣ да цѣлится въ насъ. Ну, извѣстно, не стерпѣлъ, пустилъ въ его пулю. Какъ гвоздемъ къ землѣ прибилъ.

Среди нашихъ залповъ и отдѣльныхъ ружейныхъ выстрѣловъ загремѣлъ снарядъ. Бѣлое облачко появилось надъ сопкой, гдѣ сидѣли охотники.

— А, и вы пожаловать изволили!...

Г. Старшій! Командиръ приказали отступить за командами 1-го и 2-го полковъ, а они уже пошли, доложилъ охотникъ.

Я повелъ команду. Насъ все еще преслѣдовали японскіе выстрѣлы.

Совсѣмъ близко отъ насъ—на сопкѣ вдругъ взвился бѣлый флагъ съ краснымъ крестомъ.

Г. Старшій, говоритъ мнѣ унтеръ-офицеръ Ивановъ, давайте-ка по этой сопкѣ залпомъ стеганемъ.

— Ты развѣ не знаешь, что по законамъ войны красный крестъ неприкосновененъ,—въ него нельзя стрѣлять?

— А почему же подъ Вафангоу они въ наши перевязочные пункты палили? Что ихніе раненые

красивше нашихъ что ли, если въ нихъ нельзя палить?

Въ этотъ моментъ стремительный рой пуль пронесся подъ нашими головами; кто-то отчаянно вскрикнулъ и упалъ на землю; кто-то, корчась въ предсмертныхъ судорогахъ, стоналъ на землѣ. Пули сыпались отъ сопки съ краснымъ крестомъ.

— Вотъ, смотрите, какіе подлецы.

— Рота... пли, снова командую я.

— Рота... пли...

Пули ихъ сволочей!

И нѣсколько залповъ одинъ за другимъ летятъ на сопку. Черезъ нѣсколько минутъ красный крестъ исчезаетъ, и фигуры японцевъ, оставляя на сопкѣ своихъ раненыхъ, скрываются за горой. Мы отступаемъ дальше, идя гуськомъ по горной тропинкѣ. Команда растянулась шаговъ на 100. Я, какъ командиръ, шель послѣднимъ, сзади всѣхъ, иногда оглядываясь назадъ, чтобы видѣть, что дѣлается на японскихъ позиціяхъ.

Одинъ изъ солдатъ зашатался и беззвучно упалъ на землю, всѣ остановились.

— Охотника!... Охотника пошлите, раненый есть, передавали задніе въ голову, гдѣ ѣхало 3 охотника.

— Не надо, бросьте меня, все равно умру... Не мучайте, станалъ раненый, когда фельдшеръ Словяниновъ, развязавъ свою сумку съ краснымъ крестомъ, сталъ его перевязывать.

Въ это время прискакалъ одинъ изъ охотниковъ.

— Брось перевязывать, — некогда, гляди японцы насъ пулями засыпають. Мы открыты со всѣмъ. Изъ-за одного всю команду перебьютъ.

— Вези скорѣе на перевязочный пунктъ.

— А кровь-то какъ хлещетъ.

— Тутъ недалеко, вези скорѣй, дыру то ему бинтомъ заткни.

Раненаго подняли нѣсколько человѣкъ и положили поперекъ сѣдла. Охотникъ схватилъ правой рукой за поясъ и, пришпоривъ коня, карьеромъ помчался къ перевязочному пункту.

— Ой — ой — ой... стоналъ раненый, болтаясь поперекъ сѣдла; кровь фонтаномъ била изъ его спины. Наконецъ онъ смолкъ. Охотникъ быстро летѣлъ къ перевязочному пункту.

— Охотника! Охотника, поднялся опять крикъ; раненый!

— Что они, черти, оболдѣли, всѣхъ перебить что ли хотять?

И снова стонъ, и снова мчится охотникъ съ раненымъ на перевязочный пунктъ, и снова пули звенять мимо ушей. — Вотъ черти то неугомонные.

Вотъ еще кто-то упалъ изъ нашей команды, но ни крика ни стона.

— Убить! Басовъ убить!! послышалось сразу нѣсколько голосовъ. Басовъ, этотъ балагуръ, весельчакъ, лежалъ теперь поперекъ тропинки, по которой мы шли; его китайскія матерчатые туфли все еще блестѣли чернымъ блескомъ и на нихъ лоснилась подаренная ему вчера вакса. За поясомъ былъ заткнутъ кисетъ съ синими и крас-

ными декадентскими цвѣтами, разбросанными по зеленому фону.

— Я взглянулъ на трупъ, и какой-то холодной болью защемило мое сердце. Мнѣ стало вдругъ ужасно жалко Басова. Въ моемъ воображеніи почему-то тотчасъ же представилъя маленькій мальчуганъ, посылающій свой подарокъ на Дальній Востокъ отъ чистаго дѣтскаго сердца бѣдному, окревавшему, неподвижному Басову. Я смотрѣлъ то на туфли, то на рану въ головѣ, то разглядывалъ декадентскій узоръ цвѣтовъ, стараясь его зачѣмъ-то запомнить. И дѣйствительно, если бы меня заставили сейчасъ нарисовать эти цвѣты, мнѣ кажется, я выполнилъ бы съ большимъ успѣхомъ,—до того они рельефно и ясно запечатлѣлись въ моемъ воображеніи.

— Ложись, прерывая свои мысли, кричу я.

800... Рота пли... Рота пли—съ ожесточеніемъ повторяю...

И наши залпы снова оглашаютъ долину, неся смерть на непріятельскія сопки.

А я не перестаю подавать команду—рота пли, все больше и больше усиливая голосъ. Мнѣ почему-то ужасно хочется, чтобы и японцы слышали мою команду.

Пли... пли... пли,.. точно папугай, отвѣчаетъ мнѣ эхо изъ скалистыхъ, образующихъ ущелье сопокъ. Точно какой-то насмѣшливый горный духъ залѣзъ тамъ между причудливыхъ сѣрыхъ громадныхъ камней и дразнилъ меня, бросая повторное «пли» на другую сопку или въ сіяющее передъ нею узкое ущелье. Рота вся поголовно лежала на землѣ. Утоптанная, вбитая глубоко въ

землю, тропинка, напоминающая извилистую канаву, какъ будто бы нарочно продѣланную для стока воды съ сопокъ, служила теперь укрытіемъ для моей команды, размѣстившейся цѣпью.

Я же, какъ командиръ, въ обязанность, котораго входило наблюденіе за непріятелемъ, не могъ лечь, такъ какъ мнѣ не была бы видна окружающая мѣстность; и я стоялъ все время совершенно открытымъ; это безъ сомнѣнія замѣтили японцы тотчасъ-же, вотъ почему, чтобы не дать японцамъ хорошенько прицѣлиться въ меня, я все время переходилъ съ одного мѣста на другое, то медленно, то очень быстро; но, не смотря на эту предосторожность, пули такъ и визжали мимо моихъ ушей.

— Ну, однако бросимъ стрѣлять! Пора идти дальше, отдалъ я распоряженіе, хотя мнѣ, сказать по-правдѣ очень не хотѣлось отступать,—хотѣлось отомстить японцамъ за своихъ раненыхъ и убитыхъ.

— Г. Старшій, подождите малость, давайте-ка выпалимъ по нимъ еще нѣсколько залповъ; глядите, видно имъ наша закуска не повкусу,—вонъ съ этой то сопки уже убрались.

Я былъ очень доволенъ, что и солдаты радѣляютъ мое мнѣніе. Отчаянная пальба продолжалась. Мимо ушей непрерывно звенѣли пули. Солнце уже сильно пекло съ выси глубокихъ голубыхъ небесъ,—я растегнулъ воротъ своей рубахи и совершенно неожиданно увидѣлъ, что на груди у меня нѣтъ иконки, которой меня благословила при послѣднемъ свиданьи мать; это исчезновеніе мнѣ очень было непріятно, и я не-

вольно вспомнилъ казачью колыбельную пѣсню, слова которой такъ и лѣзли мнѣ въ память.

Дамъ тебѣ я на дорогу

Образокъ святой,

Ты его, моляся Богу,

Ставь передъ собой.

И, готовясь въ бой опасный,

Помни мать свою...

— А я даже и письма пересталъ писать, да почти и забываю о мамѣ, и образокъ ея потерялъ!...

— Кто образокъ благословенный потерялъ, тому на войнѣ капутъ—припомнился мнѣ одинъ изъ разговоровъ съ солдатомъ, который жаловался, что съ него снялъ кто-то образокъ, когда онъ былъ раненъ подъ Вафангоу, что въ этомъ онъ видѣлъ дурное предчувствіе и, какъ оказалось, оно его не обмануло,—онъ умеръ отъ ранъ.

— Ну, навѣрно и меня сегодня убьютъ, какъ-то суевѣрно подумалъ я.—А пули все еще свистали мимо моей головы.

— Да развѣ можно остаться цѣлымъ въ такой перестрѣлкѣ? А я уже минутъ 10 стою подъ пулями на одномъ мѣстѣ.

Рота... пли!!—кричу я уже чуть ли не сотый разъ, вставляя эту команду между своими мыслями. Перспектива быть убитымъ меня почему-то не страшила,—я привыкъ уже давно къ мысли, что не вернусь съ войны, такъ какъ быть убитымъ у меня были всѣ шансы; но меня утешало другое: быть смертельно раненымъ и не умереть сразу, а долго мучиться. Не хотѣлось мнѣ быть обезображеннымъ.

— Вотъ сейчасъ... сейчасъ одна изъ этихъ злыхъ шипящихъ пуль вопьется въ мое тѣло или, что еще ужаснѣе, въ лицо.

Подъ впечатлѣніемъ этой мысли моя лѣвая рука инстинктивно закрывала своимъ локтемъ лицо, чтобы предохранить его отъ пули.

— Я какъ-то нечаянно поймалъ себя на этомъ жестѣ и невольно засмѣялся наивности своего инстинкта, зная что такое укрытіе, какъ человѣческая рука, совершенно недействительно для такого адскаго изобрѣтенія, какъ наша современная пуля, пробивающая насквозь двѣнадцать человѣкъ, поставленныхъ одинъ за другимъ.

Г. Старшій, подѣхалъ снова охотникъ. Командиръ приказали отступать, а то вы охотниковъ задерживаете, а японцевъ прибываетъ все больше и больше.

И команда снова зашагала по тропинкѣ. Позади все еще звенѣли залпы охотниковъ.

Скоро мы были уже у перевязочнаго пункта, который находился въ небольшой котловинѣ, загороженной со всѣхъ сторонъ сопками; направо отъ этой котловины громоздилась отвѣсная скала; только съ одной стороны этого каменнаго великана склонъ былъ болѣе или менѣе отлогимъ и по немъ вверхъ вилась узенькая, вытоптаная людскими ногами тропинка. Съ другихъ же сторонъ сопка была недоступна.

На перевязочномъ пунктѣ работалъ около раненыхъ нашъ полковой врачъ съ тремя ротными фельдшерами. Раненыхъ было человѣкъ около 12-ти. Тутъ же лежалъ и Басовъ, привезенный охотникомъ. Мы были теперь въ глубокомъ укры-

ти,—пули перестали насъ преслѣдовать. Многие изъ солдатъ, пользуясь удобной минутой, разсѣлись на землѣ и стали крутить себѣ сигарки и закуривать. У всѣхъ въ рукахъ виднѣлись разноцвѣтные кисеты.

— Слушайте, ребята, за этой сопкой залпъ! Неужто и здѣсь японцы.

— Не должно быть,—это поди эхо.

— Какое эхо. Вонъ, слышь еще, еще...

— Вотъ такъ влопались; теперь насъ съ двухъ сторонъ окружили, живыми не выбраться.

— Что жъ это такое?

— Что?! Отрядъ 9-ой дивизіи; развѣ не знаешь, что они должны съ нами соединиться.

— О нихъ я совсѣмъ было забылъ.

Вдругъ надъ нами разорвалась шрапнель. Всѣ снова засуетились; и не успѣло первое облачко расплыться въ воздухѣ, какъ снова насъ оглушилъ яростный взрывъ. И нѣсколько снарядовъ сряду разорвалось надъ нами.

— Охотники, вези раненыхъ за эту сопку, указаль врачъ.

Охотники снова подхватили раненыхъ и помчали ихъ за отвѣсную скалистую сопку; не прошло и пяти минутъ, какъ перевязочнаго пункта уже не было,—онъ поребрался на болѣе безопасное мѣсто.

Голова моей команды забиралась по тропинкѣ вверхъ, длинная цѣпь людей поднималась все выше и выше на гигантскую гору. Наконецъ, вся цѣпь заползла на площадку, которой кончалась сопка. Площадка была загромождена огромными камнями.

Съ горы открывался чудный видъ. Кругомъ на разстояніе нѣсколькихъ верстъ было все видно, какъ на ладони. Кругомъ толпились долины-горы, поля; въ нѣкоторыхъ долинахъ, сверкая серебромъ, текли узенькія, точно серебряныя ленточки, рѣчки; и тамъ и сямъ зеленѣли поля гаюляна, овса, ячменя, чумизы и многихъ другихъ растеній, а такъ же фруктовые сады, въ тѣни которыхъ какъ бы дремали темные фанзы; дальше чуть бѣлѣли палатки 1-го стрѣлковаго полка. Направо—къ западу тянулся непрерывный, усыпанный верхушками сопокъ, Кайджоускій хребетъ, упираясь въ далекое, точно серебряное безбрежное море, сливающееся съ синевой прозрачнаго палящаго неба. Все это громадное пространство было залито лучами солнца и было окутано юньскимъ зноемъ. На глади моря въ дали стояло нѣсколько японскихъ крейсеровъ. Къ югу, между горъ, въ зеленой долинь, располагался лагерь японцевъ. На нѣкоторыхъ сопкахъ, напрягая взоръ, можно было различить часовыхъ, стоявшихъ на вершинахъ неподвижно, точно вбитые колышки. Въ разстояніи какой-нибудь полуверсты виднѣлось нѣсколько цѣпей японцевъ, двигавшихся по горамъ въ нашу сторону. Съ другой стороны виднѣлся отступающій отрядъ 9 дивизіи, а дальше опять и тамъ и сямъ по горамъ были разбросаны темныя цѣпи японцевъ; по долинамъ слѣва и справа трещали ружейные выстрѣлы и поднимались облачка взрывовъ. На вышинѣ нашей сопки чувствовалась какая-то бодрость и сила. Человѣкъ точно перерождался. Люди, которые копошились гдѣ-то далеко-далеко внизу,

казались какими-то черными точками. А въ отдаленіи между горами виднѣлось черное пятно, —это были Кайджоускія ворота-тунель, ведущія къ городу Кайджоу, и получившія легендарное названіе, обозначававшее—«ворота смерти».

На сосѣднихъ сопкахъ и въ долинахъ появились японцы, которые, повидимому, совсѣмъ не подозрѣвали нашего присутствія на скалистой сопкѣ, такъ какъ совершенно спокойно шли мимо нея, стараясь обойти это препятствіе въ томъ мѣстѣ, гдѣ скрылся нашъ перевязочный пунктъ; но дружный мѣткій залпъ нашъ мгновенно обрушился съ отвѣсной скалы на головы враговъ. Этотъ неожиданный металлическій градъ ошеломилъ японцевъ, и они стали быстро прятаться въ канавы и за камнями; но ихъ укрытіе было недѣйствительно, такъ какъ сверху ихъ было видно, какъ на ладони.

— Пачками... жарь ихъ и въ хвостъ и въ гриву.

— Гаврюшка, ты братъ, лучше палишь, валика, вишь, вонъ того, что промежъ камней залѣзъ.

— Ха! ха! ха! ловко ты его ушпарилъ, ажно и кепочка съ башки покатила.

— Ну, землякъ, и ты братъ далеко не уползешь, говорилъ прицѣливаясь самодовольный Гаврюшка.

— Bravo, bravo, этакъ его черта полосатаго. Вишь, не любить, башкой замоталъ.

— А вотъ этаго ребята шпарьте; гляди, ажно пятки сверкаютъ.

— Да это никакъ офицеръ: вишь на немъ спинджакъ то какой-то мудреный—деликатный.

— А по мнѣ все едино кого! И ихъ благородіе могимъ угостить.

Звенить выстрѣлъ и офицеръ, сдѣлавъ въ воздухѣ отчаянный взмахъ руками, падаетъ на землю, переворачивается на спину, какъ будто бы ему неудобно иначе лежать. Быстро сворачивается въ какой-то комокъ, потомъ вдругъ такъ же быстро выпрямляется, точно хочетъ толкнуть кого-то ногами; и такъ нѣсколько разъ; потомъ онъ вытянулся во всю свою длину и остался неподвижнымъ.

— Ихъ Благородіе, видно здорово гимнастическое упражненіе знаетъ,—гляди, каку камедь ломать.

Солдаты смѣялись, но въ этомъ смѣхѣ слышались, какъ будто, нотки слезъ; какъ будто бы не смѣхъ это былъ вовсе, а что-то ужасное, невѣдомое, выраженное смѣхомъ. И казалось, что вотъ-вотъ эти здоровяки, эти молодые великаны, заплачутъ, какъ дѣти, безутѣшно—отчаянно. Непріятенъ и некрасивъ былъ этотъ смѣхъ, смѣхъ надъ страданіемъ «пушечнаго мяса», такого жестрадающаго пушечнаго мяса, какъ они. Кто знаетъ всѣ тайны судьбы, кто можетъ предугадать будущее? Можетъ быть черезъ какихъ-нибудь 5 минутъ роли переменятся, и эти смѣющіеся великаны будутъ такъ же ползать, какъ тараканы, какъ раздавленные клопы въ лужахъ крови, а истребители ихъ—эти одѣтые въ цвѣтъ хаки карлики—безумно захохочутъ надъ ихъ страданіями. Передо мной были люди во всей ихъ наготѣ; я ясно сознавалъ это; но и самъ былъ такимъ же пушечнымъ мясомъ и самъ хохоталъ этимъ страдальческимъ тяжелымъ смѣхомъ.

— Смотри, ребята, вотъ такъ фруктъ, самъ раненъ, а еще другого на себѣ тащить, какъ мурашъ какой. Видно чувственность тоже имѣть, какъ Суворовъ-батюшка сказалъ; «самъ погибай, а товарища выручай»; видно и имъ жаль своихъ.

— Ерой! — коротко промолвилъ свое мнѣніе угрюмый пасмурный запасный, который вчера еще кричалъ, что «нужно сначала всѣхъ подлецовъ передушить, а ужъ потомъ съ японцами воевать».

— А вотъ я этого героя сейчасъ пулей продырявлю, — проговорилъ Лавровъ.

— Промახни, паря! Пусть ерой живетъ! — такъ же коротко проговорилъ запасный. Въ его словахъ чувствовалась какъ будто просьба. — Хошь онъ и японецъ, а жаль его, потому душу еройскую имѣть.

Тра-а-ахъ-ахъ! ахъ! — застонало по сопкамъ эхо. А герой японецъ, забираясь въ гору, все еще несъ на себѣ раненаго.

— Промазалъ, хладнокровно проговорилъ стрѣлокъ.

— А ну, еще попробую, — и онъ снова прицѣлился.

— А ну ка, подвинься паря, ложась рядомъ съ Лавровымъ, проговорилъ запасный и толкнулъ его локтемъ. Раздался выстрѣлъ, пуля зазвенѣла въ воздухѣ и впиалась въ гору саженьяхъ въ 5 отъ японца, поднявъ столбъ пыли.

— Ты че же, землякъ, толкаешься, изъ-за тебѣ опять промазалъ.

— Прости, братъ, нечаяно, довольнымъ тономъ прибавилъ запасный бородачъ и повернулъ къ командѣ свое улыбающееся бородастое лицо.

— Значить судьба его—цѣльнымъ остаться.

— Значить судьба, улыбнулся опять запасный, и что-то теплое хорошее свѣтилось въ его блестящихъ глазахъ.

А герой медленно и спокойно забирался все выше и выше и, наконецъ, достигнувъ вершины сопки, остановился, поправилъ на своемъ плечѣ раненаго; крѣпко держа его одной рукой, другой онъ снялъ свою шапку и замахавъ ей намъ, скрылся за склономъ.

— Молодецъ, ерой! настоященскій ерой! Не судьба его, значить, быть убитымъ.

— А коли бъ не Егорычъ, то поди и судьба бы не помогла, сказалъ кто-то.

— А я то чемъ причиненъ? Я тоже вѣдь ка-лилъ въ него, - опять улыбнулся запасный.

— Въ бѣлый сѣтъ, какъ въ копѣйку.

— А откуда мнѣ зрячимъ то быть, горя брать много видѣлъ, объ него-то и глаза свои измозолилъ, что мушки даже не могу разглядѣть. Поэтому что горе человѣческое вѣдь не малюсенькая мушка, а завсегда медвѣдь огромный.

Внизу, въ другой долинь, шла рысью наша команда; командиръ махалъ намъ рукой, приказывая этимъ жестомъ отступать.

Мы спустились съ горы и стали выходить на пыльную главную дорогу; въ отдаленіи — въ деревнѣ болтался флагъ съ краснымъ крестомъ; это былъ перевязочный пунктъ отряда 9-й дивизіи.

На эту же дорогу выходили такъ же части отряда 9-ой дивизіи.

— Что, ребята! какъ дѣла? спрашивали солдаты у проходящихъ ротъ?

— Ничего, слава Богу! Ноне милостиво.

— Раненыхъ то много?

— Нѣтъ, пустяковина, человѣкъ 40 будетъ не болѣ.

При этихъ словахъ мнѣ невольно вспоминалась китайская война и ея потери. Если бы въ китайскую войну потери достигли 40 человѣкъ, то она считалась бы потрясающе кровопролитной, теперь же эти «40» — звучали спокойно, и даже какъ будто бы радостно, что только 40...

Четверо человѣкъ изъ встрѣчнаго отряда опустили на землю цыновку, которую несли; отдыхая, они вытирали своими грязными платками струившійся ручьями потъ. На цыновкѣ, со строгимъ лицомъ и сдвинутыми бровями, лежалъ убитый офицеръ, судя по формѣ, генеральнаго штаба.

— Кого это тащите?

— Графа Нирода, отвѣчали санитары, проходящимъ мимо солдатамъ.

Я вспомнилъ, что на дняхъ мнѣ какъ-то попался въ руки журналъ, въ которомъ я видѣлъ портретъ моряка, молодого красиваго юноши, погибшаго въ морскомъ бою; подъ карточкой значилась фамилія «графъ Ниродъ». Припоминая карточку, которая почему-то осталась въ моей памяти, и всматриваясь въ черты лица убитаго, я находилъ, что какъ то, такъ и другое лицо были очень красивы и напоминали собою другъ друга.

— Должно быть братья! — подумалъ я. Въ послѣдствіи оказалось, что я не ошибся въ своихъ предположеніяхъ.

По приказанію начальника отряда, мы должны были остановиться на отдыхъ въ одной изъ деревень, которую можно было едва разглядѣть,—такъ она заросла деревьями.

— Г. старшій, подошелъ ко мнѣ артельщикъ, дайте мнѣ денегъ,—надо купить мяса для команды. Ихъ благородіе, Шт.-Кап. Горностаевъ, вчера купили телку и раздѣлили пополамъ промежъ своей и нашей командой и сказали мнѣ, чтобъ я имъ сегодня возвратилъ; такъ что прикажете купить тоже телку.

— Хорошо, согласился я и далъ ему деньги. Онъ же, взявъ трехъ человѣкъ, отправился промыслять въ долину. Не прошло и получаса, какъ мы увидѣли своихъ солдатъ, которые гнали четырехъ барановъ. Сзади шелъ, понуря голову, китаецъ съ длинной плетью, напоминающей обыкновенное удилице; по выраженію лица я понималъ, что китаецъ, отдавая своихъ барановъ, совсѣмъ этого не желалъ.

Капитана! какъ можна! моя джингуйда мѣю! (Капитанъ, какъ можно, я не хозяинъ). Моя конходя ю (я работникъ).

Чегу барашика епенка капитанъ ю. Епенка капитанъ татаде—кандрами чики ю (эти барашки японскаго капитана. Японскій капитанъ большій—важный, меня убьетъ), лепеталъ китаецъ.

— Ахъ ты, китаецъ поганый, мы будемъ голодать, а твой татаде капитана жрать будетъ.

Зубы бы выщелкать твоему капитану—показывая кулакъ, проревѣлъ Гаврюшка Петровъ. — Выберись отсель, пока я те рыло наизнанку не выворотилъ. Пусть твой капитанъ

съ голоду подохнетъ, намъ же лучше,—пулю лишнюю на эту... не придется тратить, не унимался Гаврюшка, хотя китаецъ и не понималъ ничего изъ его словъ.

Послѣ долгихъ разговоровъ бараны остались за командой, китаецъ же побрелъ отъ нее лишившись даже своей длинной плети, которая попала теперь Гаврюшкѣ и которая въ его рукахъ оглашала воздухъ рѣзкимъ щелканьемъ, напоминающимъ выстрѣлы. А на рога барановъ были надѣты веревки, за которыя ихъ тащили за собою солдаты, предварительно навѣшавъ на нихъ свою аммуницію. Бараны изнемогали подъ тяжестью ноши.

Солнце между тѣмъ опускалось все ниже и ниже за горизонтъ, заливая золотистыми лучами верхушки сопокъ.

Мы зашли въ деревню и заняли одну изъ ея фанзъ для ночлега.

Снимая съ себя аммуницію, я снова вспомнилъ о потерянной иконкѣ — родительскомъ благословеніи и снова меня схватило непріятное жуткое чувство.

— Ну, если сегодня остался цѣлъ, завтра убьютъ, лѣзла въ голову мысль, не смотря на то, что я гналъ ее отъ себя всѣми силами.

— Завтра мнѣ капутъ, твердилъ я не переставая. И какъ мнѣ хотѣлось снова вернуть потерянное.

— Гдѣ я ее потерялъ?—припоминалъ я.—Вчера, когда я снималъ съ себя патронташъ, то, помню, обратилъ свое вниманіе на то, что патронташъ придавливалъ къ груди иконку, такъ какъ

я чувствовалъ боль въ томъ мѣстѣ, гдѣ лежала иконка. Если бы иконка оборвалась, она должна была остаться у меня за пазухой, такъ какъ провалиться ей мѣшалъ поясъ. И вотъ, въ то время, когда я мысленно перебиралъ свои предположенія, мнѣ припомнилось, что вчера, когда я лежалъ на травѣ, я разстегивалъ свой поясъ,—не тогда ли и обронилъ я свое благословеніе.

Мнѣ было настолько все это непріятно, что я рѣшилъ сходить въ сосѣднюю деревню. Сдалъ команду унтеръ-офицеру Иванову и, получивъ разрѣшеніе отъ начальника команды, верхомъ отправился въ ту деревню, гдѣ мы наканунѣ ночевали.

Ночь была, какъ и наканунѣ, необычайно хороша; облака принимали самыя причудливыя формы, рвались на клочки, заслоняли собой звѣзды или собирались снова въ общее облако и плыли, плыли куда-то далеко въ пространство.

Ѣхать мнѣ пришлось больше двухъ часовъ, но это время прошло незамѣтно среди воспоминаній и думъ. Дорога сворачивала влѣво; за поворотомъ виднѣлась облитая луной деревня; вытопанная пыльная дорога вела въ нее; вдругъ я увидѣлъ предъ собой темный силуэтъ, двигавшійся мнѣ на встрѣчу. Я остановилъ лошадь, снялъ изъ-за плечъ винтовку и на всякій случай зарядилъ ее.

— Кто идетъ, крикнулъ я, держа винтовку на готовѣ.

Китаецъ—получился довольно тихій, едва уловимый слухомъ отвѣтъ.

— Не стрѣляй!—такъ же тихо проговорилъ силуэтъ, подходя ко мнѣ и всматриваясь.

— А, русскій! очень пріятно—проговорилъ онъ на совершенно чистомъ русскомъ языкѣ, что меня крайне поразило. Я въ свою очередь подозрительно сталъ разглядывать силуэтъ, который оказался самымъ типичнымъ китайцемъ,—все—все, съ ногъ до головы, было китайское.

— Какъ ты хорошо говоришь по русски?—

— Да, безусловно лучше, чѣмъ по китайски, но только прежде чѣмъ разговаривать, я долженъ тебя предупредить, что деревня занята японцами; слышишь, какъ заливаются собаки, а это вѣрный признакъ; ко всему этому я только что былъ тамъ.

— Да, скажи пожалуйста, откуда ты научился говорить такъ чудно по-русски?

— Долго жилъ въ Россіи.

— Гдѣ же? во Владивостокѣ навѣрно? вѣдь тамъ очень много китайцевъ, говорилъ я такъ же чистымъ языкомъ, хотя мнѣ почему-то хотѣлось какъ разъ говорить съ нимъ ломанымъ языкомъ по привычкѣ, которой придерживаются всѣ, разговаривая съ китайцами.

— Нѣтъ, не во Владивостокѣ; я тамъ былъ, но проѣздомъ, а мое мѣстожителство было въ г. Омскѣ.

— А, значить, земляки—засмѣялся я; я тамъ учился, можетъ быть знаешь, въ кадетскомъ корпусѣ.

— Какъ не знать, знаю; я многихъ оттуда знаю. Директоръ былъ Генераль Рейнеке, инспекторъ Полковникъ Андреевъ, ротные коман-

диры—Конищевъ, Губарь, Вакаръ; какъ же, хорошо знаю!

— Я былъ пораженъ всѣмъ слыханнымъ; передо мной стоялъ какой-то кудесникъ, и мной овладѣлъ страхъ.

— Не сошелъ ли я съ ума, думалось мнѣ. Въ это время мой конь началъ нетерпѣливо вертѣться, при чемъ повернулся такъ, что свѣтъ луны упалъ на мое лицо.

— Ахъ! чертъ возьми, какъ ты сильно измѣнился. Но по натурѣ, какъ вижу, остался такимъ же. Вѣдь ты отчаянный былъ. Кто могъ сравняться съ Мишкой Гроссевичемъ. Кажется никто; и теперь—одинъ путешествуетъ подъ носомъ у Японцевъ.

— Кто ты, чертъ, что ли?

Я чувствовалъ, что терялъ спокойствіе; по спинѣ у меня бѣгали мурашки; я чуть было не упалъ съ коня, а сердце сильно—сильно колотилось въ груди.

— Я сумашедшій, рѣшилъ я уже окончательно. У меня гиллюцинація. Но китаецъ былъ реаленъ, онъ не былъ прозрачнымъ, какими бываютъ обыкновенно призраки.

Нѣтъ, я не чертъ, я прапорщикъ Князь Гантимуровъ, твой закадычный пріятель, засмѣялся китаецъ.

Я долго еще не могъ опомниться отъ своего удивленія и, не вѣря своимъ глазамъ, смотрѣлъ на него, поворачивая его руками то въ тѣнь, то къ лунѣ, пока не убѣдился, что китаецъ былъ дѣйствительно князь Гантимуровъ.

— А ты какимъ образомъ здѣсь очутился?—
спросилъ онъ.

Я объяснилъ ему цѣль своей поѣздки.

— Если такъ, то совѣтую быть осторожнѣе. Знаешь, самое лучшее, если ты переодѣнешься; я могу дать тебѣ свой халатъ; переодѣться плевое дѣло, такъ какъ ты можешь надѣть халатъ поверхъ твоего обмундированія, какъ сдѣлалъ это я. Я подержу твоего коня и винтовку.

— Отлично, согласился я и быстро спрыгнулъ съ коня. Гантимуровъ сбросилъ съ себя халатъ, оставаясь въ офицерской лѣтней формѣ, а я изъ солдата тотчасъ же превратился въ китайца и не теряя времени отправился въ деревню; пошелъ я не по дорогѣ, а сдѣлавши небольшой кругъ зашелъ со стороны сопокъ, въ расчетѣ, что такимъ путемъ меньше шансовъ наткнуться на непріятельскаго часового.

Пересѣкши ниву гаоляна, перелѣзши два, три забора, я, наконецъ, очутился въ томъ мѣстѣ, гдѣ лежалъ вчера; осмотрѣвшись кругомъ, я скоро увидѣлъ иконку, съ особеннымъ восторгомъ схватилъ ее и тотчасъ же надѣлъ себѣ на шею.

Тѣмъ же путемъ я возвратился къ тому мѣсту, гдѣ поджидалъ меня Гантимуровъ. Онъ ждалъ меня полулежа на травкѣ и раскуривая папиросу.

— Ну, какъ, все благополучно?

— Совершенно.

— Ну, и слава Богу! Пойдемъ, а тѣ уже поздно.

— А ты время узнаешь по небеснымъ свѣтиламъ?

— Да! какъ-то примѣнился.

Изъ его разсказа я узналъ, что онъ не такъ давно пришелъ съ донесеніемъ изъ Портъ-Артура въ армію Куропаткина подъ видомъ китайскаго бонзы, съ священными китайскими книгами. Онъ попадалъ и въ руки японцевъ, но, пройдя около 3 недѣль, все-таки достигъ цѣли и при этомъ совершенно невредимымъ...

— Ну, однако, прощай! прервалъ онъ нашъ разговоръ.

— Ты куда же?

— А я вотъ по этой тропинкѣ пересѣку эти горы, а тамъ мнѣ ужъ недалеко—версты три не больше до дому.

Мы распрощались. Я пріѣхалъ въ команду часа въ 2 утра и тотчасъ же заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Вчера командиръ отряда сообщилъ намъ, что назначенъ дневной отдыхъ. Солнце уже поднялось на небѣ и жгло своими палящими лучами землю, а многіе изъ насъ все еще спали, не смотря на зной, богатырскимъ сномъ, утомленные каждодневными развѣдками и хожденіемъ по горамъ.

Прошло уже больше недѣли послѣ того, какъ эвакуировали въ тылъ поручика Барскова, а команда все еще оставалась безъ офицера; это объяснялось тѣмъ, что въ полку также не было ихъ, такъ какъ пополненіе послѣ Вафангоускаго боя еще не прибывало. Только сегодня къ намъ явился его замѣститель, недавно прибывшій изъ Россіи. Это былъ еще молодой человѣкъ, поручикъ, представляющій изъ себя весьма часто встрѣча-

ющійся типъ всезнающихъ, вездѣсущихъ, на все способныхъ...

Первымъ его дѣломъ было раздѣлить команду на двѣ части, такъ сказать, отдѣлить грѣшниковъ отъ праведниковъ. Онъ построилъ команду.

— «Всѣ тѣ, кто изъ російскихъ губерній, выйди впередъ!»

Вышла почти половина команды.

— Дайте мнѣ списокъ, обратился онъ ко мнѣ.

Я подалъ. Онъ долго и сосредоточенно смотрѣлъ въ него.

— Антоновъ!—вызвалъ онъ.

— Антоновъ раненъ, Ваше Благородіе.

— Барсуковъ, продолжалъ вызывать командиръ.

— Я—крикнулъ солдатъ изъ группы російскихъ.

«Російскій» —отмѣтилъ карандашемъ противъ фамиліи Барсукова новый командиръ, котораго я буду называть впредь поручикомъ N—скимъ.

Перекличка продолжалась и карандашъ N-скаго ставилъ противъ вызванныхъ фамилій или «Р.» или «С.», т. е. «Російскій» или «Сибирякъ».

Наконецъ была вызвана и моя фамилія. Я, какъ старшій, стоялъ въ сторонѣ, а потому командиръ не могъ опредѣлить, къ праведникамъ или къ грѣшникамъ я принадлежу.

— Російскій или Сибирякъ? —спросилъ онъ меня.

— «Сибирякъ», отвѣтилъ я.

— «Сибирякъ?» —переспросилъ недовольнымъ тономъ N—скій. Онъ уперся въ меня взглядомъ гипнотизера и, казалось, хотѣлъ пронзить меня

имъ насквозь или загипнотизировать и сдѣлать изъ меня не сибиряка, какимъ я былъ на самомъ дѣлѣ, а россійскаго. Наконецъ его карандашъ съ какимъ-то ожесточеніемъ поставилъ противъ моей фамиліи громадное «С.». Съ этого момента я потерялъ въ глазахъ N—скаго все. Также потеряли и всѣ мои товарищи, не вышедшіе изъ строя, при вызовѣ россійскихъ.

Наконецъ команда распущена. Я пошелъ въ фанзу, чтобы снять копію списка съ обозначеніемъ буквъ «С» и «Р», который понадобился зачѣмъ-то во второмъ экземплярѣ N—скому. Не успѣлъ я дойти по алфавиту до фамиліи начинающейся съ «П», какъ въ фанзу пришелъ вѣстовой N—скаго, только что выбранный изъ «россійскихъ» и позвалъ меня къ командиру. Когда я подходилъ къ командирской фанзѣ, около нея стояло 5 человѣкъ солдатъ подъ ружьемъ, а передъ ними прохаживался самъ поручикъ N—скій, заложивъ руки въ карманы. Всѣ наказанные принадлежали къ группѣ «сибиряковъ». N—скій осыпалъ ихъ площадной бранью.

— Что же, вы хотите, чтобы холера къ намъ въ команду забралась? какъ свиньи какія-то жрутъ, лепешки, жаренныя на китайскихъ плевкахъ, зеленныя дыни; и какъ это вамъ въ брюхо лѣзетъ всякая дрянь,—просто удивительно.

— Что прикажете, Ваше Благородіе? — подошелъ я.

— Вотъ полюбуйтесь на этихъ подлецовъ; безъ разрѣшенія начальства покупаютъ у китайцевъ разную дрянь и жрутъ. Эту дрянь можетъ переварить только сибирскій желудокъ. Ну, ужъ из-

вините, я въ своей командѣ не желаю холеру разводить. Я васъ попрошу, вольноопредѣляющійся, какъ можно строже держите этихъ господъ сибиряковъ, эту удирающую въ бояхъ , проговорилъ торжественно Н—скій, пристально глядя на меня. Его взглядъ, какъ будто, говорилъ: «и ты сибирякъ—значить тоже»

— Ваше Благородіе, проговорилъ я, держа руку подъ козырекъ и вытянувшись въ струнку. —Вы можете имѣть какое угодно мнѣніе о сибирякахъ, но я не помню случая, чтобы сибиряки бѣжали въ бою.

— Не помните? Странно! у васъ должно быть плохая память. Давно ли васъ сибиряковъ подъ Вафангоу расколотили? А вы безъ оглядки ударили отъ этихъ таракановъ.

Мной овладѣла злость; я готовъ былъ наговорить Н—скому кучу дерзостей, но зналъ, что изъ этого ничего полезнаго не выйдетъ.

— Не знаю, Ваше Благородіе, какъ бы вели себя въ бою російскія войска, но сибиряки честно исполнили свой долгъ и умирали беззавѣтно, какъ герои.

— Если бы подъ Вафангоу были російскія войска, то не было бы такого позора; ужъ повѣрьте, что не разбѣжались бы, и ихъ не пришлось бы собирать, какъ бродягъ, какъ собирали послѣ боя господъ сибиряковъ...

— Я пойду сейчасъ къ начальнику отряда, а вы продержите этихъ подлецовъ по 2 часа подъ ружьемъ.

— Ваше Благородіе, едва сдерживаясь говорилъ я, эти—какъ вы называете «подлецы» ук-

трашають собой всю команду, они настоящіе честные и храбрые солдаты.

— Вольноопредѣляющійся, вы забываетесь, я васъ попрошу держать себя со мной поосторожнѣй; и N—скій зашагалъ къ своей фанзѣ.

Солдаты молча и угрюмо стояли держа на плечахъ свои ружья. Богъ знаетъ, что было у нихъ въ мысляхъ, но предполагаю, что N—скій фигурировалъ въ нихъ въ некрасивой роли.

И когда N—скій ушелъ изъ деревни къ Горностаеву, солдаты стали передавать другъ другу свои впечатлѣнія, вынесенныя изъ перваго свиданья съ новымъ командиромъ; не буду дословно передавать ихъ разговоровъ, т. к. не считаю это удобнымъ и предполагаю, что читающій эти строки и самъ приблизительно пойметъ, о чемъ и какъ они разсуждали.

Вечеромъ, не въ примѣръ прочимъ днямъ, въ 8 час. была устроена вечерняя перекличка. Для чего ее дѣлалъ N—скій, я до сихъ поръ не могу понять, кто, зачѣмъ и куда могъ отлучиться изъ команды во время развѣдки, когда команда находилась за нѣсколько верстъ отъ расположенія русскихъ войскъ и вблизи японцевъ? N—скій во время переклички заявилъ намъ, что этой ночью мы должны будемъ идти для развѣдки двухъ долинъ, которыя были поручены нашей командѣ. N—скій позвалъ меня къ себѣ, разложилъ карту и, вооружившись карандашемъ, сталъ объяснять мнѣ какъ цѣль, такъ и всѣ детали предстоящей развѣдки. Мы должны были за ночь узнать, что дѣлается въ двухъ параллельныхъ между собой долинахъ, находящихся рядомъ. Надо было уз-

нать, въ какихъ силахъ въ этихъ долинахъ японцы. Развѣтвленіе этихъ двухъ долинъ начиналось верстахъ въ 5 отъ деревни, въ которой мы стояли.

Начало уже смеркаться, когда мы вышли изъ деревни на развѣдку. И было уже совсѣмъ темно, когда мы дошли, наконецъ, до развѣтвленія долинъ. Небо было пасмурно и покрыто сплошь темными бѣгущими тучами и облаками, которыя загораживали луну. Было темно. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ начиналось развѣтвленіе долинъ, была небольшая рощица, а далѣе виднѣлась пустая, брошенная китайцами, деревня.

— Стѣй!—скомандовалъ N—скій, не доходя до рощи сажень пятьдесятъ.

— Какъ вы думаете, обратился онъ ко мнѣ, есть въ рощѣ японцы или нѣтъ?

— Ничего не могу сказать, Ваше Благородіе.

— А какъ бы это узнать? — наивно спрашивалъ онъ.

— Нужно послать кого-нибудь, чтобы въ этомъ убѣдиться.

— Ну кого же, кого?

— Кого? Кого хотите; если прикажете, пойду и я.

— А, отлично, отлично, какъ будто обрадовался онъ; идите съ Богомъ; я знаю, что вы не пропустите ничего подозрительнаго.

Я пошелъ въ рощу, обошелъ ее кругомъ, побывалъ и въ центрѣ, но ничего не нашелъ и вернулся обратно въ команду.

— Ну, что?—съ какимъ-то волненіемъ спрашивалъ N—скій.

— Ничего! Роща совершенно пуста.

— Хорошо ли вы осмотрѣли ее?

— Такъ точно.

— На плечо... шагомъ... маршъ, скомандоваль N—скій.

Рота зашагала къ рощѣ. N—скій шелъ впереди. Кто-то громко засмѣялся въ командѣ. Командиръ какъ-то вдругъ заволновался.

— Кто тамъ хохочетъ? — Не смѣть хохотать. Иди тихо, чтобы никто не могъ услышать; какіе это развѣдчики, которые на развѣдкѣ во всю глотку ржутъ. Развѣдчикъ настоящій даже не ходитъ, а ползаетъ, какъ кошка.

Смѣхъ стихъ, слышался лишь подавленный шопотъ и топотъ солдатскихъ ногъ о сухую землю. Наконецъ, мы очутились въ рощѣ.

— Стой!—скомандоваль снова N—скій. — Садись, отдыхай.

— Какой это тамъ осель закурилъ?—заволновался снова командиръ, увидавъ, какъ пламя спички освѣтило темноту.—Ты что жъ, скотина, хочешь, чтобы изъ-за тебя вся команда японцамъ въ руки попала? Навѣрно опять сибирякъ?

— Такъ точно, пробасилъ Гаврюшка Петровъ, пряча закуреную сигарку въ рукавъ.

— Ну, понятно, російскій до такой наглости не дойдетъ и курить въ такія минуты не станетъ.

— Ваше Благородіе, японцевъ поблизости еще нѣтъ; мы вчера только были здѣсь; до японцевъ еще далеко, проговорилъ свое оправданіе солдатъ.

— Ты, что же, меня учить думаешь?

Въ командѣ царила тишина. N—скій скорыми шагами ходилъ взадъ и впередъ по рощѣ, не уходя впрочемъ далеко отъ солдатъ.

Прошелъ наконецъ цѣлый часъ, а команда все еще сидѣла неподвижно и молча, а N—скій все еще ходилъ взадъ и впередъ; было видно, что онъ волнуется; наконецъ, онъ вынулъ изъ кармана портсигаръ, досталъ папироску и закурилъ ее.

— Намъ нельзя курить, а ихъ благородію можно, проговорилъ кто-то почти вслухъ. — Поэтому, нашу папиросу японцы увидятъ, а офицерскую никто не имѣетъ права видѣть.

— Ваше Благородіе, не пора ли намъ начать развѣдку.

— Нѣтъ! Нѣтъ, еще рано.

— Ваше Благородіе, позвольте обратить Ваше вниманіе на то обстоятельство, что долины, которыя намъ нужно пройти, довольно велики и, чтобы пройти ихъ, нужно не менѣе всей ночи.

— Да! да! это правда! Но я право не знаю, какъ приступить къ дѣлу. Я все думаю, съ какой именно начать развѣдку, говорилъ онъ. По-видимому, дѣло это до того было ему ново, что онъ и на самомъ дѣлѣ не зналъ, какъ его начать. Желая вывести его изъ затрудненія, я предложилъ ему свой планъ.

— Ваше Благородіе, я возьму изъ команды человекъ 5 и направлюсь по этой долинь—ука-
заль я по направленію одной изъ нихъ, а вы съ остальной командой пройдите другою; къ утру я вамъ дамъ донесеніе.

— Хорошо, хорошо — опять обрадовался онъ; такъ я вамъ сейчасъ назначу изъ команды болѣе надежныхъ, засуетился онъ.

— Виноватъ, Ваше Благородіе, ужъ позвольте этотъ выборъ сдѣлать мнѣ самому, такъ какъ я знаю всѣхъ солдатъ и знаю, кто чего стоитъ.

— Пожалуйста!

— Тѣ, которые стояли сегодня подъ ружьемъ, сказалъ я, пойдете со мной на развѣдку.

Н—скій посмотрѣлъ на меня, но ничего не сказалъ.

— И такъ, я иду, Ваше Благородіе, сказалъ я.

— Пожалуйста, пожалуйста, съ Богомъ. Только не вздумайте курить въ развѣдкѣ.

— Не беспокойтесь, Ваше Благородіе.

Мы рассыпались въ цѣпь и пошли, храня молчаніе, по гаюлану, который своеобразно шумѣлъ, когда мы его задѣвали. Съ каждымъ шагомъ мы расходились все дальше и дальше другъ отъ друга. Было тихо и лишь гдѣ-то вдали заливались собаки. Мы прошли почти всю долину, но на пути не было ничего подозрительнаго. Было уже за полночь, когда ко мнѣ подошелъ Шуршъ.

— Петровичъ, вонъ направо у сопокъ я наткнулся на деревню и замѣтилъ, что въ ней кавалерія, только не знаю, наша или японская. Лошади ржутъ и кажись много.

Мы безшумно подвигались всѣ шестеро къ деревнѣ и окруживъ ее начали подползать къ ней. Я лежалъ около самаго забора, за которымъ стояло до сотни лошадей; были видны такъ же спящіе на землѣ люди, но различить, кто они

были: японцы или русскіе не было возможности. У коновязи ходилъ часовой. Пришлось ждать довольно долго. Но, наконецъ, часовой сталъ будить своего товарища, должно быть, на смѣну. Я услышалъ явственно нѣсколько японскихъ словъ, чего было мнѣ вполне достаточно. Такъ же тихо я поползъ назадъ и скрылся въ гаолянѣ. Немного спустя, мы опять собрались въ кучу, убѣдившись, что деревню занималъ японскій эскадронъ. Мы пошли дальше. Пройдя всю долину, мы узнали, что, кромѣ ночующаго эскадрона, по хребту прилежащихъ горъ были разставлены часовые. Такъ же тихо цѣпью мы вернулись обратно. Я написалъ донесеніе. Уже свѣтало, когда я отыскалъ Н—скаго съ остальной командой. Команда находилась не больше, какъ въ разстояніи одной версты отъ рощи, въ которой мы сидѣли вчера.

— Имѣю честь явиться, доложилъ я Н—скому.

— Ну, что, какъ дѣла?

— Ничего, все благополучно, говорилъ я и подаль ему свое донесеніе.—А у Васъ какъ дѣла, Ваше Благородіе, въ свою очередь спросилъ я.

— Я то же развѣдалъ, что дѣлается въ этой долині, и оказывается, что долина кишитъ японцами. Вонъ на томъ хребтѣ часовые, вонъ тамъ въ деревнѣ артиллерія, вообще много-много...

Я отошелъ отъ Н—скаго и пошелъ въ средину команды, чтобы закурить.

— Г. старшій! Что жъ это за развѣдка такая? пошли мы, значить, по долині, правый патруль на японскій развѣздъ наткнулся, ну, извѣстно палить другъ друга начали, рассказывалъ мнѣ одинъ изъ стрѣлковъ, а поручикъ Н—скій при-

казаль вернуться, да всю ночь насъ вотъ вокругъ этой сопки и водилъ. Трусилъ больно.

Между тѣмъ становилось все свѣтлѣй и свѣтлѣй.

— А знаете, не пройти ли намъ еще немного впередъ по этой долинѣ, предложилъ N—скій: ночью все-таки могли что-нибудь пропустить.

— Какъ хотите, Ваше Благородіе, отвѣчалъ я.

— Рота въ ружье!—скомандоваль N—скій, хотя винтовки и безъ этого приказанія находились въ рукахъ солдатъ.

— На-плечо... шагомъ маршъ!

Было ужъ совсѣмъ свѣтло; мы прошли впередъ не больше версты; я какъ-то нечаянно взглянулъ на одну изъ горъ; на ней неподвижно стоялъ японскій часовой; я перевелъ взоръ на другую и тамъ такъ же видѣлся часовой.

— Ваше Благородіе, посмотрите—на сопкахъ часовые, сказалъ я N—скому.

— Гдѣ? гдѣ часовые?—заволновался онъ.—Бинокль дайте сюда, бинокль, бинокль кричалъ онъ и бѣгалъ около роты. Что жъ дадутъ мнѣ когда-нибудь бинокль?

— Ваше Благородіе, бинокль виситъ у васъ черезъ плечо.

— Ахъ, да, да, я совсѣмъ и забылъ о немъ, разстегивая пуговицу у чехла бинокля, говорилъ онъ.

Наконецъ, бинокль былъ извлеченъ изъ чехла. N—скій дрожащими руками поднесъ его къ своимъ глазамъ, но по ошибкѣ большія стекла припали къ глазамъ, а маленькія направились на сопки; но на это, повидимому, простое недо-

разумѣніе N—скій не обратилъ никакого вниманія и направлялъ бинокль то въ одну, то въ другую сторону, ни на минуту не останавливаясь и хотя, какъ мнѣ кажется, онъ ничего не могъ видѣть при подобныхъ условіяхъ, онъ взволнованно и какъ будто бы по секрету сообщилъ мнѣ.

— Да, да! часовые, часовые! Что же дѣлать, ахъ Господи!.. да что же вы стоите? командуйте же!—потерявъ всякое самообладаніе, кричалъ онъ мнѣ, поблѣднѣвъ и бѣгая вокругъ меня.

— Что прикажете командовать?

— Что вы меня спрашиваете, вы сами должны знать, на то вы и унтеръ-офицеръ. Да командуйте же, командуйте, а я буду сейчасъ донесеніе писать; карандашъ дайте мнѣ, карандашъ, бумагу.

Я подаль ему бланкъ для донесеній и карандашъ, но руки у него были заняты биноклемъ. Чтобы освободить руки и взять бумагу, онъ бросилъ бинокль на землю, бинокль загремѣлъ о камни. N—скій схватилъ бумагу съ такимъ азартомъ, съ какимъ можетъ хвататься утопающій за поданный ему спасательный кругъ. Онъ побѣжалъ въ сторону, гдѣ тянулся къ деревнѣ глиняный валъ, служившій заборомъ. N—скій быстро сѣлъ за этотъ заборъ, положилъ на колѣно листъ, но колѣно дрожало и клочекъ бумаги прыгалъ на немъ, какъ живой. Я молча поднялъ бинокль и съ любопытствомъ разглядывалъ N—скаго, который дрожащей рукой старался написать донесеніе.

— Что жъ вы не командуете, что жъ вы не командуете?—снова закричалъ онъ. Ахъ, Господи,

это изъ рукъ вонъ, это не команда, а какой-то сбродъ, накинута онъ уже на команду, которая улыбалась такой растерянности.

Листъ съ донесеніемъ N—скаго, уже переворачиваясь и крутясь, катился, гонимый вѣтромъ вдоль глиняной стѣны.

— Бинокль, бинокль дайте сюда, бинокль! опять забѣгалъ N—скій, забывъ о донесеніи.

Я молча подаль ему бинокль.

Бинокль быстро направился на хребетъ и забѣгалъ по сопкамъ съ необычайной быстротой; но черезъ минуту онъ уже катился по камнямъ и гремѣлъ какимъ-то особеннымъ звономъ, точно жаловался на жестокость его владѣльца. Я опять поднялъ уже помятый о камни бинокль.

— Что дѣлать? что дѣлать?—лепеталъ N—скій. —Вѣдь такъ невозможно, такъ насъ перебьютъ, какъ мухъ.

N—скій становился жалкимъ, на него непріятно было смотрѣть. Его волненіе, нервность и трусость превышали всякіе предѣлы.

— Ваше Благородіе, сказалъ я, посмотрите—вонъ какой-то верховой ѣдетъ.

— Гдѣ? Гдѣ верховой? — опять засуетился N—скій.

— А вонъ, посмотрите, тамъ около деревни.

— Ахъ, Господи, да что же это? что же это? забѣгалъ N—скій.

Около одной изъ деревень вертѣлся на конѣ какой-то субъектъ въ китайскомъ костюмѣ; послѣ сосредоточеннаго наблюденія мы убѣдились, что это былъ японецъ.

— Гдѣ? гдѣ верховой? — повторялъ одинъ и тотъ же вопросъ N—скій. — Дайте бинокль, скорѣе, скорѣе. Да вы что, не слышите что ли, я прошу бинокль?

Я опять подаль бинокль, который опять осмотрѣлъ своими стеклами всѣ окрестности въ теченіе полуминуты и снова ужъ лежалъ у ногъ N—скаго.

Это меня уже начинало бѣсить.

— Петровъ!—крикнулъ я въ команду, — поди сюда.

Длинная фигура Гаврюшки медленно подошла ко мнѣ.

— Будешь ординарцемъ у ихъ Благородія и, когда они будутъ бросать бинокль, подбирай его, сказалъ я.

Верховой все еще вертѣлся на своемъ конѣ и, казалось, дразнилъ насъ своимъ присутствіемъ и нахальствомъ.

— Ваше Благородіе, дозвольте эвтаго фрукта съ сѣдла снять,—проговорилъ Гаврюшка.

— Какъ вы думаете, можно его снять съ сѣдла?

— Даже должно, — сказалъ я, не титулуя N—скаго, такъ какъ онъ мнѣ былъ противенъ и мнѣ прямо не хотѣлось называть его «Вашимъ Благородіемъ».

— Да, да, обязательно нужно снять, тотчасъ же согласился N—скій, какъ будто бы онъ былъ уже давно этого мнѣнія.

Гаврюшка подошелъ къ одному изъ деревьевъ, облокотился о него лѣвымъ плечомъ, поставилъ прицѣлъ 900, хладнокровно прицѣлился, и чрезъ

мгновеніе рѣзкій раскатистый выстрѣлъ покати́лся по доли́нѣ.

Верховой приподнялся на стременахъ и сталъ осматриваться; онъ, повидимому, не видалъ насъ.

Прозвучалъ новый выстрѣлъ, и верховой, покачнувшись въ сѣдлѣ, скатился на землю.

— Ты что же это, подлець, сволочь; что ты съ ума сошелъ, что ли? Набросился вдругъ N—скій на Гаврюшку.

Гаврюшка удивленно смотрѣлъ на своего командира.

— Какъ ты смѣлъ мерзавецъ стрѣлять? Что жъ ты не видишь, что кругомъ японцы; вотъ они услышали твои выстрѣлы и сами начнутъ въ насъ стрѣлять. Что тогда будетъ? Что тогда будетъ? Да говори же, подлець, ты этакій!

Гаврюшка хмуро и злобно смотрѣлъ на N—скаго, лицо его поблѣднѣло и глаза сверкали гнѣвомъ.

— Вы только что сейчасъ разрѣшили мнѣ снять его съ сѣдла, за что же вы меня ругаете? — злобно прибавилъ онъ.

— Да, да, я дѣйствительно разрѣшилъ снять съ сѣдла, но я вовсе не разрѣшалъ стрѣлять.

— А какъ же его иначе снять то? дозвольте спросить.

— Въ ружье, въ ружье, забѣгалъ снова N—скій.

На плечо... шагомъ маршъ... Рота пошла обратно изъ долины. По мѣрѣ удаленія роты отъ опаснаго мѣста, самообладаніе вновь являлось къ N—скому, и скоро опять зазвучалъ его самоувѣренный голосъ.

— Вотъ мы теперь займемъ эту сопку и будемъ держаться на ней до послѣдней крайности; будемъ защищать эту позицію, не смотря ни на что. Если даже самъ Куроки поведетъ на насъ свои войска, воинственно говоритъ онъ.

Мы заняли сопку, вокругъ которой N—скій разставилъ часовыхъ. Теперь онъ былъ не узнаваемымъ, и можно были подумать, глядя на него, что это человѣкъ опытный и испытанный въ бояхъ, до того онъ имѣлъ воинственный видъ.

— Вѣстовой! Чаю мнѣ сварить, да поскорѣе, распорядился онъ.

— Разрѣшите и солдатамъ сварить чаю, попросилъ я разрѣшенія. — Можно будетъ послать двухъ человѣкъ въ деревню, пусть тамъ и сварятъ въ какомъ-нибудь котлѣ.

— Я думаю это не совсѣмъ удобно, подумавъ, сказалъ N—скій.

— А мнѣ кажется, что это будетъ очень удобно, тѣмъ болѣе, что солдаты голодны.

— Ну, хорошо, хорошо, согласился онъ.

N—скій былъ хорошъ тѣмъ, что скоро соглашался, если видѣлъ, что разговаривающій съ нимъ твердо стоитъ на своемъ рѣшеніи.

Черезъ полъ-часа вѣстовой N—скаго несъ на нашу гору изъ деревни чайникъ, изъ котораго клубился паръ.

— Вольноопредѣляющійся, идите со мной чай пить.

— Благодарю васъ, я не хочу, отказался я, хотя чувствовалъ голодъ.

— Ваше Благородіе, на сосѣднемъ хребтѣ показалась японская цѣпь, — доложилъ часовой, ко-

торый все время стоялъ на самой верхушкѣ нашей горы.—Они, Ваше Благородіе, идутъ сюда.

— Какъ сюда? вскочилъ вдругъ N—скій.

— Такъ точно. Съ горъ ужъ начинаютъ спускаться.

— Да какъ же это? Что же дѣлать?

— Надо ихъ встрѣтить, Ваше Благородіе, ска-
заль я.

— Знаете, не лучше ли отступить? Потому что, видите ли, безцѣльная трата жизней; ну что, согласитесь сами, мы можемъ сдѣлать съ такой маленькой силой.

— Ихъ тоже немного, Ваше Благородіе.

Часовой пошелъ снова на свой постъ.

— А потомъ, какъ же это отступить безъ выстрѣла? это будетъ неудобно, тѣмъ болѣе что недалеко стоятъ команды 1-го и 2-го полковъ.

— Да, да! совершенная правда, нужно отстрѣливаться, вдругъ расхрабрился N—скій.

— Рота въ ружье. Въ цѣпь маршъ... ложись
скомандовалъ онъ. Команда легла на гребень
сопки.

Трах-хъ—вдругъ загремѣлъ съ сосѣднихъ горъ
залпъ. Пули завизжали надъ головами.

Трах-х-хъ, трахъ... звенѣли новые залпы.

Я оглянулся. N—скій вдругъ очутился внизу—
у подошвы сопки.

— Да командуйте! командуйте же! кричалъ
онъ оттуда.

800... рота пли—крикнулъ я.

— Правильно ли опредѣлили прицѣлъ?—спра-
шивалъ онъ меня, стоя у подошвы.

— Правильно! — не соблюдая никакого чинопочитанія, крикнулъ я въ отвѣтъ.

— А тамъ еще цѣпь показалась, крикнулъ кто-то на правомъ флангѣ.

— Опять, опять цѣпь? что далеко?—забѣгалъ взадъ и впередъ N—скій.

— Шаговъ 1000 будетъ, Ваше Благородіе.

— Слушай моей команды, неслось снизу. Первая полурота — прицѣль тысяча, вторая восемьсотъ... Что тамъ—колонны или цѣпи?

— Цѣпи, смѣясь прямо въ глаза, крикнулъ Гаврюшка.

— По цѣпи... Помни же прицѣль, братцы; рота пли...

Несгройный и, повидимому, нарочно сорванный залпъ затрещалъ съ нашей сопки.

Наконецъ солдаты совсѣмъ перестали слушать команды и стали стрѣлять пачками, но N—скій все еще кричалъ—«рота пли», дѣлая между этими словами громадные паузы. Впрочемъ, его слабый голосокъ, несшійся снизу, отъ самой подошвы, едва долеталъ до слуха и заглушался выстрѣлами. N—скій, повидимому, совсѣмъ не замѣчалъ, что стрѣлки не слушаютъ его команды; онъ все еще бѣгалъ такъ же вниз, ломалъ въ отчаяннѣе руки, садился на землю, снова вскакивалъ и, повидимому, совсѣмъ машинально кричалъ «пли», прибавляя къ этому то батальонъ, то рота, то «взводъ».

Вдругъ откуда то издалека, звеня и катясь по воздуху, пролетѣлъ мимо сопки снарядъ. Бѣлое облачко вдругъ появилось надъ горой и шумя по сосѣднему полю гаюляна разсыпалось оскол-

ками. N—скій обмеръ; онъ стоялъ съ широко-раскрытыми глазами и пересталъ кричать «пли».

— Господи помилуй! Господи помилуй!—шепталъ онъ блѣдными безкровными губами.

— Вотъ трусь то! ажно муторно на него смотрѣть.

— А еще офицеръ! — покачалъ головой Егорычъ; а вѣдь, поди, рублевъ сотни полторы получаетъ? А за что?

— Эхъ! вздохнулъ кто-то изъ команды; хотѣлъ, повидимому, еще что-то сказать, но только махнулъ рукой.

Опять два одинъ за другимъ взрыва, и осколки снова зашелестѣли листьями гаоляна.

— Нѣтъ, больше держаться немислимо, невозможно. Рота за мной!—и N—скій вдругъ скрылся въ гаолянѣ, даже не дожидаясь роты. Слышно было, какъ гаолянъ шумѣлъ подъ ногами... Но черезъ нѣсколько минутъ онъ снова появился. Изъ гаоляна глядѣло его блѣдное лицо.

— Вольноопредѣляющійся, что же вы не ведете роту? Какъ вы смѣете бросать «одного» своего командира?

— Это вы одинъ бросаете свою роту, а не она васъ, сказалъ я, чувствуя, что едва сдерживаюсь.

— Встать, шагомъ маршъ...—скомандовалъ я.

— Да и правда, лучше ужъ идти, а то съ этимъ и въ самомъ дѣлѣ пропадешь, какъ собака.

Мы спустились съ горы и стали отступать по гаоляновому полю. Впереди, чуть не бѣгомъ, шель N—скій.

Въ командѣ слышались разныя толки и смѣхъ.

Часа черезъ два мы уже были въ деревнѣ. N—скій опять ожилъ и былъ неузнаваемымъ. Вѣстовой N—скаго раздобылъ откуда-то курицу и сварилъ своему командиру, но воду взялъ изъ колодца, такъ какъ рѣчки поблизости не было. Вода, очевидно, была вредна для питанія, такъ какъ сильно повліяла на желудокъ N—скаго, хотя, впрочемъ, солдатскіе нелуженые желудки ничуть не пострадали. N—скій же ужасно страдалъ желудкомъ, подалъ рапортъ о болѣзни и уѣхалъ въ тылъ. Послѣ этого я его не видѣлъ, но слышалъ, что по выздоровленіи онъ былъ назначенъ комендантомъ какого-то санитарнаго поѣзда.

Развѣдка города Гайджоу.

Кончалась уже первая недѣля нашего дежурства на авангардной службѣ. Наша пластунская команда уже вторую ночь не спала. Первую ночь съ 1-го на 2-е іюля помѣшались японскій развѣздъ, подобравшійся къ самому нашему биваку; вторую ночь мы занимали сторожевые посты; а днями непрерывно вели ожесточенную перестрѣлку съ японскими передовыми частями. Нашъ постоянный бивакъ былъ расположенъ въ сопкахъ, какъ разъ противъ деревни Саншилипу. На одной изъ сопокъ стояла полуразвалившаяся кирпичная башня; для какой цѣли она была выстроена, я не могу сказать, но, судя по трещинамъ и обвалившимся камнямъ, покрытымъ сѣдымъ мохомъ, не трудно было заключить, что эта башня принадлежала къ древностямъ Китая.

Около этой башни былъ расположенъ штабъ нашего авангарда. Въ авангардъ входило 5 или 6 ротъ 1-го В.-С. стрѣлковаго полка и 3 пластунскихъ команды 1-ой стрѣлковой дивизіи. Нашимъ командиромъ былъ полковникъ Лешъ. Въ обязанность пластунамъ вмѣнялось—поддерживать постоянное соприкосновеніе съ японцами. Каждодневно, чуть брезжилъ свѣтъ, мы оставляли свой бивакъ и шли тревожить японцевъ; только вечеромъ возвращались обратно. Около башни была поставлена подзорная труба, посредствомъ которой можно было легко наблюдать издали за японцами, въ сторону которыхъ смотрѣли наши смер-

тоносныя пушки. Верстахъ въ шести передъ нами тянулся хребетъ, отдѣляющій насъ отъ Гайджоу. Какъ разъ противъ насъ на этомъ хребтѣ возвышалась такая же, какъ и наша, башня. Кругомъ виднѣлись окопы, а недалеко можно было различить каменные ворота—тунель. Вправо разстилались голубыя тихія воды Ляодунскаго залива, по которому медленно передвигались японскія военныя суда. Около нашей подзорной трубы стоялъ постоянный дежурный артиллеристъ. Онъ время отъ времени докладывалъ полковнику Лешу о всѣхъ движеніяхъ японцевъ. Иногда, когда это было нужно, наша батарея открывала огонь.

Изъ тунеля и около башни поднимались клубы дыма и отвѣтные снаряды, завывая, разрывали воздухъ; но дальнее разстояніе и незначительность цѣли значительно уменьшали интересъ стрѣльбы, которая обычно очень скоро смолкала. За то непрерывная трескотня ружейнаго огня не прерывалась цѣлыми днями.

3-го іюля мы вернулись на бивакъ раньше обыкновеннаго—около 6 часовъ вечера. Наскоро пообѣдавъ, мы расположились на отдыхъ. Въ разныхъ позахъ — въ палаткахъ и подъ тѣнью деревьевъ лежали уставшіе пластуны. Черезъ какихъ-нибудь 20 минутъ нашъ бивакъ погрузился въ сонъ. Не представляю себѣ ясно, какъ я заснулъ, но помню, что сонъ былъ моимъ единственнымъ желаніемъ, которое мучило меня съ самой зари. Я спалъ, какъ мертвый, безъ движеній и сновидѣній. Когда я проснулся, было уже темно. Слишкомъ тяжелый сонъ и при томъ.

страшная духота—предвѣстница дурной погоды, окончательно замучили меня; голова болѣла, и во всемъ тѣлѣ чувствовалась какая-то тяжесть.

Ко всему этому меня постигло разочарованіе: сегодня привезли изъ полка почту; я съ особеннымъ нетерпѣніемъ ждалъ ее уже больше недѣли и вдругъ разочарованіе — въ этой почтѣ мнѣ не было ни одного письма. На душѣ было невыносимо тяжело, такъ какъ подходилъ приливъ невращенія, которой я страдалъ періодически съ самой китайской кампаніи. Меня давила проклятая тоска и одолевала меланхолія.

— Хоть бы письмо кто-нибудь прислалъ,—думалъ я, шляясь по биваку. Я злился и не могъ успокоиться. Чертъ возьми, хотя бы убили что-ли. По крайней мѣрѣ успокоился бы, и ничего бы тебѣ не было нужно. Свинство, гадость; что же имъ листа почтовой бумаги жалъ для меня что ли, опять негодовалъ я, подѣ впечатлѣніемъ разочарованія съ почтой...

— Впрочемъ, не хочу, не надо мнѣ никакихъ писемъ, и самъ никому не буду писать. Какія тамъ письма? на кой чертъ они нужны? Что я изъ себя представляю? кусокъ пушечнаго мяса и больше ничего; казенное имущество; что же можетъ быть общаго у меня со свободными людьми. И я все ходилъ и ходилъ по биваку, вспоминая прошлое съ какой-то болью въ сердцѣ и съ какимъ-то ожесточеніемъ.

— Къ черту все, не хочу больше мучиться, остановился я вдругъ на внезапномъ рѣшеніи.

— Кто со мной въ развѣдку?—крикнулъ я.

— Я! я!—послышалось отъ костра нѣсколько голосовъ.

Передо мной предстали стрѣлки — Миргородскій, Лысенко, Евграфовъ и фельдшеръ 10-й роты Словяниновъ. На послѣднемъ я принужденъ остановить особое вниманіе читателя.

Это была странная, неугомонная натура. Не помню ни одного опаснаго предпріятія, въ которое бы онъ не предлагалъ свои услуги. Когда же его услуги не принимались, онъ начиналъ требовать и надоѣдалъ обыкновенно до того, что ему давали винтовку, но не для развѣдки, а чтобы продержатъ его подъ ней на стойкѣ обычные два часа. Бывали даже случаи, когда онъ уходилъ въ развѣдку самовольно, безъ всякаго разрѣшенія. Его постоянной мечтой былъ переходъ въ строй; но недостатокъ фельдшеровъ служилъ ему всегда причиной отказа.

Это былъ человѣкъ дѣйствительно рѣдкой храбрости, доходящей иногда до невѣроятія, и не смотря на бездну опасностей, которыя выпадали на его долю, онъ все же оставался пока цѣлымъ и невредимымъ.

Я остался вполне доволенъ вызвавшимися въ развѣдку, — это былъ смѣлый, испытанный народъ, на котораго можно было всегда положиться. Оставивъ ихъ на бивакѣ, я пошелъ къ командиру, поручику Бѣлослюдцеву, и сталъ просить разрѣшенія отправиться въ развѣдку, такъ какъ я зналъ, что сегодняшней ночью командиръ авангарда—полковникъ Лешъ самъ хотѣлъ вызвать охотниковъ на развѣдку въ тылъ къ японцамъ—въ окрестностяхъ города Гайджоу. Бѣлослюдцевъ

лично ничего не имѣлъ противъ этого, но пошелъ доложить о нашемъ желаніи полковнику Лешъ. Черезъ полчаса насъ вызвали.

Мы явились къ башнѣ, около которой горѣлъ огромный костеръ. Около костра на буркѣ, разложенной на землѣ, расположилось нѣсколько человѣкъ офицеровъ; передъ ними лежала карта. Офицеры очень оживленно обсуждали одну изъ прошлыхъ развѣдокъ и со вниманіемъ разглядывали карту. Среди нихъ находился очень молодой, безусый переводчикъ изъ штаба 1-го Сибирскаго корпуса—Ишшенко. При взглядѣ на него, у меня невольно родилась картинка изъ далекаго прошлаго. Мнѣ вспоминалась обширная зала хабаровской кадетской школы, вся наполненная кадетами, среди которыхъ и тамъ и сямъ мелькала гладкая съ короткими волосами льняного цвѣта голова, до странности миниатюрнаго и наивнаго мальчика, съ розовымъ привѣтливымъ и нѣжнымъ лицомъ, одѣтаго въ кадетскій мундиръ.

Это былъ Иршенко — тотъ самый, котораго я увидѣлъ у костра, но спустя 15 лѣтъ. Думалъ ли я, что мы встрѣтимся въ подобной обстановкѣ. Встрѣча была очень теплая и сердечная...

Мы выстроились около костра. Къ намъ подошелъ полковникъ Лешъ, веселый и привѣтливый.

— Вотъ что, молодцы, обратился онъ къ намъ, намъ нужно провѣдать, что дѣлается въ Гайджоу и сколько тамъ приблизительно непріятельскихъ войскъ.

— Слушаемъ, Ваше Высокоблагородіе.

— Идите съ Богомъ; и онъ благословилъ каждого изъ насъ и расцѣловалъ. — А что бы вамъ

было веселѣе идти, я прикажу музыкантамъ съиграть что-нибудь. Но только будьте осторожнѣй, имѣйте въ виду, что въ Саншилипу наше сторожевое охраненіе, а около той сопки, гдѣ вы сегодня были, наша засада,—смотрите не примите за японцевъ. Пароль сегодня—«Николай».

Насъ окружилъ тѣсный кружокъ солдатъ и офицеровъ, которые высказывали каждый свое мнѣніе относительно пути нашего слѣдованія. Одни говорили, что лучше всего идти вправо и пересѣчь сопку около деревни Танчи; другіе совѣтовали пройти рядомъ съ французской миссіей; многіе же высказывали, что самое безопасное—пройти по берегу моря.

— Такъ что, Ваше Выс—діе, имъ самое лучшее податься на проломъ черезъ ворота, — посоветовалъ длинноусый высокій казакъ.

Мы остановились на мнѣніи — идти берегомъ моря.

Мы вышли подъ звуки мелодичнаго чарующаго вальса. Сначала идти было очень трудно, но мало-по-малу мы шли все быстрѣе и быстрѣе, вполнѣ осваиваясь съ непроницаемой темнотой.

Но вотъ въ темнотѣ передъ нами точно выросли изъ-подъ земли темныя фанзы деревни Саншилипу.

— Кто идетъ?—окликнулъ часовой.

Мы крикнули въ отвѣтъ пароль. Къ намъ подошло нѣсколько человѣкъ солдатъ и два офицера. Одинъ былъ генеральнаго штаба полковникъ Андреевъ, другой командиръ пластуновъ 1-го Вост.-Сибирскаго стрѣлковаго полка, капитанъ Пискуновъ. Начались новые разспросы и

новые совѣты. Солдаты сочувственно смотрѣли на насъ, какъ на приговоренныхъ къ смерти. Передохнувъ немного, мы двинулись дальше. Полчаса спустя, мы свернули тропинкой въ густой лѣсъ гаоляна, который своими широкими и длинными листьями, задѣвавшими другъ друга, производилъ сильный шумъ. Лѣвѣе насъ тянулся въ темнотѣ небольшой хребетъ горъ.

— Сейчасъ наша засада, — сказалъ Словяниновъ.

— Кто идетъ? — прозвучало какъ бы въ отвѣтъ, и рѣзкій металлическій звукъ щелкнувшаго затвора послышался одновременно съ опросомъ.

— «Николай», — крикнулъ Словяниновъ. — А ты что, ужъ убивать вздумалъ? Не торопись, братъ, — на тотъ свѣтъ и безъ тебя поспѣемъ.

— Что? патруль что ли? — подошелъ къ намъ старшій въ засадѣ.

— Нѣтъ не патруль, а развѣдчики 3-го стрѣлковаго полка.

Черезъ нѣсколько минутъ мы шли уже дальше, забирая вправо.

Костеръ нашего бивака скрылся за склономъ сопки, а въ томъ направленіи, гдѣ онъ горѣлъ, была сплошная тьма. Музыки уже не было слышно, и лишь густой гаолянъ монотонно и однообразно шумѣлъ и навѣвалъ невеселыя думы. Мы были уже далеко отъ своей засады и начинали чувствовать себя какъ бы отрѣзанными и одинокими.

Духота уступала свои права сырости отъ близости моря, которое едва слышно шумѣло. Почва

становилась все мягче и мягче, пока, наконецъ, не обратилась въ грязь. Передъ нами разстилалась широкая безмолвная громада моря, сливавшаяся съ темнымъ небомъ.

Вдали горѣли фонари японскихъ судовъ.

Вдругъ съ одного изъ судовъ появилась яркая голубая полоса электрическаго свѣта; она протянулась сквозь темноту ночи черезъ все море, скользя по зеркальной поверхности и заливая ее серебристо-голубымъ блескомъ. Скоро она уперлась въ хребетъ горъ. Нѣсколько мгновений сопка, часть деревни и высокія деревья были залиты мягкимъ свѣтомъ и вырисовывались съ рельефной ясностью. Но вотъ полоса быстро перемѣнила направленіе,—блестящій отсвѣтъ пробѣжалъ, стремительно разсѣкая темноту и быстро скользя по гаолянѣ, горамъ, фанзамъ; на моментъ она ослѣпила насъ и остановилась на подошвѣ одной изъ сопокъ Гайджоускаго хребта, освѣщая японскаго часового. И какъ бы убѣдившись, что часовой бодрствуетъ, она побѣжала дальше. Сопка была очень близка отъ насъ, въ какихъ-нибудь 100 саженьяхъ. Минуть черезъ пять, перемѣнивъ еще два-три направленія, полоса вдругъ исчезла, какъ бы нырнувъ въ черную воду.

— Ну что жъ, ребята, значить въ кругосвѣтное плаванье, на манеръ броненосца. Ахъ жаль только щиблеты промочить.

— А я свои сниму, говоритъ Миргородскій. Онъ снялъ свои китайскія туфли и привязалъ ихъ къ поясу. Ну, теперь и циркулировать можно, сказалъ онъ и перекрестившись, какъ дѣла-

ютъ это передъ купаньемъ и скомандовавъ самъ себѣ «шагомъ маршъ», зашагалъ по водѣ.

Мы рѣшили обойти сопки въ бродѣ.

Вода чуть слышно плескалась подъ нашими ногами; мы забродили все дальше и дальше; берегъ исчезъ въ темнотѣ; было мелко, и вязкое тинистое дно засасывало ноги,—идти было трудно. Шаговъ 200 спустя, становилось глубже.

— Ну, ребята, ужъ больно глубоко, сказалъ Миргородскій, фйгура котораго погрузилась до груди въ воду.—Забирай, ребята, ближе къ берегу. Глубина все-таки не уменьшалась, хотя черное очертаніе берега снова появилось около насъ. А сейчасъ же за нимъ громоздились Гайд-жоускія горы.

— Эхъ, ты, будь ты не ладна, щиблеты то я свои насквозь промочилъ, ужъ лучше бы не снималъ, а то только ноги даромъ въ грязи запачкалъ, а теперь придется на грязныя ноги мокрыя туфли надѣвать.

— Ну, кажись, вылѣзть придется, — черезъ эту глыбъ не пробраться.

— Возвращайся назадъ, сказалъ я.

— А какъ же быть то?

— Надо поискать лодку, мнѣ что-то помнится, вонъ въ той деревнѣ я видѣлъ одну—сказалъ Евграфовъ.

Мы вышли на берегъ и пошли быстро обратно. Скоро послышался лай собакъ изъ фанзы, которая стояла на самомъ берегу. Въ небольшомъ заливчикѣ мы различили черный длинный корпусъ лодки, вытащили ее съ мели и столкнули въ глыбъ. Все было готово къ нашему путеше-

ствію. Вмѣсто весель мы примѣнили приклады винтовокъ, и наша ладья, чуть слышно разсѣкая дремлющую поверхность, поплыла впередъ. Пять прикладовъ усиленно работали. Берегъ снова слился съ общей темнотой ночи.

— А дѣло то вѣдь плохо, сказалъ неожиданно Евграфовъ,—лодка то вѣдь воду пропускаетъ.

Дѣйствительно, мы стали замѣчать, что въ лодкѣ становится все больше и больше воды, которая уже скрывала ступню нашихъ ногъ. Положеніе становилось серьезнымъ.

— Поворачивай назадъ, распорядился я.

Лодка медленно стала перемѣнять направление. Миргородскій какъ-то нечаянно качнулся; лодка накренилась на одинъ бокъ, черпнула бортомъ цѣлую волну воды и стала медленно погружаться.

— Ребята, тонемъ, испуганно крикнулъ Евграфовъ и прыгнувъ исчезъ подъ водой. На поверхности остался черный кругъ его фуражки. Черезъ моментъ онъ снова появился на поверхности и растерянно схватился за бортъ лодки. Мы болѣе спокойно, чѣмъ Евграфовъ, погрузились въ холодную темную воду и, держась одной рукой за бортъ, усиленно гребли, направляясь къ берегу.

Въ лодкѣ остался одинъ только Лысенко, съ нашими винтовками, такъ какъ онъ не умѣлъ плавать. Лодка была полна воды и, едва сдерживая тяжесть одного, медленно двигалась впередъ, подталкиваемая нами.

— Ты что же это, землякъ, крабовъ имать мырнулъ что ли?

— Какое имать, самъ было имъ на закуску попаль. Шелъ, шелъ ко дну, ажно скушно стало, а окромя того вода то ужъ больно не скусная, до сихъ поръ изъ нутра воротить.

Наконецъ, ноги наши начали задѣвать за дно. Берегъ появился передъ глазами, чуть виднѣясь въ сѣрой мглѣ умирающихъ тѣней ночи и слабыхъ утреннихъ лучей. Звѣзды блѣднѣли и потухали. Надъ моремъ плавалъ густой туманъ, сквозь который виднѣлись гигантскіе корпуса японскихъ крейсеровъ, красивые очертанія которыхъ съ каждымъ моментомъ все яснѣе и яснѣе вырисовывались передъ нами.

Горы выдвигались изъ темноты, какъ бы сбрасывая съ себя таинственный покровъ ночи. На вершукѣ одной изъ сопокъ выросла фигура японскаго часового.

Выйдя на берегъ, мы тщательно выжали нашу намокшую одежду, вылили изъ сапогъ воду.

Солнце брызнуло изъ-за горъ своими веселыми золотыми лучами. Наступало утро. Въ отдаленіи затрещали выстрѣлы.

Цѣлый день бродили мы по гаолянѣ, разглядывая Гайджоускій хребетъ и ища удобнаго мѣста, гдѣ бы можно было съ наступленіемъ ночи пересѣчь его.

А выстрѣлы трещали все чаще и настойчивѣе слѣва и даже сзади насъ, какъ разъ съ того мѣста, гдѣ ночью была наша засада. Пули, изрѣдка пересѣкая стебли и листья гаоляна, пролетали недалеко отъ насъ, заунывно визжа и какъ бы жалуясь на что-то. Изрѣдка появлялись пустые

бѣлая облачка дыма и слышался отдаленный звукъ разрывавшихся шрапнелей.

Съ полудня мы стали ощущать сильный голодъ и зашли въ одну изъ деревень, съ цѣлью утолить его. Однако поиски наши оказались безрезультатны. Вся деревня была разорена, и кромѣ зеренъ гаоляна въ фанзахъ нельзя было найти ничего. Одинъ изъ хозяевъ фанзы кое какъ ломаннымъ русскимъ языкомъ разсказалъ намъ, что какъ только наступаетъ ночь, японцы покидаютъ хребетъ и переходятъ на ночлегъ въ долину, занимая деревни, передъ которыми выставляютъ сторожевое охраненіе. Мы условились до наступленія ночи пробывать въ гаолянѣ за деревней съ тѣмъ расчетомъ, что бы японцы прошли мимо насъ, но своихъ поисковъ не оставили.

Больше всѣхъ хлопоталъ Миргородскій; онъ побывалъ во всѣхъ фанзахъ, осмотрѣлъ всѣ закоулки и клѣтшки, отъ его вниманія не ускользнули и курятники, въ одномъ изъ коихъ онъ извлекъ яйцо, оказавшееся впрочемъ болтуномъ...

Теперь онъ скрылся въ листвѣ китайскаго огорода, но черезъ нѣсколько минутъ снова вернулся, таща за косу китайца, который упирался и неистово ругался по-русски.

— Что съ нимъ дѣлать, Петровичъ?—еще издали кричалъ онъ мнѣ: я возился въ огородѣ, а онъ изъ-за забора пустилъ въ меня камнемъ и угодилъ прямо въ лобъ, ажно искры посыпались. Дѣйствительно, на лбу Миргородскаго сіяла основательная звѣзда. Китаецъ вырывался и продолжалъ ругаться, но Миргородскій крѣпко держалъ его; вдругъ китаецъ быстро повернулъ голову,—

его кривые желтые зубы свирѣпо вцѣпились въ руку Миргородскаго, изъ которой показалась кровь. Миргородскій вскрикнулъ отъ боли и, рванувъ руку, выпустилъ косу. Китаецъ бросился бѣжать, но не успѣлъ онъ сдѣлать 10 шаговъ, какъ его догналъ Словяниновъ и быстро повалилъ на землю.

— Я его задавлю, какъ собаку, кричалъ онъ.

— Ну, это то положимъ ужъ слишкомъ, а выпороть не мѣшаетъ. Начался совѣтъ, сколько штукъ отпустить буяну.

— Да кати, пока не сдохнетъ, посоветовалъ Миргородскій, перевязывая свою укушенную руку.

Наконецъ, китаецъ былъ разложенъ на землю, и Миргородскій отпустилъ ему 30 поясовъ.

— Его теперь не слѣдуетъ пускать въ японскую сторону, потому все равно насъ выдастъ.

Послѣ описанной операціи, китаецъ побѣждалъ деревнѣ Танчи, но его снова схватилъ Словяниновъ. Теперь наказанный не бился и не ругался, а всхлипывалъ и стоналъ (хотя, понятно, все это была одна комедія).

— Ходя! (Товарищъ)! твоя не ходи сюда, указывая на Танчи, объяснилъ Словяниновъ, — твоя ходи ю, моя кандрами чики ю! (если ты пойдешь, я убью).

— Пудчжидео (не понимаю) — лепеталъ китаецъ.

— Ну, понятно не понимаетъ, сказалъ Миргородскій, — развѣ съ китайцами по-русски говорить? А вотъ я ему по ихнему растолкую, такъ все пойметъ, и онъ началъ растолковывать.

— Ходя, твоя гидо-погидо? Твоя эта пуза ходи не надо, твоя въ эту пузу ходи можна (Товарищъ, понимаешь или не понимаешь? Ты въ эту деревню не ходи, а въ эту деревню идти можешь). Но какъ не объяснять знатокъ китайскаго языка, но ходя (товарищъ) его понять никакъ не могъ.

— А ну его къ черту, представляется, что не понимаетъ.

— Плюнь на него, ребята; что съ нехристомъ возяться.

Мы оставили его неутѣшно плачущимъ, а сами двинулись дальше.

Не найдя въ этой деревнѣ ничего съѣстнаго, кромѣ нѣсколькихъ кривыхъ и маленькихъ огурцовъ, мы отправились въ сосѣдную деревню. Встрѣтившіеся намъ на пути 5 человекъ сибирскихъ казаковъ, возвращавшихся съ развѣдки, на вопросъ, нѣтъ ли у нихъ сухарей, охотно предложили намъ часть своей скромной трапезы. Они слѣзли съ лошадей и, усѣвшись въ кружокъ, высыпали на землю въ кучу сухари. Мы подѣли къ нимъ. Начали скромный, но аппетитный обѣдъ, за которымъ мы весело болтали.

Недалеко тянулись одна за другой сопки, на нихъ ясно виднѣлись японцы. Вдругъ на сопкѣ изъ окоповъ поднялось облачко и надъ нашими головами разорвалась шрапнель. Мы быстро рассыпались въ цѣпь.

— А, ну-ка, братцы, 1600—крикнулъ я.

Прицѣлы тотчасъ же были поставлены, 5 винтовокъ со штыками и 5 безъ штыковъ направлены на сопки.

— Взво-дѣ! —скомандоваль я.

Мы сосредоточенно прицѣлились.—Пли!—Десять пуль, визжа и перегоняя другъ друга, стремительно понеслись къ непріятелю. Японцы быстро спрятались въ окопъ. Но черезъ мгновеніе появились снова и хлопотливо задвигались около пушки.

— Пли!—снова кричу я.

У японцевъ переполохъ, одинъ падаетъ на спину, другой грудью на пушку, какъ бы стараясь съ размаху столкнуть ее съ мѣста.

— Ну, будетъ съ нихъ!—И черезъ минуту мы были въ гаолянѣ. Надъ головами разорвалось еще нѣсколько снарядовъ, но безрезультатно.

Казачи поѣхали своей дорогой, а мы пройдя гаоляномъ съ версту, — направились къ деревнѣ Танчи.

Солнце склонялось къ закату. Мы зашли въ кумирню, которая стояла передъ деревней, и спрятались за глиняныя фигуры китайскихъ боговъ. Сумерки между тѣмъ сгущались все больше и больше. Въ воздухѣ чуть примѣтно плавали облака серебристаго тумана. Въ сосѣднемъ болотѣ слышался какой-то фантастическій оркестръ, —это заливались на разные лады лягушки; монотонно и однообразно звенѣли назойливые комары. Гдѣ-то влѣво — въ отдаленіи слышался раскатистый тревожный выстрѣлъ, и снова тихо, тихо до того, что ясно слышишь біеніе собственнаго сердца. И вотъ вся музыка природы.

Откуда то изъ щели кумирни вылетѣла летучая мышь, за ней другая, третья и цѣлый хороводъ этихъ маленькихъ животныхъ задвигался

по разнымъ направлѣніямъ, точно вытанцевывая какой-то невѣдомый людямъ причудливый танецъ. Они летали вокругъ кумирни неравномѣрно и странно махая своими перепончатыми крыльями, то поднимаясь кверху, то исчезая на темномъ фонѣ земли, то, вдругъ, бросаясь въ сторону, точно встрѣчая на пути невидимое препятствіе.

— Миргородскій! глянь ка, паря, сколько антихристовъ то летаетъ? Сразу видно, что нечистое мѣсто, шепчетъ Лысенко.

— Дурья голова; какіе же это антихристы. Солдату въ Бога надо вѣрить, а онъ всякую погань летучую во вниманіе принимаетъ. Противно даже,—словно не русскій, а манза косатая.

— А развѣ ты не знаешь, эвта-то погань и есть оборотни, души, значить, не отпѣтыя али проклятыя. Спокоя онѣ никогда никакого не имѣютъ и, какъ ночь наступаетъ, онѣ въ этихъ самыхъ антихристовъ, либо въ лягушку ликъ смѣняють, а къ утру опять въ человѣка нарождаются.

— Дуракъ ты, землячекъ, и больше ничего!..

Но вотъ въ отдаленіи послышался неясный шумъ гаоляна; Миргородскій и Лысенко мгновенно смолкли. Лѣсъ гаоляна едва шелестя раздвинулся, и передъ нами появилась фигура японца. Онъ озираясь кругомъ, шелъ медленно и осторожно, какъ бы боясь наступить на что-то острое или провалиться въ тайную яму. За нимъ еще и еще и, наконецъ, около роты японцевъ прошло мимо нашей кумирни. Одинъ, должно быть японскій офицеръ, остановился и взглянулъ.

внутри кумирни, но мы были неподвижны и безмолвны, какъ рядомъ сидящіе съ нами глиняные истуканы. Японецъ прошелъ вслѣдъ за своими, совсѣмъ не подозрѣвая, что въ кампаніи съ китайскими богами находятся пять его смертныхъ враговъ.

Подождавъ еще съ полчаса, мы тихо вышли изъ кумирни и направились къ сопкамъ.

— Ну, ребята, чуть было я васъ всѣхъ не вхлопалъ. Когда эта японская морда смотрѣла къ намъ въ кумирню, мнѣ страсть какъ захотѣлось кашлять; и чудное дѣло, вѣдь и кашля совсѣмъ нѣтъ, а вотъ когда нужно тише быть, то отколь его нелегкая принесла. Закрывъ ротъ ладонью, чуть не задохнулся, все-таки, слава Богу, стерпѣлъ,—разсказывалъ Словяниновъ.

— Это ужъ всегда такъ бываетъ.

— А я то, сидѣлъ какъ разъ у входа, на самомъ, значить, виду, дышать даже пересталъ, какъ мумій какой египетскій; а комаръ, подлець этакій, сѣлъ на носъ, да и впился, хошь карать кричи, и замѣчательно, ушелъ японецъ и комаръ сейчасъ же улетѣлъ, просто зло беретъ, сообщилъ Евграфовъ.

Вскорѣ мы взобрались, еле переводя дыханіе, на крутыя каменистыя громады хребта, двигаясь по узкой извилистой тропинкѣ, ведущей изъ Танчи. Въ воздухѣ было душно; онъ былъ еще до сихъ поръ переполненъ зноемъ, который, не смотря на ночь, еще не успѣлъ исчезнуть,—онъ какъ будто бы висѣлъ надъ землей. На небѣ появились тяжелыя черныя тучи, которыя рвались на

кючки, растягиваясь по небу. Становилось все темнѣй и темнѣй.

— Гроза надвигается! сказала Словяниновъ, глядя на небо.

— А это къ лучшему, легче пробраться.

Вдругъ, откуда не возмись, рванулъ сильный порывъ вѣтра. Нѣсколько тяжелыхъ холодныхъ капель упало на землю; громадная огненная стрѣла, сломавшись въ нѣсколькихъ мѣстахъ, пролетѣла по небу и утонула въ пушистой черной тучѣ. На одинъ моментъ все освѣтилось яркимъ пламенемъ и вдругъ загрохоталъ и прокатился громовой ударъ.

Дождь сталъ падать чаще и чаще и, наконецъ, обратился въ отчаянный ливень. Какъ будто бы прорвалось небо.

Черезъ минуту мы были мокры съ ногъ до головы. Крупныя капли били въ лицо и барабанили по промокшему платью и фуражкамъ.

Въ сапогахъ было полно воды, а къ подошвамъ прилипали кучи грязи. Было скользко и грязно. Мы шли на—ощупь, зрѣніе утратило всякое значеніе.

Крутизны сопокъ и незнакомыя мѣста страшно препятствовали нашему путешествію.

Холодный вѣтеръ разъяренно рвалъ нашу тонкую промокшую одежду, леденилъ насъ и старался столкнуть съ ногъ.

Цѣлую ночь мы пробирались, еле передвигая ноги, шагъ за шагомъ. Мы то поднимались чуть ли не подъ самое небо, то спускались глубоко внизъ

Къ утру вѣтеръ сталъ. понемногу стихать, и ливень смѣнился мелкимъ дождемъ. Мы спустились въ долину между сопокъ и шли по гаолянѣ. Начало свѣтать. Поле высокаго гаоляна кончалось. Мы вышли изъ гаоляна и сейчасъ же бросились назадъ...

Передъ нами въ полумракѣ открылся цѣлый рядъ японскихъ палатокъ, загораживая намъ путь. Налѣво и направо на сопкахъ неподвижно стояли промокшіе японскіе часовые, сзади на сопкѣ такъ же стояла фигура часового. Какъ мы прошли мимо него незамѣченные и не замѣтивъ его, я прямо таки не могу дать отчета.

Усталые и промокшіе мы легли въ гаолянѣ въ грязь и начали совѣтоваться. Но совѣты не приводили ни къ какимъ результатамъ, такъ какъ выйти изъ этого поля было нельзя никакимъ способомъ. Намъ могла спасти одна лишь ночь, а ее нужно было ждать. Но ждать ночи съ самаго разсвѣта—это было больше, чѣмъ наказаніе, при такихъ условіяхъ, въ какихъ мы были.

— Ну, ребята, дѣло то совсѣмъ плохо. Изволька цѣлый день въ гаолянѣ сидѣть.

— Что жъ, просидѣть бы не бѣда, да гляди ка грязища то какая, унаси Господи.

— Ну это еще небольшая бѣда, а вотъ голодному то ужъ больно погано. Въ животѣ отъ голоду кишки точно живыя вертятся.

— А ко всему этому ни у кого ни табаку нѣтъ, ни спичекъ,—все промокло.

— Ничего, братъ, теперь не подѣлаешь.

Дождь мало-по-малу пересталъ, тучи уплывали къ сѣверу, небо очищалось. Востокъ зарумянился зарей.

— Хоть бы солнце скорѣй взошло, по крайней мѣрѣ хоть подсохнешь немного.

— Да и табачекъ высушить тоже можно, говорилъ Миргородскій, разворачивая платокъ, въ которомъ у него была цѣлая четверть махорки и листъ газетной бумаги для цигарокъ. Тутъ же хранились и спички. Но все это не годилось въ употребленіе, такъ какъ было не сушѣ насъ самихъ. Миргородскій въ ожиданіи солнца растянулъ тщательно выжатый платокъ и тонкимъ слоемъ рассыпалъ по немъ махорку, а газетный мокрый листъ повѣсилъ на стебель гаоляна въ видѣ флага.

Цѣлый день мы просидѣли въ гаолянѣ, не смѣя выглянуть изъ своей засады. Яркое солнце выплыло на небо, сверкая и играя своими жаркими палящими лучами. Черезъ полчаса всѣ необходимые для куренія атрибуты были высушены, и цигарки, выдѣляя голубоватый дымъ, торчали въ зубахъ моихъ развѣдчиковъ.

— А вотъ, ребята, покуримши то какъ будто и ѣсть не такъ больно хочется, говорилъ Лысенко.

— Сколь, братъ, не кури, а жрать все-таки хочется, протестовалъ Словяниновъ.

Безсонныя ночи давали о себѣ знать. Сонъ мучилъ и томилъ меня, и я, забывъ опасность, крѣпко заснулъ. Мнѣ снился странный сонъ, который былъ рельефенъ, какъ сама дѣйствительность, и который запечатлѣлся въ памяти до мельчайшихъ подробностей. Пыльная и безконечно длинная дорога тянулась съ одного конца горизонта на другой; въ концѣ этой дороги копошились маленькія-маленькія фигуры людей, точно

какой-нибудь муравейникъ; тамъ слышались выстрѣлы и сіяло зарево пожара. По этой пыльной дорогѣ шель цѣлый караванъ, тянулись безконечныя толпы народа, сради которыхъ находились сѣдые старики-великаны, одѣтые въ холщевыя бѣлыя рубахи; они несли на плечахъ длинныя гигантскіе кресты, которые задѣвали за облака. По обѣимъ сторонамъ дороги тянулись длинныя заборы. Многіе, идя по этой дорогѣ, и изнемогая отъ жары, казались усталыми и страдающими; нѣкоторые перелѣзали черезъ заборы, а тѣла ихъ начинали рваться на части и отваливались отъ костей; оставались лишь бѣлые скелеты, которые бѣжали куда-то далеко далеко, задѣвая другъ за друга и стуча при этомъ своими костями.

Одинъ изъ великановъ, обливаясь кровавымъ потомъ, остановился у забора и облокотилъ на него свой длинный крестъ; потомъ онъ сталъ на колѣни передъ своей ношей, обнялъ подножіе креста и горестно съ покорностью наклонилъ голову; послышались глухія неутѣшныя рыданья.

Но вдругъ вся эта картина мгновенно смѣнилась другой: передо мной выросли громадныя горы, которыя поднимались одна надъ другой. Я стоялъ въ долинѣ на узенькой тропинкѣ въ раздумѣ, куда идти, такъ какъ тропинка развѣтвлялась на-трое. Мѣстность мнѣ была какъ будто бы знакома, но я не могъ вспомнить, гдѣ я видѣлъ ее раньше.

— Гдѣ я нахожусь, куда иду?—спрашивалъ я кого-то.

— Мы пробираемся къ Гайджоу, отвѣтилъ мнѣ откуда-то неожиданно появившійся Миргородскій.

— Нужно идти вотъ этой долиной, указывалъ онъ мнѣ.

Тутъ же высунули изъ гаоляна свои головы Словяниновъ, Евграфовъ и Лысенко. И мы, взявшись впятеромъ за руки, идемъ другъ за другомъ по тропинкѣ осторожно и медленно. Какъ вдругъ передъ нами какая-то дверь, замкнутая на замокъ: замокъ этотъ заржавѣлъ и стучить глухими ударами о скобу двери; съ большими усилиями мы ломаемъ дверь; навстрѣчу намъ льется розоватый пріятный свѣтъ и привѣтливо улыбается стройная, лучезарная, очаровательная и прозрачная, какъ воздухъ, женщина; въ ея рукахъ горитъ факель, который свѣтитъ золотымъ огнемъ.

— «Я—Привидѣніе», шепчутъ уста женщины; «я хочу спасти васъ, идите туда, куда свѣтять лучи моего свѣтильника».

Кругомъ тишина и лишь верхушки одной изъ сопокъ освѣщены золотыми лучами; а въ той долинѣ, куда направились мы, что-то гремѣло и оттуда чувствовалось чье-то горячее дыханіе; какое-то громадное страшное чудовище выползло изъ этой долины, сверкая своими грозными выпуклыми глазами.

Мы быстро бросились на залитую золотымъ свѣтомъ гору, а громадное чудовище пропало по тому мѣсту, гдѣ мы только что стояли; острая чешуя чудовища сверкала фосфорическимъ синимъ цвѣтомъ.

— Петровичъ, вставайте! говорятъ мнѣ товарищи,—япошки ушли.

Тяжелый сонъ мгновенно оставилъ меня. Я вскочилъ на ноги весь потный отъ только что пережитыхъ сновъ.

Дѣйствительно, въ ложбинѣ виднѣлся хвостъ удаляющейся японской колонны. Палатки исчезли и вмѣсто нихъ на землѣ остались лишь—завядшій гаолянъ и пепелъ костровъ. Японскіе часовые были также сняты съ постовъ. Солнце уже закатилось за горы, но одна изъ вершинъ, находившаяся противъ насъ, была точно позолочена послѣдними лучами палящаго свѣтила; и странно, эта освѣщенная вершина была точно копіей той вершины, которую я видѣлъ только что во снѣ. Я рассказалъ свой сонъ товарищамъ.

— Ну, коли такъ, то и нужно идти на эту сопку, твердо и безъ колебаній заявилъ Словяниновъ.

Мы смѣло начали взбираться на сопку, и когда осилили ее, серпъ новорожденной луны уже царилъ надъ землею. Изъ ложбины, по которой мы хотѣли двигаться, вышелъ эскадронъ японцевъ. Луна сверкала на стали ихъ винтовокъ. Они ѣхали шагомъ, направляясь къ полю гаоляна, который мы только что покинули. Я вздрогнулъ и какъ прикованный стоялъ на одномъ мѣстѣ. Провидѣніе спасло насъ! Мои товарищи безмолвно стояли и смотрѣли на эскадронъ. Одинъ снялъ фуражку и перекрестился, другіе послѣдовали его примѣру.

— Петровичъ! сказалъ Словяниновъ, какъ же это люди сказываютъ, что Бога нѣтъ? А это то

что? Развѣ не Богъ надоумилъ насъ идти по этой сошкѣ?

Въ это время до насъ донесся отдаленный и чарующій мотивъ русскаго гимна. Въ нашемъ лагерѣ была «повѣрка».

Русскій гимнъ смѣнился торжественнымъ мотивомъ—«Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ», а затѣмъ послышалось пѣніе «Отче нашъ».

Мы присоединились къ молящимся товарищамъ, не смотря на разстояніе, которое насъ отдѣляло.

Со стороны нашего лагеря, гонимые легкимъ попутнымъ вѣтеркомъ, до насъ доносились звуки роднаго торжественнаго пѣнія и музыки; въ то же время въ противоположной сторонѣ мы наблюдали лагеря японцевъ у Гайджоу. Ихъ было нѣсколько группъ. Бѣлыя палатки, освѣщенные лучами луны, ясно виднѣлись въ долинѣ. Были видны костры, лошади и сами японцы.

Мы насчитали 11 большихъ лагерей и нѣсколько группъ малыхъ. Почти вся долина была усыяна палатками.

Разглядѣвъ все подробно, мы двинулись обратно. По знакомому пути идти было несравненно легче.

Войдя въ ту ложбину, гдѣ мы провели цѣлый день, мы вдругъ наткнулись на трехъ японцевъ. Какъ они, такъ и мы мгновенно легли на землю и нѣсколько встрѣчныхъ выстрѣловъ огласили окрестности. Японцы не выдержали и бросились бѣжать; мы преслѣдовали ихъ выстрѣлами. Одинъ бѣжалъ медленнѣе другихъ и хромалъ. Онъ быстро сѣлъ на землю и сталъ возиться со своей

ногой; черезъ моментъ онъ снова бѣжалъ вслѣдъ за товарищами.

Всѣ трое скрылись въ знакомомъ намъ гаолянѣ. На землѣ, гдѣ сидѣлъ японецъ, остался какой-то бѣлый предметъ, который ясно виднѣлся, освѣщенный луннымъ свѣтомъ. Изъ гаоляна сыпались пули, мы же не могли отвѣчать, т. к. не видѣли цѣли, а стрѣлять въ море гаоляна было бесполезно. Словяниновъ, не взирая на пули и наши совѣты побѣждалъ къ предмету, оставленному японцемъ. Богъ хранилъ его. Черезъ нѣсколько минутъ мы разглядывали бѣлый гамашъ и башмакъ, прострѣленные пулей, окрашенные и влажные отъ крови.

— Вотъ, если бъ онъ сухарей или бы вообще чего-нибудь съѣстного оставилъ, вмѣсто башмака, куда-бы лучше было, проговорилъ, смотря на башмакъ, Евграфовъ.

— А я такъ, кажется, и башмакъ бы съ удовольствіемъ проглотилъ отъ голода.

Всѣ мы вспоминали о голодѣ, и онъ сталъ еще больше мучить насъ.

— Ахъ, чтобъ тебѣ пусто было; и на кой чортъ о пищѣ сталъ говорить,—ѣсть еще больше захотѣлось. Я, кажись, гаолянъ сырой буду ѣсть.

— На самомъ дѣлѣ, развѣ не все равно, что хлѣбъ,—согласился Евграфовъ и сталъ срывать метелковидные верхушки наливающегося гаоляна, набивая ими свой ротъ. Онъ нашелъ, что, хотя гаолянъ и не «скусный», но ѣсть все-таки можно.

Чтобы утолить голодъ, пришлось послѣдовать его примѣру. Дѣйствительно, голодъ, какъ будто сталъ, понемногу оставлять насъ.

Однако время уже двигалось къ полуночи, нужно было торопиться. Луна уже скрылась за горами, было темно, небо горѣло южными зарницами. Гора за горой оставались за нами, а впереди были новыя и новыя; но вотъ, наконецъ, осталась уже послѣдняя сопка, за которой тянулась нейтральная полоса до нашихъ позицій.

— Ребята, скорѣй надо, ужъ начинается брезжить свѣтъ.

— Да, да, скорѣй, а то налетимъ на японцевъ днемъ, — трудно будетъ проходить черезъ посты.

— Да и ночью не совсѣмъ легко.

— А вонъ гляди и часовой, чортъ бы его побралъ.

— Тише, что ты орешь!

— Какъ быть, нужно обходить этого чорта.

— Не стоитъ, потому, разъ здѣсь часовой, то и на другого не трудно наткнуться, навѣрно близко и другіе посты.

— Правду говоришь! сначала нужно съ этимъ кончить, — все ровно вѣдь съ кого начинать.

— Давай, ребята, со всѣхъ сторонъ его окружимъ и начнемъ подползать.

Мы стали размыкаться въ цѣпь и затѣмъ тихо поползли къ часовому, который неподвижно стоялъ подъ деревомъ; но странно, кругомъ было совершенно открытое мѣсто, а поста не было видно.

— Что же это значить? — думалъ я, пробираясь все ближе и ближе; почему онъ стоитъ не на самой вершинѣ, а на склонѣ, — вѣдь вершина загораживаетъ ему кругозоръ?

— Я подползъ уже совсѣмъ близко, мнѣ ясно было слышно, какъ подползали мои товарищи съ другой стороны, но часовой все еще оставался неподвижнымъ и, казалось, не слышалъ насъ.

Я поражался все больше и больше. Вижу силуэтъ Словянинова, который почти уже доползъ до часового; потомъ онъ вскочилъ на ноги и, держа ружье наготовѣ, бросился на него, но тотчасъ же остановился и опустил винтовку.

Я тоже уже былъ около часового, и тутъ только мы поняли все. Оказалось, что это былъ вовсе не японскій часовой, а повѣшенный на деревѣ китаецъ. Вѣтка, на которой висѣлъ трупъ китайца, нагнулась, и трупъ не касался земли вершка на два не больше, чего, понятно, мы не могли видѣть издалека.

Трупъ насъ очень заинтересовалъ; мы обрѣзали тонкую веревку, на которой онъ висѣлъ, и трупъ съ глухимъ звукомъ упалъ на землю; мы разглядывали его съ помощью спичекъ, желая убѣдиться, не русскій ли это развѣдчикъ, попавшій въ руки японцевъ? но были очень довольны, что это былъ только китаецъ.

— А знаете, ребята, мнѣ его ничуть не жалко, потому—сволочь продажная; хоша и изъ за русскихъ пострадалъ, такъ ему подлецу и нужно, не суйся не въ свое дѣло.

— Ну, ребята, идемъ,—скоро будетъ совсѣмъ свѣтло. Мы быстро, чуть ли не бѣгомъ, взбирались на сопку, а затѣмъ такъ же поспѣшно начали спускаться въ долину. Скоро мы были уже въ гаолянѣ нейтральной полосы. Мы подходили

къ самому опасному мѣсту: мы знали, что японскіе посты стояли въ долинѣ еще съ ночи и что они не минуемо явятся препятствіемъ для насъ и постараются не пропустить въ свою сторону. Пригнувшись и стараясь не шумѣть листьями, пробирались мы по росистому гаолянѣ. Но вотъ передъ нами открылась небольшая прогалина. Мы точно замерли въ гаолянѣ, изъ котораго намъ былъ виденъ постъ, состоящій изъ 4 человекъ; постъ находился отъ насъ не дальше, какъ въ 10 шагахъ; два японца сидѣли рядомъ и разговаривали во весь голосъ, двое же другихъ спали крѣпкимъ утреннимъ сномъ; дальше лежалъ на животѣ подчасокъ, покуривая аршинную китайскую трубку и смотря въ спину часовому, который стоялъ шагахъ въ 5 отъ него.

Мои развѣдчики смотрѣли то на меня, то на постъ, не проронивъ ни слова.

Я молча показаль пальцемъ сначала на Словянинова, потомъ на часового; Словяниновъ въ знакъ того, что онъ понялъ, закачалъ головой. Евграфову былъ порученъ подчасокъ тѣмъ же жестомъ. Лысенкъ одинъ изъ разговаривавшихъ, другого я взялъ себѣ. Миргородскому остались два спящихъ, лежавшихъ рядомъ.

Мы молча подняли винтовки и стали цѣлиться, каждый въ свою жертву. Штыкъ Лысенки, какъ я замѣтилъ, ходилъ въ разныя стороны. Прошло нѣсколько мгновеній этого томительнаго и рокового для японцевъ нацѣливанія. Мухка моей винтовки и прорѣзь прицѣла попали на одну линію, которая упиралась въ затылокъ японца.

— «Что-то думаетъ теперь эта голова? — пришла мнѣ невольная мысль.

— «Впрочемъ, что я дѣлаю? если я буду цѣлить ему въ голову, то пуля пойдетъ на шесть вершковъ выше, слѣдовательно надо цѣлить на шесть вершковъ ниже, мелькнула у меня мысль, и я сталъ цѣлиться въ спину между лопатокъ.

Пли....тра х.х.х...х.х.х. Фигура японца, въ котораго я цѣлилъ, одѣтаго въ рубашку цвѣта хаки, мгновенно повалилась на землю и оставалась неподвижной. Часовой сдѣлалъ два шага впередъ и во всю длину своего тѣла растянулся на землѣ. Подчасокъ по прежнему лежалъ на животѣ, но только вытянулъ свои полусогнутыя ноги и опустилъ на землю свою голову. Одинъ изъ спящихъ оставался лежать, другой съ испугомъ и крикомъ вскочилъ на ноги. Японецъ, предназначенный Лысенкѣ, былъ также на ногахъ. Миргородскій приложился снова, а Славяниновъ бросился впередъ. Пуля Миргородскаго положила одного, а штыкъ Славянинова свирѣпо впился въ грудь другому...

Нѣсколько мгновеній мы стояли безмолвно.

Передъ нами лежало 6 мертвецовъ, минуту тому назадъ полныхъ жизни и здоровья, жертвы рукъ нашихъ.

— Ловко мы ихъ, проговорилъ Евграфовъ.

Трах х.х.х.—зазвенѣло мимо нашихъ ушей.

— Ай! Ай!—вскрикнулъ Евграфовъ, схватившись рукой за плечо, на которомъ виднѣлась кровь.

— Ай!—кричалъ такъ же Миргородскій, хватаясь за ногу.

— Ловко они насъ!—проговорилъ Лысенко.

Всѣ мы бросились впередъ и скоро скрылись въ гаолянѣ; мимо насъ прозвенѣло еще нѣсколько залповъ.

— Слава Богу, что такъ легко отдѣлались, говорилъ Миргородскій черезъ полчаса, перевязывая себѣ ногу.

Въ 10 часовъ утра мы прибыли на свой бивакъ. Я явился къ полковнику Лешъ и доложилъ ему о нашей развѣдкѣ.

— Ну, хорошо, можете идти отдохнуть. Устали навѣрно.

— Такъ точно, Ваше В—діе, отвѣтилъ я.

— Ничего, терпи казакъ—атаманомъ будешь, улыбнулся полковникъ.

Я отправился на бивакъ. Тамъ ждалъ обѣдъ. Миргородскій, не смотря на усталость и рану, уже успѣлъ раздобыть ханшину.

Никогда, кажется, я еще не обѣдалъ съ такимъ аппетитомъ, какъ сегодня.

Послѣ обѣда я растянулся во всю длину и крѣпко заснулъ.

Было около 3 часовъ, когда меня разбудилъ дневальный по биваку.

— Господинъ унтеръ-офицеръ, докладывалъ онъ мнѣ, васъ требуетъ начальникъ авангарда.

Я снова явился къ полковнику Лешъ.

— Вотъ бумага, сказалъ онъ мнѣ,—идите сейчасъ же въ штабъ корпуса и явитесь старшему адъютанту генерала барона Штакельберга.

Я взялъ бумагу; она была слѣдующаго содержания: «Его Высокоблагородію, старшему адъютанту командующаго 1-мъ сибирскимъ корпусомъ.

При семь прецпрождаются нижніе чины 3-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка, производившіе развѣдку въ тылу японцевъ у города Гайджоу, съ 3-го по 6-е іюля с. г.). Затѣмъ слѣдовалъ на... списокъ.

Я повель своихъ развѣдчиковъ въ штабъ перваго корпуса.

— Что они это насъ таскають, отдохнуть не дадутъ.

— Навѣрно корпусный самъ хочетъ разспросить о развѣдкѣ.

— Навѣрно такъ.

Тѣмъ временемъ мы уже входили во дворъ штаба корпуса.

Отыскавъ старшаго адъютанта, я передалъ ему списокъ.

— Хорошо, постройтесь здѣсь, указаль онъ намъ мѣста, а я сейчасъ о васъ доложу. И онъ ушелъ въ обширную богатую фанзу, въ которой помѣщался генераль Штакельбергъ. Мы стояли посрединѣ просторнаго двора, который былъ убранъ безукоризненно; все въ этомъ дворѣ было въ порядкѣ, а земля была выметена настолько тщательно, что на ней, при всемъ желаніи, нельзя было отыскать хотя бы крохотнаго камушка или какого-нибудь посторонняго предмета; земля эта имѣла видъ гумна, на которомъ собираются молотить хлѣбъ. Никогда еще въ жизни я не видалъ болѣе чистаго двора, тѣмъ болѣе въ Манджуріи, отличающейся неряшествомъ и грязью.

Мы стояли уже около $\frac{1}{2}$ часа, не зная, зачѣмъ насъ привели сюда. Скоро вышелъ изъ фанзы лакей, одѣтый безукоризненно чисто, въ

бѣломъ фартукѣ и въ глухой тужуркѣ; онъ вынесъ и поставилъ недалеко отъ насъ столъ, покрылъ его скатертью, потомъ принесъ тарелки съ закуской и какой-то кувшинъ или что-то въ этомъ родѣ.

Изъ фанзы вышелъ какой-то молодой офицеръ и, быстро проходя мимо насъ, исчезъ за воротами; черезъ $\frac{1}{4}$ часа онъ ввелъ во дворъ цѣлый оркестръ музыкантовъ съ инструментами, а самъ снова зашелъ въ фанзу.

Но вотъ, наконецъ, снова отворилась дверь, и на дворъ вышелъ генераль Штакельбергъ, окруженный нѣсколькими офицерами генеральнаго штаба.

— Смирно... Равненіе направо... Слушай на караулъ, скомандовалъ я.

— Здравствуйте молодцы.

— Здравія желаемъ, В... П.. ство.

Генераль тѣмъ временемъ вынулъ что-то изъ бумажки, которую держалъ его адъютантъ.

— Кто старшій?—спросилъ онъ.

— Я, В. П..во, отвѣчалъ я.

— Поздравляю тебя и твоихъ молодцевъ товарищей кавалерами знака отличія военнаго ордена св. Георгія, — проговорилъ онъ и поднесъ къ моимъ губамъ блестящій серебряный георгіевскій крестъ. Я поцѣловалъ крестъ, послѣ чего генераль собственноручно пришилилъ его къ моей груди.

— Покорнѣйше благодаримъ, Ваше П..во, — кричали мы, но грянувшій хоръ музыкантовъ, игравшій веселый маршъ, заглушалъ наши крики.

Я взглянулъ на обратную сторону своего кре-

ста, на ней было выгравировано «4 степ.» № 94152.

Стоя на дворѣ, я невольно вспомнилъ свое далекое дѣтство и одинъ изъ его случаевъ. Мнѣ припомнилось, что какъ-то разъ, увидавъ на письменномъ столѣ своего отца георгіевскій крестъ, полученный имъ за кавказскую войну, я прицѣпилъ его къ своей груди и сталъ вертѣться у зеркала. Помню, что отцовскій крестъ я любилъ всѣми силами своей души. Отецъ, увидавъ на мнѣ крестъ, засмѣявшись, шлепнулъ меня шутя по затылку и сказалъ; «ахъ ты, молокососъ, а еще туда же крестъ на себя нацѣпилъ; знаешь, братъ, такой крестъ тебѣ едва ли придется когда-нибудь получить».

Я освѣдомился, почему я никогда не получу креста?

— А потому, отвѣчалъ смѣясь отецъ, что этотъ крестикъ смертью пахнетъ; я понюхалъ крестъ, но не ощущалъ никакого запаха.

А я все-таки получу такой же Георгій—упрямо заявилъ я, и вотъ эта картина припомнилась мнѣ съ такой ясностью, какъ будто это было вчера.

— За ваше здоровье, ребята, — проговорилъ генералъ, поднимая рюмку водки надъ головой и прикоснувшись къ ней губами.

Покорнѣйше благодаримъ, кричали мы снова, и снова насъ заглушалъ оркестръ музыкантовъ.

Мы подошли къ столу и выпили въ честь своихъ Георгіевскихъ крестовъ по нѣсколько рюмокъ водки. Уже было совсѣмъ темно, когда мы снова явились на бивакъ. Всѣ мы были очень довольны сегодняшнимъ днемъ.

Нашъ полкъ стоялъ недалеко отъ линіи желѣзной дороги — въ окопахъ, на крутой сопкѣ. Сейчасъ же сзади насъ за горой расположилась 3 батарея 1-ой Восточно-Сибирской артиллерійской бригады, перебрасывая черезъ наши головы свои снаряды.

Въ этотъ день былъ исключительно артиллерійской бой.

Мы же сидѣли въ окопахъ и ждали работы своимъ пулямъ и штыкамъ, но ожиданія оказались тщетными. Потерь было мало, — японцамъ, очевидно, не такъ улыбалось счастье, какъ въ бою у Вафангоу и не разъ наши батареи заставляли смолкать японскія пушки.

Очевидный перевѣсъ былъ на нашей сторонѣ.

Наконецъ, наступилъ вечеръ, и пушки мало-по-малу прекратили свою жестокую пальбу. Съ наступленіемъ вечера 1-й, 2-й и 3-й ротамъ нашего полка было приказано занять сторожевое охраненіе на ночь въ одной изъ деревень, находившейся въ верстѣ отъ японскихъ окоповъ и въ трехъ съ половиной верстахъ отъ нашихъ. Часовъ въ 8 мы двинулись подъ командой ротнаго командира къ мѣсту своего назначенія. Я, стрѣлокъ Шуршъ и унтеръ-офицеръ Куроленко шли въ лѣвомъ патрулѣ — шагахъ въ 30 или 40 отъ роты. Сначала рота была ясно видна намъ, но мало-по-малу она стала пріобрѣтать видъ неопредѣленной движущейся массы, которая то выплывала изъ темнаго гаоляна, то снова скрывалась въ немъ. Было тихо. Каждый шелъ, не проронивъ ни слова, что бы не выдать себя.

— Что же, Петровичъ, обратился ко мнѣ шопотомъ Шуршъ, почему же это насъ такъ близко

къ японцамъ ведутъ, вѣдь окромя глупости ничего изъ этого не выйдетъ: потому на самый носъ японцевъ насъ поставятъ, а наши то окопы почитай версты четыре отселева будутъ. Къ примѣру, если что случится, такъ и донести то въ главныя силы не успѣютъ, какъ всѣхъ насъ перебьютъ и пользы отъ эвтого не будетъ настолько, — указалъ онъ на свой мизинецъ.

— А твое дѣло, знай, не разсуждать. Ишь умный какой выискался, начальство перемудритъ хочеть! — огрызнулся Короленко.

Я шелъ молча, но въ душѣ былъ согласенъ съ Шуршомъ.

Тѣмъ временемъ ночь уже струилась надъ землей. Взошла красивая, поэтичная и задумчивая луна съ цѣлымъ хороводомъ мерцающихъ далекихъ звѣздъ. Лучи луны скользили по серебристымъ листьямъ гаюляна и играли на штыкахъ молчаливо движущейся роты.

Впереди слышался шумъ неясный, но уже знакомый намъ: онъ несся изъ японскихъ окоповъ. Наконецъ, озаренная голубымъ свѣтомъ луны, передъ нами предстала китайская деревня, гдѣ должна была расположиться главная заставка нашей роты. Съ нашимъ появленіемъ, вся деревня огласилась разнохарактернымъ лаемъ китайскихъ собакъ. Они выли и визжали какъ-то не такъ, какъ это умѣютъ дѣлать наши русскія собаки; въ ихъ лаѣ было что-то роковое и тоскливое. Но главнымъ образомъ насъ раздражалъ особенно тоскливый и заунывный мотивъ воя въ перемѣшку съ напоминающимъ звуки турецкаго разорванаго барабана, басистымъ хриплымъ ла-

емъ. Этотъ лай и вой издавалъ изъ своей деревянной глотки собачій скелетъ, обтянутый въ ошпареную шкуру, съ поджатымъ хвостомъ и сверкающими глазами. Можно было подумать, что въ деревнѣ нѣтъ ни одной души, такъ какъ на длинныхъ улицахъ ея, кромѣ лающихъ собакъ, не было никого; однако, сквозь щели тщательно закрытыхъ оконъ и дверей фанзъ можно было замѣтить узкія полосы свѣта. Китайцы боялись высунуть носъ изъ своихъ фанзъ и, чтобы извлечь кого-либо изъ нихъ для опроса, пришлось взломать дверь. Китаецъ началъ съ того, что горько заплакалъ, увѣряя, что онъ ни въ чемъ не виноватъ, что онъ самый лучшій и честный китаецъ чуть ли не во всей Мандчжуріи. Наконецъ рубль, данный ему ротнымъ командиромъ, окончательно успокоилъ его и убѣдилъ, что его голова останется на мѣстѣ. Онъ вытеръ своимъ грязнымъ рукавомъ горячую крупную слезу и началъ рассказывать все еще со всхлипываніемъ. Изъ его словъ мы узнали, что передъ приходомъ нашей роты, въ этой деревнѣ былъ японецъ шпіонъ, переодѣтый въ китайскій костюмъ, и что онъ исчезъ, заслышавъ шумъ приближающихся русскихъ.

Когда опросъ былъ конченъ, китаецъ стремительно юркнулъ въ дверь фанзы, и черезъ минуту оттуда уже неся стукъ молотка, поправляющаго запоръ.

Началась разстановка постовъ.

Ротный командиръ, чтобы соединиться постами съ сосѣднимъ участкомъ, послалъ меня отыскивать посты первой роты. Идти пришлось

между двухъ полей высокаго сплошнаго гаоляна, который напоминалъ собой двѣ высокія темныя стѣны; а тропинка, по которой я шелъ,—узкій извилистый корридоръ. Гаолянъ прерывался полями чумизы.

Выйдя на небольшую полянку между полями гаоляна, я увидѣлъ невдалекѣ трехъ человѣкъ, которые стояли лицомъ въ нашу сторону; я принялъ ихъ за постъ первой роты.

Ребята, гдѣ вашъ командиръ?—крикнулъ я.

Но тутъ мнѣ пришлось убѣдиться, что я жестоко ошибся, ибо тотчасъ же раздался рѣзкій трескъ залпа, и мимо моихъ ушей просвистѣли японскія пули.

Второго залпа я, понятно, не сталъ дожидаться и быстро скрылся въ гаолянѣ, посылая оттуда свой краснорѣчивый и смертоносный отвѣтъ. Было очевидно, что я наткнулся на японскій постъ.

Я началъ пробираться гаоляномъ, забирая вправо, чтобы выйти на линію нашихъ постовъ.

Вдругъ передо мной, раздвигая гаолянъ, появилось двѣ фигуры. Луна играла на стали ихъ штыковъ.

Стой! кто идетъ?—крикнулъ я. Но мнѣ отвѣтилъ сильный и неровный шумъ гаоляна, въ которомъ скрылись эти фигуры.

Я крикнулъ еще нѣсколько разъ, и только тогда фигуры появились снова, предварительно освѣдомившись на самомъ ли дѣлѣ я русскій и не японецъ ли я, который умѣетъ говорить по-русски.

Я имъ поклялся въ истинѣ моихъ словъ, и тогда только они подошли ко мнѣ. Оба оказались стрѣлками первой роты. Съ ихъ помощью я отыскалъ ихъ командира—поручика Мельникова и прапорщика Добржанскаго. Переговоривъ съ ними относительно нѣкоторыхъ вопросовъ, касающихся сторожевого охраненія, я пошелъ обратно.

Когда я подходилъ къ деревнѣ, оттуда безпорядочно и гулко неслись ружейные выстрѣлы. Кто стрѣлялъ? зачѣмъ? почему? Русскіе или японцы? разобрать было положительно невозможно, и изъ всей этой пальбы только и можно было понять, что въ тебя ежеминутно можетъ впитаться бѣшеная пуля—своя или вражеская. Въ довершеніе всего, раздвигая гаюлянъ и чуть не сбивъ меня съ ногъ, передо мной предстала тяжело дышащая фигура бѣгущаго солдата.

— Куда тебя несетъ нелегкая, — крикнулъ я, узнавъ въ этой фигурѣ ефрейтора Гололобова.

— А, это вы Петровичъ? — радостно переговорилъ онъ. Чуть не убили, черти!

— Да что случилось?

— Что! Да ѣду я, знаете, съ донесеніемъ въ третью роту, смотрю, а въ огородѣ трое ихъ, чертей, огурцы рвутъ; а я то призналъ въ нихъ своихъ ребятъ, да и говорю: «ну ка, землячки, сорвите ка и мнѣ огурцовъ»; ну и показали они мнѣ огурцовъ, ажно душа въ пятки ушла. Три залпа по мнѣ выпалили и Сокола моего напавалъ, значить, ухлопали. Сѣдла не успѣлъ снять.

— Да гдѣ же рота?

— Должно отступили, — въ деревнѣ нѣтъ.

— Такъ пойдѣмъ искать вмѣстѣ.

Началось отыскиваніе роты. Мы бродили по гаолянѣ около часу. Наконецъ, намъ встрѣтился охотникъ Бирюкъ, съ помощью котораго мы нашли главную заставу. Оказалось, что рота отступила на полъ-версты назадъ, такъ какъ первоначально насъ завели такъ далеко впередъ, что нѣкоторые японскіе посты очутились въ тылу нашихъ.

— Я явился командиру.

— Видите, что произошло?—съ негодованіемъ говорилъ онъ. Вотъ распоряженія то, извольте радоваться. Японскіе посты въ тылу очутились. Такъ на кой чертъ, на кой дьяволъ нужна намъ эта сторожевка, когда японцы безпрепятственно пройти до нашихъ окоповъ могутъ?—продолжалъ кипятиться онъ. Я согласился съ нимъ.

— Ну, а все-таки, я васъ попрошу сходить еще разъ; теперь уже къ командиру 1-го баталіона; передайте ему, что случилось и попросите дальнѣйшаго распоряженія.

Я пошелъ снова. Идти пришлось опять таки гаолянѣ; не доходя примѣрно съ версту до нашихъ окоповъ, мнѣ предстояла еще довольно трудная работа. Дѣло въ томъ, что передъ нашими окопами, на разстояніе выстрѣла, весь гаолянъ былъ надломленъ приблизительно на аршинъ отъ земли и заплетенъ стебель за стебель, для удобства обстрѣла и для препятствія наступающимъ японцамъ. Эта выдумка, нужно отдать справедливость ея изобрѣтателю, была очень остроумна, и нужно было дѣлать неимоверно широкіе шаги, чтобы преодолѣть эту плетушку.

Да и вообще, чтобы пройти ее, нужно было обладать нѣкоторой долей терпѣнія и виртуозности.

И вотъ, по такой то путаницѣ мнѣ и пришлось шагать. Я бы очень желалъ взглянуть на себя со стороны. Воображаю, до чего я былъ комиченъ въ своихъ движеніяхъ! но тогда мнѣ было вовсе не до смѣха. Первые шаги были неудачны, и я растянулся во весь ростъ, при чемъ ударился лицомъ о твердый стебель гаоляна; но потомъ, хотя и медленно, сталъ пробираться дальше.

Чтобъ преодолѣть эту проклятую путаницу, мнѣ приходилось поднимать ноги чуть ли не выше своей головы и замирать въ такой позѣ на нѣсколько мгновеній, чтобы отыскать глазами мѣсто, куда ступить поднятой ногой. Сколько шелъ я по этой путаницѣ, сказать доподлинно не могу; помню только, что падать мнѣ приходилось очень часто и что объ изобрѣтателѣ этого препятствія я былъ далеко нелестнаго мнѣнія, посылая какъ и его, такъ и его изобрѣтеніе ко всѣмъ чертямъ ада.

Наконецъ, съ облегченнымъ сердцемъ я замѣтилъ, что безконечно длинное поле пытки было мною преодолено; но тутъ меня ждало новое приключеніе, которое чуть не оказалось моимъ послѣднимъ. Часовой на окопахъ, увидѣвъ меня, не окликая, приложился и началъ цѣлить. Еще моментъ и пуля вылетѣла бы изъ дула, но, къ счастью, я успѣлъ крикнуть ему обычное «свой»; онъ пересталъ цѣлить, но все же держалъ винтовку наготовѣ; и только, когда я назвалъ его осломъ,

онъ окончательно убѣдился, что имѣеть дѣло съ русскимъ, а не съ врагомъ.

Я забрался на сопку. Въ вискахъ стучало отъ утомленія, а въ ногахъ чувствовалась судорога отъ напряженія въ столь неестественномъ гимнастическомъ упражненіи, какъ хожденіе по га-олянному полю.

Черезъ десять минутъ я уже былъ въ фанзѣ командира баталіона, которая находилась въ тылу за нашими окопами. Съ большимъ трудомъ мнѣ удалось разбудить заспавшагося вѣстового. Но вотъ онъ проснулся, сѣлъ на своемъ незатѣйливомъ ложѣ и началъ апатично зѣвать. Минутъ черезъ пятнадцать онъ, наконецъ, понялъ, что отъ него требовалось и отправился съ донесеніемъ къ командиру въ другую половину фанзы.

Ваше Высокоблагородіе, извольте просыпаться, — слышу я. Затѣмъ слѣдуетъ продолжительная пауза.

— Ваше Высокоблагородіе, вставайте — звучитъ снова монотонный голосъ вѣстового. И — опять слѣдуетъ пауза.

— Ваше Высокоблагородіе, потрудитесь проснуться.

А.?. а.?. слышится въ отвѣтъ. Пошелъ къ черту!

Опять пауза, потомъ опять упрашиванія и какіе-то неопредѣленные звуки, полуслова и полухрапъ.

— Да что ты ко мнѣ привязался, чертъ? — что ты мнѣ мѣшаешь спать? — слышу я уже болѣе отчетливо.

— Ваше Высокоблагородіе, такъ что изъ сторожевого охраненія съ донесеніемъ пришли.

А!.. а!.. зови сюда.

Я вхожу въ фанзу командира, онъ сидитъ на канахъ *) въ одномъ бѣльѣ, поджавъ подъ себя ноги, и неистово зѣваетъ. Фанза освѣщена китайскимъ свѣтильникомъ, сооруженнымъ изъ чашки съ бобовымъ масломъ и фитиля. Свѣтильникъ этотъ выдѣляетъ цѣлый столбъ черной копоти и освѣщаетъ заспавшіяся фізіономіи вѣстоваго и его командира какимъ-то багрово-краснымъ, мигающимъ и прыгающимъ свѣтомъ и искажаетъ до неузнаваемости ихъ черты.

Командиръ, объятый дремотой, слушаетъ мой докладъ безучастно, какъ будто дѣло идетъ о вещи, не стоящей вниманія. Наконецъ, глаза его смыкаются, и я слышу снова храпъ.

— Ваше Высокоблагородіе, что прикажете дѣлать?—громко вскрикиваю я.

А!! а!? вздрагивая и удивленно смотря, въ свою очередь спрашиваетъ онъ.

— Что прикажете дѣлать?

Онъ нѣсколько минутъ сидитъ безъ движенія, наморщивъ лобъ и очевидно старается понять, что я ему говорю.

— Когда будетъ свѣтать, ротамъ отойти обротно въ окопы, отдаетъ онъ свое распоряженіе. — Можешь идти. Не успѣлъ я дойти до дверей фанзы, какъ услышалъ аппетитный беззаботный храпъ.

— Мнѣ хотѣлось курить, а потому я подошелъ къ костру, который ярко горѣлъ за фанзой. Вокругъ костра сидѣли солдаты. Тутъ же

*) Лежанка.

находился вездѣсущій, неунывающий Гололобовъ. Увидавъ его, я невольно удивился.

— А ты ужъ здѣсь?

Такъ точно! Что же мнѣ тамъ безъ лошади то дѣлать, — на своихъ на двоихъ далеко не уѣдешь.

Въ это время гдѣ-то изъ фанзы слышался громкій крикъ пѣтуха: «Ку-ку-реку».

— Чертъ бы тебя раздавилъ, передразнилъ его Гололобовъ.

— Ты че-же его, паря, ругаешь?—счелъ долгомъ заступиться за пѣтуха одинъ изъ стрѣлковъ.

— А что бѣ не оралъ, здря ума.

— Че же онъ тебѣ мѣшаетъ, что ли?

— Мѣшаетъ не мѣшаетъ, а подлый это звѣрь и больше ничего.

— Ну это ты, братъ, напраслину на него ва-лишь; славная птица—пѣтухъ. Вотъ, къ примѣру, не знаешь сколь время, а прокричитъ пѣтухъ, ну, и считай двѣнадцать.

— Умная птица.

— Умная!! умная!! передразнилъ раздражительно Гололобовъ; а по мнѣ, такъ прямо подлецъ твой пѣтухъ и крышка. Только даромъ тишину ночи своимъ ревомъ нарушаетъ и послѣднюю солдатскую нерву разбиваетъ.

— Ну, ужъ землякъ, ты это братъ того... что-то несуразное поришь, даже въ Священномъ писаніи про пѣтуха сказано; помнишь, пѣтухъ то пѣлъ, когда Христа мучили?

— А вотъ, если бы онъ, подлецъ этакій, не оралъ, такъ и Петра бы, значить, въ сумленіе не ввелъ бы. Пѣтра то можетъ и не отрекся бы.

— Оно такъ то такъ, да...

— А да не перечь мнѣ... знаю что сказываю. Не дѣло его вовсе по ночамъ орать, а дѣло его, братцы вы мои, передъ ефрейторомъ Гололобовымъ на сковородѣ лежать въ жареномъ аль въ вареномъ положеніи.

— А и впрямь, паря! это бы лучше было, смѣясь, согласился спорщикъ.

— А вотъ, къ примѣру сказать, утка, — продолжалъ между тѣмъ Гололобовъ. — Ну что, братцы вы мои, это за звѣрь. Нахальный, братцы, звѣрь. Иду это я вчера по деревнѣ, смотрю—двѣ утки по двору безъ билета шляются; увидали меня и хотъ бы што, да еще нахально такъ покрикиваютъ: «какъ! какъ!» Не стерпѣлъ я, братцы вы мои, отъ злости свѣту не взвидѣлъ, налетѣлъ на нихъ. Вотъ какъ, вотъ какъ, говорю,—и при этомъ Гололобовъ изобразилъ свирѣпое лицо, наклонился къ землѣ, показывая, какъ онъ ловилъ и откручивалъ головы уткамъ...

— А потомъ мы имъ въ командѣ показали, какъ надъ ефрейторомъ Гололобовымъ издѣваться. Да, братцы, нахальный, но и скусный звѣрь—евта самая утка.

Онъ продолжалъ балагурить дальше, солдаты смѣялись. Я же покурить и отправился братъ приступомъ хитросплетеную путаницу гаоляна. Обрато идти было ничуть не легче.

Весь мокрый отъ росы, голодный и измученный, я снова докладывалъ командиру о высшемъ распоряженіи.

— Благодарю васъ, теперь можете отдохнуть, —отпуская меня, говорилъ онъ.

Я сталъ отыскивать удобнаго мѣстечка и вскорѣ нашель его. На кучѣ только что сорванаго, мягкаго и ароматичнаго гаоляна лежалъ мой другъ—доброволецъ Славинъ и крѣпко спалъ. Голубая фантастичная луна скользила по его блѣдному красивому лицу, играя странными рельефными тѣнями, которыя придавали молодому лицу оттѣнокъ грусти и таинственности. Я легъ рядомъ съ нимъ, съ этимъ человѣкомъ, къ которому я питалъ сильную симпатію, къ которому привыкъ за эти тяжелые, для души и тѣла, дни войны. Я зналъ его нѣжную тайну любви, зналъ грусть его души, его обманутыя надежды, наконецъ, зналъ и то, что благодаря своей несчастной любви онъ очутился въ рядахъ солдатъ съ клятвой умереть, такъ какъ потерялъ желаніе жить.

Онъ тяжело дышалъ и по временамъ бормоталъ что-то, при чемъ его блѣдныя губы печально улыбались чему-то.

— Можетъ быть ее видить во всѣ, подумалъ я, глядя на него. Тамъ на войнѣ, въ дали отъ мира, слово «она» играетъ во сто разъ сильнѣйшую роль въ душевномъ мірѣ каждого человѣка.

Тамъ это «она» кажется божествомъ несравненно сильнѣйшимъ, чѣмъ въ мирной обстановкѣ. Да! я зналъ это хорошо, не разъ вслушиваясь въ тихія сокровенныя бесѣды окружающихъ. Я понималъ чувство Славина, и мнѣ было жаль этой молодой страдающей и ищущей успокоенія души. Но вскорѣ мысли сплелись въ общую странную ткань дѣйствительности и сна.

Я не выспался. Во всемъ тѣлѣ чувствовалась усталость, но надо было вставать. Роты разсы-

пались въ цѣпь и стали отступать къ своимъ окопамъ. Солнце уже блестѣло въ небесахъ, съ первыми его лучами засвистали по небу первые выстрѣлы этого памятнаго и славнаго дня, 11-го іюня 1904 года.

Да, это былъ памятный день. Черезъ наши головы визжа летѣли, какъ японскіе, такъ и наши снаряды. Но такъ какъ мы были скрыты га-оляномъ, то были въ безопасности отъ японской цѣли. Такъ мы подвигались около двухъ верстъ, пока наше движеніе не было видно изъ нашихъ окоповъ; но вотъ насъ замѣтили ч къ намъ навстрѣчу летитъ верховой охотникъ.

— Ваше Высокоблагородіе, Корпусный Командиръ приказалъ вернуться назадъ, стоять до послѣдней капли крови и сдерживать натискъ японцевъ.

Мы были поражены распоряженіемъ, оно было равносильно смертному приговору. Мы должны были вернуться назадъ, то есть чуть ли не залѣзть въ японскіе окопы, впереди главныхъ силъ за 4 версты; мы, въ числѣ 500 человекъ — безъ резерва, должны были сдержать весь натискъ японской арміи; короче говоря, мы должны были умереть всѣ до одного, не принеся никакой пользы, такъ какъ ясно сознавали всю невозможность борьбы съ такой машиной, какъ японская армія. Это было приблизительно тоже, что, если бы одному человѣку было приказано взять въ плѣнъ цѣлую роту японцевъ. Всѣ были въ недоумѣніи и въ замѣшательствѣ. Ротный командиръ былъ взволнованъ и блѣденъ. Было видно, что онъ страдалъ отъ страшной борьбы, которая въ немъ

происходила. Здравый смысл говорилъ, что это невозможно. Начальство же находило это необходимымъ и возможнымъ.

— Ну, ребята, докажемъ, что мы умѣемъ умирать и повиноваться, если даже смерть наша и будетъ бесполезна.

— Впередъ за мной! И мы снова шли въ сторону японцевъ. Мрачно шли мы впередъ, чувствуя, что несправедливо были приговорены къ смерти, что достаточно будетъ и 10 минутъ, чтобы отъ насъ не осталось ничего; а самое главное, мы чувствовали, что японцы нисколько не пострададутъ и лишь только выиграютъ отъ этого. Это, то главное и было тяжело. Умереть и принести пользу, это было намъ и понятно и не страшно, но умереть безцѣльно, бесполезно—было и больно, и обидно.

Но вотъ мы снова въ той же деревнѣ, въ которой была ночью наша застава, но, къ счастью нашему, гаолянъ хранилъ тайну нашего присутствія, и японцы не знали, что въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ нихъ сидитъ горсточка людей, ожидающихъ бесполезной смерти. Впереди насъ изъ деревни оглушительно гремѣли пушечные залпы. По приказанію ротнаго командира я залѣзъ на дерево, съ цѣлью разсмотрѣть, что дѣлается въ сторонѣ японцевъ. Шагахъ въ 300 отъ насъ располагалась деревня, которая отдѣлялась отъ насъ спасительнымъ для насъ полемъ гаоляна. Передъ деревней стояла японская артиллерія. Я могъ ясно разглядывать даже черты лицъ японскихъ артиллеристовъ, которые непрерывно сыпали въ нашу сторону снаряды. Дула пушекъ

прямо смотрѣли въ нашу сторону. Такое близкое сосѣдство съ японскими пушками непріятно дѣйствовало на нервы. Я тотчасъ же слѣзъ съ дерева, чтобы не обнаружить наши роты. Если бы японцы узнали, что мы сидимъ такъ близко, имъ стоило бы только понизить немного прицѣлъ, и черезъ минуту отъ насъ осталось бы куча мяса, но японцы не знали, и мы ждали только что вотъ-вотъ они узнаютъ. Прошло нѣсколько часовъ этого мучительнаго ожиданія. Но вотъ появился снова охотникъ съ приказаніемъ отступить къ своимъ окопамъ. Гаоляномъ идти было безопасно, но какъ только мы выходили изъ своей засады, какъ въ насъ начиналъ сыпаться градъ пуль. Къ счастью промежутки между полями были небольшіе, и мы мало были на японской цѣли. Хотя, понятно, не обошлось безъ раненыхъ и убитыхъ.

Наконецъ, поля были пройдены, передъ нами лежало до самыхъ нашихъ окоповъ открытое пространство съ подломленнымъ и запутаннымъ гаоляномъ. Мы торопились пройти это ужасное поле, такъ какъ были совершенно открыты для японской цѣли, но пройти было очень мудро, какъ я уже сказалъ выше. Солдаты непрерывно падали, поднимались, неестественно шагали и снова падали, подвигаясь баснословно медленно. На этомъ проклятомъ полѣ мы могли бы быть перебиты всѣ японской артиллеріей; и японцы, конечно, не замедлили воспользоваться нашимъ невыгоднымъ положеніемъ; по крайней мѣрѣ ихъ шрапнели стали чаще и чаще рваться надъ нами.

Послышались стоны, крики, проклятія.

Нѣсколько человѣкъ было ранено, нѣсколько перешло въ другой міръ.

Слышались проклятія изобрѣтателю путаницы, и мы не надѣялись выбраться живыми изъ этого ужаснаго мѣста, которое было приготовлено для гибели японцевъ и въ которое попали сами.

Мы изнемогали. Черезъ какія-нибудь 10 минутъ наши рубашки стали совершенно мокрыя отъ пота, который вызывался страшной жарой и неимоверными усиліями, съ которыми мы брали свое препятствіе.

Времени для этого потребовалось такъ много, что можно было перебить не только три роты, но и даже цѣлую армію; но нашей спасительницей явилась 4 батарея, которая дѣйствовала сверхъ похвалъ и удивленія. Въ тотъ моментъ, когда японская батарея вздумала обстрѣлять насъ, наша спасительница—4 батарея забросала ее буквально своими снарядами и сбила съ позиціи.

Да! счастье въ этотъ день дѣйствительно улыбалось намъ. Всѣ мы были положительно удивлены, что такъ благополучно выполнили почти невозможную задачу.

Но намъ еще нужно было одолѣть рядъ волчьихъ ямъ, которыя тянулись передъ нашими окопами.

Я былъ изъ числа первыхъ, одолѣвшихъ плетушку, такъ какъ практика вчерашняго дня помогла мнѣ быть болѣе ловкимъ изъ своихъ товарищей, которые еще продолжали падать и ругать путаницу. Въ одной изъ ямъ мы увидѣли

полную трагизма картину. На огромномъ колу этой ямы висѣлъ наткнувшійся животомъ трупъ солдата. Ужасный колъ выглядывалъ своимъ заостреннымъ окравленнымъ концомъ изъ спины несчастной своей жертвы. Голова солдата касалась поверхности мутной зеленой воды, которой была полна гибельная яма; выпученные глаза съ ужасомъ смотрѣли на свое отраженіе въ водѣ.

Рой мухъ вился вокругъ несчастнаго и облѣплялъ его кругомъ. Изъ ямы отвратительно-несся запахъ тлѣнія; очевидно, трупъ находился въ этой ямѣ нѣсколько дней; погоны трупа показывали, что владѣлецъ былъ стрѣлкомъ 33 Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка.

Ребята, похоронить бы надо, съ грустью сказали стрѣлокъ Порохницкій.

— И впрямъ, ребята, не дѣло душѣ христіанской, какъ собакѣ какой на колу болтаться, отозвался унтеръ-офицеръ Гринь.

— Мы связали нѣсколько веревокъ отъ полотницъ, которыя были у каждаго изъ насъ. Гринь взялъ конецъ этой веревки и, пробираясь съ ловкостью кошки между страшными ямами, доползъ до ужасной могилы, спустился въ нее, снялъ съ кола трупъ и привязалъ къ его шеѣ конецъ веревки, а затѣмъ весь мокрый вернулся обратно. Съ помощью веревки мы вытащили несчастнаго изъ ямы. Запахъ тлѣнія сталъ еще отвратительнѣй, и рой мухъ никакъ не хотѣлъ разстаться со своею добычей. Мы положили трупъ въ конецъ окопа и стали зарывать его вмѣстѣ съ роемъ назойливыхъ мухъ.

— Царство тебѣ небесное, сказалъ съ грустью унтеръ-офицеръ Гринь.

Крестясь мы отошли отъ памятной могилы и помѣстились отдыхать въ окопахъ, въ которые, наконецъ, собралась и вся рота. Но вскорѣ намъ приказали занять окопы передъ деревней, гдѣ находился штабъ 1-го корпуса, который еще съ утра отошелъ въ тылъ. Правѣ насъ возвышалась одна сопка, на которой одиноко стоялъ наблюдающій артиллеристъ; онъ громко выкрикивалъ своей батарее, которая была скрыта этой сопкой отъ непріятеля, прицѣлъ и угломѣръ. Кругомъ артиллериста непрерывно рвались шимозы и шрапнели, иногда такъ близко, что столбы дыма и пыли закрывали совсѣмъ его стройную фигуру. Въ эту минуту мы не разъ мысленно прощались съ нимъ, но разсѣивался дымъ, осѣдала на землю пыль, и нашимъ глазамъ опять представлялась гордая фигура артиллериста; онъ былъ, какъ заколдованный: тамъ, гдѣ онъ стоялъ, какъ нарочно рвались снаряды, но онъ во время мѣнялъ свое мѣсто, попрежнему былъ не уязвимымъ.

Стояла страшно жаркая погода, но пушечная пальба еще больше увеличивала жару. Было нестерпимо душно. Сколько было поражено солнечнымъ ударомъ.

У меня также страшно болѣла голова, и я чувствовалъ себя неважно, но фельдшера при ротѣ не было, а сходить на перевязочный пунктъ, который находился съ полверсты за деревней, было некогда и не близко.

Но вотъ въ нашу роту яростно ворвалась шрапнель; она убила одного стрѣлка, другимъ осколкомъ перебила руку немного выше кисти;

кровь неудержимой струей, напоминающей фонтанъ, хлынула изъ зіяющей раны; кость была раздроблена и кисть безжизненно повисла на ко-
жѣ и окровавленныхъ посинѣвшихъ мускулахъ, изъ
которыхъ торчали осколки раздробленной бѣлой
кости. Несчастный еще держался на ногахъ.

Я поспѣшилъ къ нему на помощь и сталъ
поддерживать за правую руку; нужно было не-
медленно вести его къ перевязочному пункту,
что я и сдѣлалъ.

Однако, прежде чѣмъ достигнуть его попасть
туда, намъ нужно было пройти деревню, въ кото-
рую все чаще и чаще залетали японскія шрап-
нели. Фанзы гостепріимно открывали для нихъ
не только свои двери и окна, но даже стѣны и
крыши. Въ одной изъ фанзъ вдругъ сразу про-
валилась часть крыши, вслѣдъ за тѣмъ послы-
шался глухой звукъ разорвавшейся шрапнели, и
изъ проваливашагося отверстія вырвался къ не-
бесамъ столбъ чернаго дыма, вслѣдъ за которымъ
показалось зловѣщее пламя, которое стало обли-
зывать своими длинными и красными языка-
ми крышу фанзы. Изъ фанзы выбѣжало 7 чело-
вѣкъ китайцевъ со страшнымъ испугомъ на ли-
цахъ и съ жалкимъ растеряннымъ видомъ.

Въ концѣ деревни мнѣ пришлось увидѣть очень
комичную и въ тоже время чрезвычайно груст-
ную картину. Изъ двора одной изъ фанзъ, на
которой еще до сихъ поръ висѣла бѣлая доска,
съ надписью «лафкаъ», выѣхалъ возъ. Это было
нѣчто невѣроятное — какая-то гигантская гора
ящиковъ, мѣшковъ и проч. вещей. И этотъ возъ
тащилъ тщедушный маленькій осель, который,

въ сравненіи съ поклажей арбы, казался ничтожнымъ пигмеемъ. Онъ еле передвигалъ свои ноги. Управлялъ этимъ возомъ горбоносый, грязный и черный, какъ навозный жукъ, маркитантъ—армянинъ, одѣтый въ черкеску, съ медалью на груди за китайскую кампанію. Онъ неистово колотилъ несчастную скотину ножами своей кавказской пашки. Все лицо этого субъекта изображало алчность, торопливость и жестокость. Несчастное животное надрывалось подъ непосильною тяжестью, а удары сыпались все чаще и чаще. Скоро, однако, сама судьба сжалилась надъ этой жертвой армянской алчности. Оглушительный взрывъ шрапнели прекратилъ страданья осла, который грузно повалился къ ногамъ своего мучителя.

Армянинъ былъ въ отчаяніи; онъ неистово ругался, не переставалъ давать пинки ногою несчастному мертвому животному и растерянно бѣгалъ вокругъ своего богатства, производя положительно жалкое впечатлѣніе.

Въ это время мимо проходила команда нижнихъ чиновъ подъ начальствомъ унтеръ-офицера. У армянина мелькнулъ лучъ надежды...

Душа мой, кричалъ онъ со слезами на глазахъ, пожалуйста тоскай моя ящики.

— Что? Ахъ ты, скотина этакая, огорошилъ его вдругъ унтеръ-офицеръ; таскать твои ящики? Это за то, должно быть, что ты съ насъ шкуру снимаешь? Что у тебя, мерзавца, 5 рублей бутылка водки стоитъ? Ахъ ты, подлецъ, живодеръ проклятый!...

Кончилось это тѣмъ, что армянинъ взвалилъ себѣ на плечи самый большой изъ ящиковъ и рѣшилъ отступать только съ нимъ къ Дашицао...

Сейчасъ же за этой деревней, недалеко отъ перевязочнаго пункта, въ гаолянѣ мы увидѣли священника съ обнаженной головой. Рядомъ съ нимъ, понуря голову, стоялъ солдатъ — псаломщикъ. Передъ нами зіяла довольно широкая яма, изъ которой виднѣлись блѣдныя лица нѣсколькихъ убитыхъ. Они лежали рядомъ другъ около друга, но одному изъ нихъ, очевидно, не хватило мѣста въ общей братской могильной постели, и онъ лежалъ на своихъ товарищахъ. Тутъ же была чья-то оторванная голова и безформенная кучка человѣческаго мяса и переломанныхъ костей. Голова производила ужасное впечатлѣніе: одинъ глазъ ея былъ прищуренъ, а губы исказились въ гримасу, напоминающую улыбку.

Надъ могилой скланилось нѣсколько стеблей высокаго гаоляна, которые, казалось, посылали мертвецамъ свой послѣдній привѣтъ. Слышался заунывный, надрывающій душу, мотивъ—«со святыми упокой», и изъ кадила священника поднималась къ небу тонкая колеблющаяся струйка дыма, распространяя запахъ ладона.

На перевязочномъ пунктѣ было обычное оживленіе: слышались и стоны и крики. Съ засученными рукавами суетилось около носилокъ нѣсколько человѣкъ врачей, фельдшеровъ...

Ну, эту ужъ никакъ снова не приклеишь, — говорилъ докторъ, рассматривая руку моего раненаго спутника. Я видѣлъ, какъ блестящій операціонный пинцетъ впился въ раздробле

ную руку несчастного, и через нѣсколько мгновѣній она была небрежно брошена въ общую кучу человѣческихъ останковъ, которые валялись прямо на землѣ; здѣсь было уже нѣсколько отрѣзанныхъ безкровныхъ рукъ и ногъ.

Бѣдный и вдругъ замѣтно похудѣвшій солдатъ стоялъ молча въ сторонѣ и какъ-то тупо смотрѣлъ на то мѣсто, гдѣ только что была его рука; и на его широкооткрытыхъ глазахъ дрожала слеза...

Шатаясь, я вышелъ съ перевязочнаго пункта. Запахъ крови, стоны и видъ раненыхъ страдальцевъ тяжелымъ камнемъ придавливали душу. Голова кружилась, на душѣ было безотраднo грустно!..

Навстрѣчу мнѣ по дорогѣ тянулася цѣлая вереница носилокъ. Впереди шелъ санитаръ 1-ой роты Гагринъ.

— Кого ранили?—спросилъ я.

— Поручика Мельникова и съ нимъ 6 человекъ стрѣлковъ, сразу одной шимозой угостило.

— Вздрогнулъ я, и сердце мучительно заняло въ груди.

— И что же, сильно?

— Здорово,—отвѣтилъ безучастно санитаръ.

Мнѣ было жаль Мельникова, — онъ былъ моимъ товарищемъ по корпусу, я его очень любилъ еще съ дѣтства за его добрый, отзывчивый характеръ.

Въ это время мимо меня пронесли его носилки. Я видѣлъ въ нихъ блѣдное лицо. Я хотѣлъ остановить носилки, хотѣлъ броситься къ товарищу, хотѣлъ сказать ему, что-нибудь теп-

лое, но тотчас же остановилъ въ себѣ этотъ порывъ, такъ какъ вспомнилъ, что никакія слова сочувствія не въ силахъ пріостановить его страданій.

Я отвернулся отъ носилокъ и быстро пошелъ въ сторону позицій; но, пройдя нѣсколько шаговъ, я остановился въ какомъ-то забытьѣ. Въ такомъ раздумьи я стоялъ на дорогѣ, устремивъ свой взоръ въ сторону перевязочнаго пункта, къ которому несли санитары Мельникова; его носилки покачивались равномерно, въ тактъ шага санитаровъ, и изъ нихъ виднѣлось блѣдное лицо и копна бѣлокурыхъ волосъ, нѣсколько прядей которыхъ прилипли къ потному лбу раненаго.

— Бѣдный, бѣдный Валерка, какъ-то машинально не отдавая себѣ отчета, твердилъ я. Мнѣ хотѣлось плакать...

Въ ротѣ меня ждало новое горе. На днѣ окопа, вытянувшись во всю длину своего тѣла, на спинѣ лежалъ мой другъ—доброволецъ Славинъ, — онъ былъ раненъ осколкомъ шрапнели навывлетъ въ грудь. Его красивое молодое лицо было подобно восковой статуи: до того оно было безкровно и блѣдно. Онъ казался уже мертвымъ. Я спрыгнулъ въ окопъ и, помню, что-то крикнулъ. Славинъ вдругъ раскрылъ глаза и уставился на меня. Эти черные, красивые глаза до сихъ поръ стоятъ въ моемъ воображеніи; они свѣтились лихорадочнымъ блескомъ, и въ нихъ не трудно было замѣтить эту страшную, не поддающуюся описанію тѣнь приближающейся смерти!..

— Конечно, чуть слышно прошепталъ онъ...

Да, я видѣлъ ясно и безошибочно, что жизнь Славина кончена, но мнѣ было страшно сознаться въ этомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты выздоровѣешь, непременно выздоровѣешь, утѣшалъ я и его и себя.

— Ты хорошо сдѣлалъ, что пришелъ — лепеталъ онъ

— Если останешься цѣлымъ, отыщи ее. Скажи ей, что... что... ты самъ знаешь, что сказать... Пусть будетъ счастлива съ другимъ... А потомъ скажи ей... Фраза вдругъ оборвалась. Славинъ смолкъ и закрылъ глаза. Нѣсколько мгновений онъ лежалъ безъ движеній. Въ эти мгновения онъ какъ будто бы собиралъ свои послѣднія силы. Потомъ онъ вдругъ сѣлъ на своемъ ложѣ смерти; его руки какъ-то судорожно и сильно вцѣпились въ мою руку. Глаза блестѣли и изъ груди вырвалось горячее прерывающееся дыханіе.

— Мнѣ страшно, страшно, — съ отчаяніемъ вскрикнулъ онъ. Въ его лихорадочныхъ бархатныхъ глазахъ былъ виденъ ужасъ, отчаяніе и смерть.

— Мнѣ жаль самого себя... Я молодъ... Я жить хочу... жить хочу... Такъ сильно вдругъ захотѣлось... Спаси... еще хоть немножко пожить... Хочу видѣть ее еще хоть разъ... Если-бъ ты зналъ...

Славинъ выпустилъ мою руку и грузно упалъ на землю. Потомъ онъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и вытянулся еще больше и, какъ будто бы, застылъ.

— Кончено,—прошептала я. Славинъ больше не существовалъ. Въ моей груди сильно и больно колотилось сердце, мнѣ было холодно и жутко. Въ горлѣ чувствовалось какое-то щекотаніе. Хотѣлось плакать, плакать безутѣшно, какъ ребенка, но слезъ не было... — Мысли неслись въ воспаленной головѣ съ сверхъестественной быстротой, то вдругъ обрываясь, то громоздясь одна на одну; но, несмотря на это, я не могъ дать себѣ отчета, о чемъ я думаю, или вѣрнѣе я ничего не думалъ—я страдалъ, страдалъ невыносимо. Я былъ въ какомъ-то странномъ оцѣпенѣніи...

Пришли санитары и куда-то унесли моего Славина, и я остался одинъ безъ друга, съ пустотой и отчаяніемъ въ груди.

Потомъ я вдругъ почувствовалъ, что какъ будто бы у меня что-то порвалось въ сердцѣ. Мной овладѣло какое-то странное равнодушіе ко всему. Я видѣлъ, какъ несли трупъ Славина, но жалость къ нему у меня вдругъ исчезла.

— Что жъ, такъ должно быть! Всѣ мы умремъ, думалъ я!—И если Славинъ умеръ, то все не нужно его жалѣть, потому что его теперь нѣтъ совсѣмъ, есть только жалкій трупъ, который сгниетъ черезъ какой-нибудь мѣсяцъ, и тогда ничего не останется, кромѣ скелета и воспоминаній. Человѣкъ тоже самое, что свѣча, — сгоритъ и кончено все. Мнѣ кажется, что и души нѣтъ совсѣмъ, да и не нужно ея вовсе. Славинъ пересталъ существовать, онъ больше не страдаетъ и чувствуетъ теперь тоже самое, что онъ, положимъ, чувствовалъ, при Петрѣ 1-мъ, т. е. ничего; его не было тогда, нѣтъ и теперь. Отча-

сти даже хорошо, что все кончается смертью; если бы ея не было, было бы опасно...

Я пересталъ думать о Славинѣ и сталъ снова наблюдать за боемъ.

На сосѣдней сопкѣ все еще стоялъ дежурный артиллеристъ и попрежнему кричалъ своей батарее прицѣлъ и угломѣръ.

Потомъ мы видѣли, какъ на сопку забирался другой артиллеристъ, чтобы смѣнить своего товарища. Они стояли рядомъ; прежній наблюдающій показывалъ пальцемъ новому въ сторону японцевъ и что-то объяснялъ ему; бинокль попеременно переходилъ отъ одного къ другому; наконецъ, смѣна совершилась, и прежній наблюдающій сталъ спускаться съ горы. Всѣ мы были рады за него.

— Вотъ, молодецъ то, вѣдь все-таки цѣлымъ остался, прямо дивно, говорили солдаты.

— Навѣрно Георгія дадутъ.

— Безпримѣнно дадутъ.

Но не успѣлъ онъ сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ на вершину сопки упала шимоза. Послышался оглушительный взрывъ, земля, камни и градъ осколковъ полетѣли въ разныя стороны. Фигура только что заступившаго наблюдающаго поднялась на воздухъ и, отлетѣвъ нѣсколько шаговъ, упала на землю,—онъ былъ убитъ! Прежній наблюдающій, увидя смерть своего товарища, вернулся снова на постъ и черезъ минуту снова звучалъ его громкій голосъ. Такъ онъ и остался не смѣненнымъ съ ранней зари и до самой ночи, и его фигура скоро слилась съ общимъ тономъ синихъ сумерокъ.

А изъ дулъ орудій все еще вылетали длинныя, огненные столбы выстрѣловъ. Наконецъ, бой кончился, и пушки перестали выть.

Насъ повели на одну изъ сопокъ, чтобы смѣнить 8 роту, которая сидѣла тамъ въ окопахъ цѣлый день. Мы забирались на сопку, обходя громадныя, многочисленныя ямы, вырытыя японскими шимозами; навстрѣчу намъ спускалась 8 рота. Сзади шла отдѣльная команда человѣкъ въ 15; она была безъ ружей и несла на своихъ плечахъ узлы, изъ которыхъ высывались ноги и головы убитыхъ, такъ какъ вынести ихъ раньше было невозможно, благодаря тому, что сопку цѣлый день засыпали японскіе снаряды.

Скоро къ этой сопкѣ подъѣхала наша походная кухня, и солдаты съ котелками въ рукахъ шли къ ней, чтобы получить себѣ ужинъ, который, впрочемъ, былъ сегодня изъ неудачныхъ, такъ какъ отъ него пахло гарью; ко всему этому онъ перекипѣлъ и разболтался благодаря тому, что кухнѣ пришлось сегодняшній день все время быть въ движеніи. Ужинъ представлялъ изъ себя безвкусную, мутную и безформенную массу. Во время боя походныя кухни увозились верстъ за 20 въ тылъ, чтобы спастись отъ опасности, и очень часто мы не видали ихъ въ теченіе нѣсколькихъ дней. Бывали случаи, что варившаяся въ нихъ пища, по истеченіи двухъ-трехъ сутокъ, выбрасывалась вонъ, хотя не могу сказать, чтобъ это было всегда. Мнѣ нездоровилось, и я положительно не могъ прикоснуться къ пищѣ; я легъ на землю, закрылъ глаза и старался заснуть, зная, что завтрашній день предстоитъ

много трудовъ и, можетъ быть, этотъ день будетъ моимъ послѣднимъ. Но едва я начиналъ забываться, какъ непрерывной вереницей, не соблюдая никакого порядка, мнѣ мерещились картины дня. То я видѣлъ непрерывное поле надломленного гаоляна, то висящій на колу трупъ солдата съ цѣлымъ роемъ мухъ, то вдругъ тянулись носилки съ ранеными, то на смѣну ихъ выѣзжалъ горбоносый армянинъ, то Славинъ со своей нѣжной тайной улыбался мнѣ или кричалъ: «Я хочу жить!» Я приходилъ въ себя и садился; картины, какъ призраки, ступшеывались на фонѣ лунной ночи, и я снова ложился, и опять въ душу лѣзли ужасныя картины дня.

«Господи, Господи! вѣдь такъ съ ума можно спятить», невольно думалось мнѣ, и я снова вскакивалъ; ко всему этому мнѣ было страшно холодно, — я дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, но укрыться мнѣ было нечѣмъ, такъ какъ свою шинель я бросилъ еще подъ Вафангоу, и теперь мой костюмъ состоялъ изъ рваныхъ сапогъ, надѣтыхъ на босую ногу, запыленныхъ шароваръ и одной только тонкой чесучевой рубахи, которая утратила свой первоначальный кремовый цвѣтъ и теперь была—земляного. Но, впрочемъ, эту тряпку, при всемъ желаніи, нельзя было назвать рубашкой, это была какая-то обидная дыра. Свою другую рубашку я отдалъ еще подъ Вафангоу раненому, который былъ совершенно нагой и сгоралъ отъ палящихъ лучей солнца.

Я думаю, что если бѣ собрать всѣхъ хулигановъ міра, то ни на одномъ бы изъ нихъ не нашлось такого красиваго костюма (хотя, понятно,

не хочу злословить, все это зависѣло лишь отъ тяжести боевой аммуниці, которую приходилось бросать, истомляясь отъ непрерывной жары и безконечныхъ переходовъ, но не отъ какихъ-либо другихъ причинъ; и винить въ этомъ кого-либо было бы несправедливымъ); а фуражка моя напоминала собой просаленный грязный блинъ. Впрочемъ, можно бы было очень много еще сказать о моемъ костюмѣ, но я хочу пощадить читателя. Наконецъ, я твердо рѣшилъ не обращать никакого вниманія ни на что.

Я началъ ужъ было засыпать, какъ слышу вокругъ меня какой-то шумъ и вскакиваю снова.

Рота поднималась. Слышался шумъ, разговоры и громогласное зѣваніе.

— Что случилось?—спрашиваю я.

— Приказано отступать въ Дашицао, получаю въ отвѣтъ.

— Какъ отступать? Зачѣмъ? недоумѣваю я.

— А чертъ ихъ знаетъ, зачѣмъ.

Слышу разные толки объ отступленіи.

— Что-жъ это дѣлаютъ съ нами? слышится въ ротѣ.—Что-жъ, опять лыжи наострили.

— Когда же это мы бѣжать то перестанемъ.

— Эхъ, господа, вотъ жизнь то каторжная, только и знай, что отступай. Кажись бить-бы да бить янонцевъ, такъ нѣтъ: бѣги безъ оглядки, какъ трусъ какой.

— А какъ же окопы то?! Неужто задарма работали; вѣдь изъ нихъ то самъ чертъ насъ не выбилъ бы.

— Вѣстимо бросать, потому японцамъ они больно нужны, чтобъ изъ нихъ же насъ поужать шрапнелью.

— Да и впрямь, ребята, безъ окопевъ то куда способнѣе, потому каждая японская шимоза не пропадетъ даромъ, а въ цѣль угадаетъ.

— А что жъ бѣжать, такъ бѣжать — вѣдь не привывать, слышались ироническіе голоса солдатъ.

— Ну, ужъ будетъ; завтра же я въ госпиталь подамся,—говорилъ стрѣлокъ Поповъ; не для того же я раненымъ въ строю оставался, чтобы отступать (и дѣйствительно онъ на другой же день ушелъ въ госпиталь).

— Да какъ же, братцы, неужто на самомъ то дѣлѣ отступать? Почему же это.

— А, сказываютъ, снарядовъ не хватило.

— Какъ не хватило, вѣдь цѣлый мѣсяць къ бою готовились.

— Да вотъ такъ—не хватило, да и только.

Рота грустно спускалась съ горы, чуть ли не со слезами, бросая окопы и теряя всякую вѣру въ завтрашній день.

Луна уже закатилась за горы, но на смѣну ей со всѣхъ сторонъ горизонта распространялся блѣдно-розовый, не дающій освѣщенія, свѣтъ отъ непрерывной зарницы, которой какъ бы дышало все небо. Зарницы эти то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ горизонта вспыхивали, какъ будто отдаленный беззвучный взрывъ, освѣщая все небо; это странное огнедышащее розовое небо раздражало нервы. (Такія ночи очень обыкновенное явленіе).

Не успѣли мы пройти версты, какъ намъ пришлось остановиться, чтобы дать дорогу отступающимъ обозамъ.

Солдаты, пользуясь остановкой, ложились и тотчасъ же засыпали.

Я былъ въ головѣ роты. Недалеко отъ меня дремалъ, сидя верхомъ на лошади, ротный командиръ. Въ это время къ нему подъѣхалъ командиръ баталіона, Подполковникъ Высоцкій.

— Да, кстати, Капитанъ, кто это вамъ сегодня утромъ приказалъ отступить изъ сторожевого охраненія.

— Я получилъ это приказаніе отъ Васъ, г. Полковникъ.

— Какъ отъ меня. Что это вы выдумываете?

— Такъ точно: отъ Васъ.

— Кто Вамъ передалъ это приказаніе?

— Вольноопредѣляющійся Г....

— Это выдумка: я ничего подобнаго не передавалъ. Гдѣ онъ?

Г. вышелъ изъ строя.

— Я, Ваше Высокоблагородіе!

— Это что за новости? — закричалъ на меня Командиръ. — Что это ты съ ума сошелъ или ханшины напился? Когда это я тебѣ передавалъ такое приказаніе?

— Вчера ночью, Ваше Высокоблагородіе.

— Тебя бы разжаловать за это слѣдовало, а Вы, пожалуйста, Капитанъ, больше не посылайте этого субъекта ни съ какими донесеніями. И Подполковникъ отъѣхалъ въ сторону.

Я сталъ снова въ строй.

Съ разсвѣтомъ мы уже были на ст. Дашицао. Теперь эта, когда-то чистенькая и уютная станція, имѣла очень грустный видъ. Всѣ дома были пусты, съ вывороченными косяками, съ разбиты-

ми вдребезги окнами, съ выломанными полами и даже съ развороченными печами; ко всему этому большинство построекъ было подожжено. Желѣзнодорожные служащіе, покидая свои насиженные мѣста, не хотѣли, чтобъ ими пользовались японцы, и все то, что могло поддаться человѣческой силѣ и стихіи, было исковеркано и уничтожено.

Пользуясь остановкой, солдаты выгребали изъ пылающихъ домовъ угли и на нихъ варили себѣ чай.

— Петровичъ, не хотите ли чаю? предложилъ мнѣ любезно Миргородскій.

Я его поблагодарилъ и охотно воспользовался его предложеніемъ, такъ какъ чувствовалъ полнѣйшую пустоту въ своемъ желудкѣ.

— Вы, Петровичъ, распорядитесь котелкомъ-то, а я побѣгу сахару разжиться, потому, говорятъ, антиндантскій складъ сжигать будутъ.

Онъ побѣжалъ на другой конецъ; за нимъ послѣдовало еще нѣсколько человѣкъ. Минутъ черезъ 20 они вернулись обратно, многіе совершенно съ пустыми руками, но Миргородскій тащилъ съ собой торжественно подъ мышкой какой-то гигантскій уголь. Такіе же угли были еще у двухъ-трехъ человѣкъ.

— Это что жъ такое? невольно вырвалось у меня.

— Какъ, что? хлѣбъ. Подходимъ, значить, къ складу, глядимъ—пекарня горить; ну, и бросился я въ самую пеклу-то и спасъ нѣсколько ковригъ; оно, положимъ, корка обгорѣла, а мякишъ есть можно.

— А вотъ мнѣ такъ ничѣмъ не пришлось поживиться.

— А потому, розиня, — сапоги бросился имать, отъ ихъ-то одни подборы только остались: все сгорѣло.

— А сахару то сказываютъ 18 бочекъ сгорѣло.

— А консервовъ то однихъ цѣлый складъ, и почему это они жгутъ то? Роздали бы солдатамъ.

— Не приказано, значить, раздавать то.

— А вотъ сапоги ужъ совсѣмъ задарма сожгли, говорить стрѣлокъ Шуршъ, разглядывая свои рыжіе сапоги, окрученные веревкой и ремнями, чтобы поддержать ихъ цѣлость и не утерять подметокъ, которыя въ сапогахъ играютъ *) главную роль. Я тоже невольно взглянулъ на свои, просящіе каши сапоги.

— Э, да что, ребята, какіе тамъ сапоги, лѣтомъ и босякомъ ходить способно, — заявилъ Чуйкинъ и, какъ бы въ доказательство своихъ словъ, сталъ прицелкивать пальцами и, припѣвая, прошелъ колѣнце комаринскаго, комично притопывая своими собственными подошвами по пыльной землѣ, такъ какъ сапоги его были безъ подошвъ, и нога прикрывалась только сверху порыжѣвшей и надтреснутой кожей.

— А по мнѣ такъ и вовсе сапоговъ не нужно, — китайскіе башмаки куда лучше, легче и удобѣе; а на горы, значить, лазить, такъ прямо — первый сортъ. Сносилъ одни башмаки, поймалъ какого-нибудь манзу за косу, стащилъ съ ногъ эвти самыя щиблеты и снова щеголяй — заявилъ Миргородскій, обутый въ китайскіе башмаки.

*) Какъ я убѣдился.

Но вдругъ послышался знакомый намъ рѣзкій визгъ и вой воздуха—по небу летѣла шрапнель, за ней другая, третья; слышались взрывы, и бѣлая облачка дыма поднимались къ небесамъ. Шрапнели стали падать все чаще и чаще; онѣ сыпались какъ горохъ изъ прорваннаго мѣшка; помню, я слѣдилъ по часамъ и, въ продолженіе одной минуты, насчиталъ 114 взрывовъ; но, къ нашему счастью, въ большинствѣ былъ недостатокъ, и шрапнели не приносили намъ большого ущерба. Однако всѣ, какъ это обыкновенно бываетъ, страшно засуетились. У многихъ поблѣднѣли лица. Было приказано немедленно строиться. Наша рота была сегодняшній день знаменной, она собралась раньше другихъ, и мы двинулись въ отступленіе. При началѣ стрѣльбы многіе солдаты стали поджигать дома, также и шрапнели дѣлали то же дѣло, — скоро почти все Дашицао было объято пламенемъ; проходя около горящихъ домовъ, мы чуть не задыхались отъ духоты; въ особенности же, было трудно идти мимо механической лѣсопилки, — дорога проходила рядомъ, свернуть же въ сторону мѣшало оврагъ, находящійся рядомъ съ дорогой. Лѣсопилка была вся въ пламени. Листы оцинкованнаго волнистаго желѣза, которыми была обшита лѣсопилка, накалялись до-красна и съ грохотомъ падали въ разъяренное море огня. Палящіе лучи солнца, жаръ и дымъ пожара и абсолютное безвѣтріе дѣлали воздухъ положительно негоднымъ и невозможнымъ для дыханія; мы положительно задыхались и старались, какъ можно скорѣе, выйти изъ района пожара; а выше нашихъ головъ без-

прерывно появлялись бѣлыя облачка и слышались взрывы снарядовъ. Наконецъ, горящее Дашицао осталось за нами, но шрапнели все еще продолжали насъ преслѣдовать. Несмотря на громадное количество рвавшихся кругомъ насъ снарядовъ, мы оставались невредимыми, были безъ потерь. Меня даже удивляло это обстоятельство. Снаряды падали и сзади нашей роты и впереди и съ боковъ, короче говоря, кругомъ, но ни одинъ снарядъ не приносилъ намъ ущерба. Дорога шла между полей саженнаго гаоляна, неподвижно стоявшаго плотной стѣной. Пыль поднималась въ воздухъ и скрывала собой нашу роту; не смотря на то, что вѣтра совсѣмъ не было, она прилипала къ потнымъ лицамъ и платью. Сначала роты двинулись по Мандаринской дорогѣ, но страшная пыль, отъ непрерывнаго передвиженія по этой дорогѣ, заставила насъ свернуть и идти узенькой полузаросшей тропой, которая шла рядомъ съ Мандаринской, немного лишь уклоняясь въ сторону; на этой тропѣ было несравненно меньше пыли. Скоро мы стали замѣчать, что шрапнели перестали падать впереди роты и почти всѣ рвались сзади ея, а разстояніе между ней и падающими снарядами съ каждымъ шагомъ увеличивалось; мы были въ высшей степени довольны, что вышли изъ сферы огня, тѣмъ болѣе, что при нашей ротѣ было, какъ я уже сказалъ выше, знамя, которое въ бою всегда связываетъ роту и является ея бременемъ. Въ это время остальные роты нашего полка шли по Мандаринской дорогѣ. Кому-то изъ начальствующихъ лицъ бросилось въ глаза то обстоятельство, что 3 роты нѣтъ

среди прочихъ ротъ; было приказано отыскать роту и, когда стало извѣстнымъ, что она пошла другой дорогой, да еще къ тому же, по собственному произволу, ей было строго на строго приказано вернуться назадъ, пройти до соединенія нашей и Мандаринской дорогъ и затѣмъ продолжать отступленіе обязательно по Мандаринской дорогѣ.

Казалось, чтобы попасть на Мандаринскую дорогу, если ужъ это было такъ необходимо для общаго плана отступленія, гораздо было скорѣе и проще свернуть прямо въ гаолянъ и по гаоляну пройти какую-нибудь версту, чтобы выйти на общій путь, а возвращаться назадъ и идти 5 верстъ было совершенно лишнее занятіе; но тѣмъ не менѣе, согласно желанія начальства, пришлось возвращаться. Идти лишнихъ пять верстъ по такой пылицѣ и жарѣ было больше, чѣмъ обидно. Только что выбравшись изъ сферы непріятельскаго огня, мы снова вернулись въ нее лишь для того, чтобы оставить 6 человѣкъ убитыми и 4 ранеными.

Наконецъ, мы вышли на Мандаринскую дорогу и снова зашагали по ней; желаніе начальства было удовлетворено, но въ ротѣ не хватило 10 человѣкъ, какъ будто бы эта потеря принесла хоть маленькую пользу отечеству и была кому-нибудь нужна. Было уже около 12 часовъ дня; жара достигла высшихъ предѣловъ, воздухъ накалился, дымъ отъ рвавшихся снарядовъ, поднятая ногами пыль, отвратительный запахъ лошадиного пота,—все это дѣлало накаленный воздухъ удушливымъ. Отъ жары и быстрой ходьбы

солдаты стали терять сознание, пораженные тепловыми ударами; въ нашемъ полку было случаевъ до 15, а въ 35 стрѣлковомъ, какъ мнѣ рассказывали, 22 человѣка были поражены тепловыми и 12 человѣкъ солнечными, изъ нихъ 4 смертельно.

На всемъ нашемъ пути не встрѣчалось совсемъ воды, за исключеніемъ только одного колодца, который былъ причиной остановки почти всего отряда. Солдаты, изнемогая отъ жары, облѣпили колодезь со всѣхъ сторонъ, давая другъ друга и стараясь протискаться; изъ-за этого колодца произошелъ гвалтъ и шумъ и, вообще, безпорядокъ; солдаты бросали строй и бѣжали къ колодцу. Что бы водворить порядокъ, было послано нѣсколько солдатъ отгонять отъ колодца и не давать пить. И такъ, потолкавшись у колодца, солдаты принуждены были идти дальше, не утоливъ своей жажды.

Каптенармусъ нашей роты, унтеръ-офицеръ Шевелевъ, шелъ еле передвигая ноги, весь пропитанный потомъ съ ногъ до головы, который капалъ съ него въ буквальномъ смыслѣ слова; но, смотря на всю усталость, онъ не унывалъ и былъ даже въ веселомъ расположеніи духа.

— Что это вы, землячки, приуныли и жалуетесь, что идти трудно, говорилъ онъ.

— Че трудного-то? навѣсилъ себѣ аммуницію, на плечѣ винтовочка и подался себѣ замѣсто прогулки; а вотъ каково нашимъ бѣднымъ офицерамъ то приходится! Поглядите ка! Вѣдь они бѣдные замучились! Изволька по такой жарѣ, да верхомъ на лошади трястись. Солдату невпри-

мёрзъ легче — смѣялся онъ. Въ это время недалеко отъ него упалъ шрапнельный стаканъ; онъ поднялъ столбъ пыли, первоначально скрывшись въ ней, потомъ мгновенно давая рекошеты, покати́лся къ ногамъ Шевелева, который инстинктивно подпрыгнулъ и такимъ образомъ спасъ свои ноги отъ раненія или вѣрнѣе ушиба, такъ какъ стаканъ потерялъ силу полета.

— Вотъ такъ консерва, — подымая стаканъ проговорилъ Шевелевъ, показывая его ротѣ.

— Какая это консерва! Это только баночка пустая, а консерва-то самая уже вылетѣла.

Мимо роты проѣзжалъ офицеръ какого-то полка. Вдругъ онъ схватился обѣими руками за голову и страшно застоналъ; лошадь почувствовала, что отпущены поводья, почувяла свободу и бросилась въ сторону. Офицеръ ударился лицомъ о землю; какъ мнѣ показалось, кровь брызнула изъ его разбитого лица; лошадь же его мчалась вихремъ, ломая гаолянъ. Офицеръ былъ безъ сознанія: онъ былъ пораженъ солнечнымъ ударомъ. Появились санитары и унесли его въ лазаретную двуколку. Его лицо, довольно красивое и молодое, только 5 минутъ назадъ, превратилось теперь въ общій синякъ, а верхняя губа была разбита такъ сильно, что сквозь ротъ были видны окровавленные зубы.

Я помню, что по обѣимъ сторонамъ дороги, по которой мы шли, возвышались двѣ большихъ насыпи, достигающихъ саженой до трехъ. Изнемогая и весь пропитанный потомъ, я шелъ по этой насыпи. Внизу шагала рота. Еще ночью и цѣлое утро я чувствовалъ себя очень скверно; болѣла голова и во всемъ тѣлѣ ощущалась ка-

кая-то необъяснимая тяжесть, какъ будто бы я несъ на себѣ непосильный грузъ. Меня ужасно возмущало солнце, которое, казалось, задалось цѣлью изжарить насъ. Палящіе отвѣсные лучи жгли разгоряченные головы. Вдругъ я почувствовалъ сильную боль. Мнѣ показалось, что эти лучи обратились въ острые иглы, которыя пронизывали насквозь все тѣло. Какіе-то гигантскіе тиски давили голову, чувствовалось, что вотъ—вотъ она расколется совсѣмъ.

Въ это время случилось нѣчто сверхестественное. Мой ротный командиръ, на котораго я въ это время смотрѣлъ, вдругъ вмѣстѣ съ лошадыю стремительно полетѣлъ вверхъ и сталъ кружиться въ воздухѣ съ необычайной быстротой. Идущій рядомъ со мной солдатъ, весь опутанный дымомъ, грузно упалъ на землю. Дальнѣйшаго я не помнилъ,—я потерялъ сознание...

—
— Пить хочу, закричалъ я и сѣлъ, дико озираясь по сторонамъ. Кругомъ меня стояли койки, которыми была заставлена длинная казарма. Я не могъ понять, куда вдругъ дѣлся мой ротный командиръ и солдатъ, который упалъ на землю, моя третья рота 3-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка, пыльная дорога, поля гаоляна и ослѣпительное раскаленное солнце. Передо мной склонилась стройная фигура сестры молосердія; она держала въ рукѣ кружку воды, окрашенной розовымъ цвѣтомъ какого-то сиропа.

— Гдѣ я? невольно вырвался у меня вопросъ.

— Вы въ Харбинскомъ военномъ госпиталѣ.

— Которое сегодня число?

— Второе августа, услышалъ я въ отвѣтъ, страшно пораженный такимъ извѣстіемъ.

Съ 12 іюля по 2-е августа меня не существовало.

Такъ угостило меня проклятое Мандчжурское солнце!..

1 - 18 ФЕВ 1944

2014333968